

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
«ЗАРЯ ВОСТОКА»

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
ფოთა რუსთაველის სახ. ქართული ლიტერატურის ისტორიის ინსტიტუტი

სურხან-საბა მბედიანი

წიგნი

სიბიძნე-სისხუისა

საქართველოს სსრ
მეცნიერებათა აკადემიის
აკადემიკოს
ბიორბი ლონიძის
წინასიტყვაობით

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“
1959 თბილისი

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. РУСТАВЕЛИ

Сулхан-Саба Орбелиани

Мудрость вьмвѣсла

Предисловие
действительного члена Академии наук
Грузинской ССР
Г. Н. Леонидзе

Издательство Союза писателей Грузии „Заря Востока“
1959 Тбилиси

**Перевод с грузинского
ЕЛЕНА ГОГОБЕРИДЗЕ
под редакцией
Г. Н. ЛЕОНИДЗЕ и Е. Г. ЛУНДБЕРГА**

**Иллюстрации
и оформление книги
народного художника Грузии
ЛАДО ГУДИАШВИЛИ**

СУЛХАН-САБА ОРБЕЛИАНИ

(1658—1725)

«Саба-Сулхан сын Орбели
Поднялся мудростью выше орлов».
(Неизвестный поэт XVIII века)

ГЛАВА I

«Ему 60 лет, он высок ростом, бодр и сильного телосложения; у него прекрасное лицо и... длинная борода, которая очень ему идет»¹. Так описывал внешность Сулхана-Саба один итальянец, встречавшийся с ним в городе Тоскана.

«Я рад, что в Риме вами усердно занимается молва, правильно вы себя ведете и умно»,— сказал папа Климент XI грузинскому писателю², которого «вся Грузия считала своим отцом».

Современники называли автора «Мудрости вымысла» «великим исследователем, глубоким мудрецом», «ученым и философом», «источником, рекой мудрости». Поэт-современник воспел его во вдохновенных стихах:

Саба-Сулхан сын Орбели
Поднялся мудростью выше орлов.

Окруженный ореолом, стоит в пантеоне грузинской литературы и культуры великий просветитель и гуманист, писатель и лексикограф, поэт, большой государственный деятель и дипломат Сулхан-Саба Орбе-

¹ М. Тамарашвили, История католичества в Грузии, Тифлис, 1902, стр. 328 (на грузинском языке).

² Саба-Сулхан, Путешествие в Европу, Тбилиси, 1940, стр. 61.

лиани (1658—1725). Имя «Саба» («Савва») Сулхан получил в монашестве.

Сулхан-Саба принадлежал к знатнейшему феодальному роду, который дал в свое время немало славных национальных деятелей — писателей, поэтов, каллиграфов и полководцев. Многие представители рода Орбелиани играли выдающуюся роль в общественно-политической и культурной жизни Грузии средних веков.

Орбелиани, или Орбелишвили, происходили из «рода Бараташвили». Они были патронами весьма богатых, влиятельных и крупных вассалов. Члены этого «древнего и крепкого» рода владели большей частью Южной Грузии. В XVII веке особенно прославился Каплан Орбелишвили — приближенный сановник царя Ростом (царствовавшего в 1634—1658 гг.). Каплан воспитывался вместе с царем в Иране и пользовался при дворе большим почетом и доверием. Ростом высоко ценил его преданность, мужество, трудолюбие и ум.

Большим влиянием пользовался Каплан Орбелишвили и в царствование преемника царя Ростом — Вахтанга V (1658—1675), который был женат на его дочери Родам. Первейший феодал Картли, тесть царя и видный сановник иранского царства, Каплан считался главою своего рода и управлял обширными владениями. О его могуществе свидетельствует хотя бы тот факт, что он, как гласит эпитафия на могиле, заново отстроил шестьдесят одну деревню. Каплан, от которого произошла могучая ветвь Орбелишвили-Капланишвили, был дедом Сулхана-Саба.

Не меньшим влиянием пользовался и сын Каплана Вахтанг, или «великий» Орбели, как часто называли его современники. Мдиванбег¹, зять могущественного арагвинского правителя Заала, шурина царя Вахтанга, он играл значительную роль в политической жизни страны во второй половине XVIII века. Характерно, что сам Вахтанг называл себя «судьей Грузии, братом матери государей Картли и Кахети». Он был отцом одиннадцати детей, старшего из его сыновей нарекли Сулханом.

Сулхан Орбелиани родился 4 ноября (по новому стилю) 1658 года. Сохранилась запись, в которой точно указана дата рождения писателя. «Родился Сулхан-Саба Орбелиани в 1658 году, октября 24, в воскресный день, в полуденное время».

Родина Сулхана — село Тандзиа (Южная Грузия, ныне Болнисский район), наследственное владение Орбелиани.

Сын крупного феодала, Сулхан имел широкие возможности получить блестящее по тому времени образование.

Отец его считался человеком ученым. Между прочим, он был в то время одним из немногих, владевших так называемым «заглавным

¹ М д и в а н б е г — верховный судья.

округлым письмом». «Заглавные буквы,— писал один из сыновей Вахтанга, известный каллиграф и духовный поэт Николоз Тбилели,— издревле были приняты у грузин, но в наше время никто не был им обучен, кроме старшего брата моего, Сулхана-Саба. Он же научился им у отца моего, а затем обучил и меня».

К сожалению, не сохранилось сведений относительно матери Сулхана Тамар. Можно думать, что она, как дочь арагвинского правителя и внука «великого Эристави Нугзара», также была вполне образованной женщиной. Недаром семья Орбелиани дала Грузии таких крупных деятелей, как Сулхан-Саба и его братья — известный поэт Дмитрий Орбелиани, видный духовный поэт Николоз Тбилели и каллиграф Заал-Зосиме.

Как известно, сам Сулхан принимал живое участие в воспитании своих братьев, и, несомненно, его влиянием объясняется их большая любовь к литературе.

Горе мне, ибо я потерял того,
Кто разъяснял мне притчи,
Кто постоянно учил нас добру
И отстранял зло...

Так оплакивал Сулхана-Саба его брат, Дмитрий Орбелиани.

Зосиме также питал глубокое уважение к своему старшему брату. «Я не брат Саба,— замечает он в одной приписке к словарю,— а недостойный считаться братом — раб его Зосиме».

Известно, что Заал-Зосиме переписал в нескольких экземплярах «Словарь» Сулхана, из этих списков до нас дошло четыре.

По-видимому, под руководством Сулхана обучался и его племянник — поэт Вахтанг Орбелиани.

В воспитании самого Сулхана близкое участие принимали его двоюродные братья — цари Георгий XI и Арчил.

Сам Саба упоминает, что он воспитывался и обучался у царя Георгия. Подтверждает это и Вахтанг VI, который так прямо и называл Сулхана «воспитанником царя Георгия». Именно по инициативе Георгия создал Орбелиани свой известный словарь¹. «Царь Георгий приказал мне это свершить»²,— писал Саба впоследствии. Георгий XI был выдающимся государем, мужественным полководцем и непримиримым

¹ Характерно, что, даже находясь в боевой обстановке в далеком Кандахаре (в Афганистане), царь живо интересовался работой Саба над словарем. Вот что писал он Орбелиани: «...Я много раз благословлял тебя и еще раз благословляю. Подлинно хорошая книга. Я очень ею увлекся... В этой книге есть некоторые грузинские слова, которых я не разобрал. Если ты четко и тщательно еще раз перепишешь и пришлешь мне... буду весьма благодарен».

² О задушевной дружбе царя Георгия с Сулханом свидетельствуют, в частности, обращения, встречающиеся в письмах царя: «желанный для глаз моих», «брат Сулхан», «мой брат Саба... не забывай меня» и пр.

борцом за независимость Грузии. Пользовался он также славой литературного мецената. Он «затратил большие средства» на украшение книг. А известную науке рукопись «Витязя в тигровой шкуре» он с помощью переплетчика, каллиграфа, художника украсил так богато, что, по словам переписчика, никто из прежних «царей не украсил книгу эту... подобно господину нашему». Надо полагать, что Георгий не был чужд литературе. Подчеркнем также, что воспитатель автора книги о «Мудрости вымысла» был известен своим остроумием. Историк Сехния Чхеидзе рассказывает, например, что, когда шах Сулейман (Сефи II) пригласил царя Георгия в Иран и задал пир в его честь, «остроумные шутки царя (то есть Георгия.— Г. Л.) всех привели в восхищение».

Мы уже упоминали выше, что царь Арчил также оказал значительное влияние на развитие Сулхана. По словам современников, Арчил был «грамматиком, ритором и звездочетом». Один из культурнейших деятелей того времени, он был основоположником национально-патристического направления в грузинской общественной мысли и в поэзии.

Литературные воззрения Арчила характеризуются реалистическим подходом к действительности. Он вел активную борьбу за чистоту грузинского литературного языка и отстаивал историко-национальную тематику.

Большое историческое значение имела культурно-политическая деятельность Арчила. Убеденный сторонник ориентации на Россию, он в 1699 году положил начало в Москве грузинской колонии, ставшей впоследствии крупным центром в деле расширения и укрепления культурных связей между народами русским и грузинским. Умер Арчил в 1713 году в Москве, похоронен в Сретенской церкви Донского монастыря, которую он сам и построил. Известно, что Арчил «воспитывал и обучал юношей», что «в Картли, Кахети и Имерети было много его воспитанников».

Большую роль в воспитании автора «Мудрости вымысла» сыграл также Леван, брат Георгия и Арчила, — «иранский мдиванбег», философ и писатель, близкий друг Сулхана.

Мы полагаем, что годы учения Сулхан провел при дворе грузинского царя Вахтанга V, или Шах-Наваза (1658—1675). Будущему придворному, сановнику, дипломату и государственному деятелю необходимо было заранее ознакомиться со всей системой управления государством. Здесь же он мог удовлетворить и свою любознательность, получив доступ к богатой царской библиотеке, в которой хранились редчайшие грузинские и персидские фолианты. Ведь Сулхан, по собственным его словам, «был очень большим любителем учения».

В великолепном дворце Шах-Наваза постоянно толпились поэты, ученые, риторы, благодаря им литературная жизнь столицы была ключом.

Дворец Шах-Наваза, по отзыву современника, французского путешественника Шардена, представлял собой лучшее украшение Тбилиси. «В нем находятся большие залы,— писал Шарден,— выходящие на реку и в обширные сады дворца; имеются большие птичники с птицами разных пород, богатая псарня и самая лучшая соколиная охота, какую только можно встретить. Перед дворцом лежит квадратная площадь, на которой можно поместить около тысячи лошадей; она окружена лавками и примыкает к длинному базару, расположенному против ворот дворца. С крыш этого базара открывается чудный вид как на самую площадь, так и на фасад дворца»¹. Далее путешественник описывает внутренние покои: «...Князь находился в зале длиною в 110 футов и шириною в 40, построенной на берегу реки и открытой с этой стороны. Мозаичный потолок поддерживался множеством выкрашенных и позолоченных колонн вышиною в 35—40 футов; вся зала была устлана красивыми коврами»². В этом-то дворце и протекала молодость Сулхана.

В своем «Путешествии» Шарден подробно рассказывает о посещении им покоев Шах-Наваза и описывает свадебное пиршество; у нас есть основания думать, что это праздновалась свадьба самого Сулхана.

«Свадебный пир,— пишет Шарден,— происходил на террасе дворца, окруженной помостами вышиною в два фута и шириною в шесть. Терраса сверху была затянута большим пологом, укрепленным на пяти колоннах... Подбой так искусно и мастерски был сделан из золотой и серебряной парчи, бархата и узорчатого полотна, что при огнях казалось, будто он соткан из цветов и моресков. Посредине находился большой бассейн воды... Пол был устлан красивыми коврами, и все помещение освещалось сорока большими факелами, из которых четыре, находившиеся возле князя, были золотые, остальные же серебряные... Князь сидел в глубине на более высоком помосте, под балдахином в виде купола. По правую руку сидели его сын и братья, а по левую — епископы... На этом пиру присутствовало более ста человек... Когда они (новобрачные. — Г. Л.) заняли свои места, то родственники князя подошли поздравить их и поднести подарки... Подносились они в строгом порядке, это длилось полчаса...

Стали накрывать к ужину. Прежде всего перед всеми гостями разостлали скатерти... Затем принесли хлеб трех сортов: тонкий, как бумага, другой — толщиною в палец, и третий — мелкий засахаренный. Мясо лежало на больших серебряных закрытых блюдах. В Европе не делают таких больших блюд. Такое блюдо с крышкой весит обыкновенно 25—30 фунтов. Люди, приносившие в залу кушанья, ставили блюда на скатерть у входа; слуги подавали их столынику, который раскла-

¹ «Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг.», Тифлис, 1902, стр. 202.

² Там же, стр. 206.

дывал мясо по тарелкам и рассылал приглашенным. Князю подавали первому, а потом уже гостям, соответственно их рангу. Нам подавали подряд несколько раз мясо, приготовленное в разных видах... Первым блюдом был всевозможных сортов плов... — блюдо вкусное, легкое и очень здоровое. Вторая перемена состояла из пирогов, тушеного мяса, рубленого мяса со сладким и кислым соусом и из других подобных кушаний. Третье блюдо — жаркое... Для духовенства подавалась рыба, яйца и овощи; нам же подавали и скоромное и постное. Все это подавалось и убиралось в удивительном порядке и тишине. Каждый исполнял свою обязанность молча; три европейца за одним столом производят гораздо больше шума, чем эти сто пятьдесят человек, присутствовавших на пиру.

Но что было прекраснее всего, не считая порядка, так это утварь; она состояла приблизительно из ста двадцати чаш для вина, чашек, рогов, шестидесяти кувшинов и двенадцати жбанов.

Жбаны были почти все серебряные, кувшины золотые, гладкие или с эмалью, чаши и чашки золотые, гладкие, или с эмалью, или же украшенные драгоценными камнями, наконец, серебряные.

Рога были отделаны так же, как и самые богатые чаши; они — разной величины. Некоторые сделаны из рогов носорогов, а другие были попроще...

В начале ужина никто ничего не пил, только при третьей перемене начали пить, и притом очень странным образом, а именно: сидящим ближе к князю, четверем справа и четверем слева гостям, подавали восемь совершенно одинаковых по величине и форме чаш, полных вина... гости вставали и выпивали вино стоя... Затем все выпившие вино сели... а восемь чаш подавались далее — их соседям, и так до конца, пока чаши не обходили всех гостей...

В описанном порядке гости пили... до утра.

Капуцины и я были освобождены от питья, и, действительно, если бы я столько выпил, сколько мои соседи, то умер бы на месте... Во время здравиц музыканты играли туш и голоса подтягивали им... Такой концерт очень нравился всему обществу»¹.

* * *

Усилия воспитателей Сулхана привели к блестящим результатам. Талантливый и трудолюбивый юноша становится одним из образованнейших и культурнейших людей своего времени и уже с юных лет занимает высокое положение при дворе.

Кто же были непосредственные учителя Сулхана? Сведения об этом обнаружены лишь недавно. По счастливой случайности уцелела древ-

¹ «Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг.», Тифлис, 1902, стр. 219—222.

няя рукопись из библиотеки Сулхана с припиской, сделанной, несомненно, его рукой. В этой приписке говорится:

«Я, Сулхан, первородный внук Каплана, великого Орбели Бараташвили, и сын верховного судьи Грузии Орбели Вахтанга, еще юношей начал разучивать ирмосы и другие церковные песнопения с большим желанием... и по повелению несравненного моего духовного отца...

Обучал меня Берука из дома Зедгенидзе из Мцхета, а к совершенству песни приобщил меня Георгий Яшвили. Воспитывали меня в неге и в баловстве, как подобает княжеским сыновьям. И если кто-либо, будь то старик или юноша, священник или воин... встретит этот, купленный нами сборник песнопений, пусть благословит бога и помолится за меня — неуча и грешника... А кто произнесет благословение, тому бог воздаст должное».

Как видно из этих строк, Сулхан приступил к «разучиванию песнопения», когда ему шел 21-й год. Учителями же его были Берука Зедгенидзе и Георгий Яшвили. Конечно, для изучения прочих наук у Сулхана как сына знатного феодала и царского родственника, были и другие учителя и воспитатели.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Берука Зедгенидзе считался вассалом одного из крупнейших грузинских феодалов — Мухрана-Батони, дочь которого стала впоследствии женой Сулхана. Можно предположить, что по существовавшей традиции Сулхан еще в детстве был обручен с дочерью Мухрана-Батони, возможно даже, что Сулхан и Дареджан росли вместе¹.

Воспитатель юноши называется «мама-мдзудзе», что означает примерно «молочный отец», а воспитательница девочки «деда-мдзудзе», или «молочная мать». По примеру царя сановники и князья также отдавали своих детей на воспитание вассалам — азнаурам, а последние — зажиточным крестьянам. Ребенка с большой церемонией отводили в дом воспитателя, и он становился членом семьи.

В грузинских школах той эпохи обязательно обучали грамоте, церковному пению, составлению проповедей (риторика), стихосложению (поэтика), истории, грамматике, географии, математике, иностранным языкам (греческий, армянский, персидский), философии, астрономии и другим наукам.

Немалое значение в процессе воспитания придавалось и физическому развитию. Уже с пятилетнего возраста мальчика приучали к физическим упражнениям (джигитовка, игра в мяч, охота и затем — военные упражнения).

¹ Цари и сановники по древней восточной традиции отдавали своих детей на воспитание в чужие семьи (этот обычай сохранился в грузинских феодальных семьях до XIX в.).

Царь и крупные феодалы даже выделяли для своих детей области или общины, где в окружении воспитателей, рыцарей и риторов ребенок обучался управлению ими. Сулхан, как сын крупного феодала, также получил майорат — Дманисское ущелье.

Конкретные сведения о том, что должен был знать и изучать молодой феодал той эпохи, приведены в известном моральном кодексе царя Арчила «Нравы Грузии, коим надлежит обучать молодых людей». В этом кодексе значительное место отведено изложению обязанностей придворного, дана сводка правил поведения, красноречиво изображены духовные и физические качества, которыми придворный должен был обладать.

Арчил подчеркивает, что наиболее важным из этих качеств является военное искусство, т. е. умение метко стрелять из лука или ружья, руководить отрядом, обращаться с лошады и оружием, играть в мяч, охотиться, джигитовать и т. п.

Юноша должен был знать музыку, хорошо петь, вежливо беседовать, учтиво вести себя за столом, играть в шахматы и нарды, блистать остроумием, танцевать, бороться, плавать, ловить рыбу.

Придворный, по кодексу Арчила, должен быть одинаково учтивым и с царем, и с господином, и со сверстниками, уметь вести себя, хранить тайну, быть милосердным, делать подарки, рано приходить во дворец и доставлять удовольствие царю, обладать мудростью, быть дипломатом и т. п.

«Духовные качества» придворного заключались в грамотности, умении считать, толковать стихи, в знании законов стихосложения, астрологии и т. п.

Таковы требования, которым должно было удовлетворять воспитание молодого человека в феодальной Грузии. Несомненно, эти же принципы легли и в основу воспитания Сулхана.

Доверие царя к Сулхану было столь велико, что он, и сам еще почти юноша, был назначен воспитателем Вахтанга — наследника престола. А, поскольку Сулхан проявил при широком общем образовании и богатые лингвистические способности, ему, также по желанию царя, было поручено чрезвычайно ответственное дело — составление словаря грузинского языка.

Отроческие и юношеские годы Сулхана прошли в неустанных трудах. По словам писателя, он проделал над словарем «огромную работу именно в пору отрочества и юности».

О редком трудолюбии молодого Сулхана свидетельствует хотя бы тот факт, что первую редакцию словаря он закончил в возрасте 27 лет (то есть в 1685 году, как сообщает сам Саба в введении к «Словарю»).

Судя по введению к «Словарю», Сулхан хорошо был знаком с философией и теологией по «глубокомысленным книгам». «Что знал я —

то и написал,— замечает он,— а трудные слова, какие мне были незнакомы, я отыскал в глубокомысленных книгах».

И далее:

«А которые не нашел в писаниях, те взял частью из богословских сочинений, а некоторые из глубокомысленных философских книг, из Прокла, платоников, из «Категорий» Диодоха Порфирия, описал обороты платонической речи Иоанна Дамаскина». Однако «заимствование слов из иностранных книг» происходило с посторонней помощью, при участии осведомленных специалистов и под их контролем, как сообщает сам Саба во введении к «Словарю».

«Я постарался истолковать слова, сверив их значение с писаниями эллинскими, латинскими, итальянскими, армянскими, русскими и арабскими, но большую часть пришлось оставить, ибо другого языка, кроме грузинского, я не знал, а из этих языков я заимствовал то, что мне правильно разъяснили и в чем меня убедили... Вначале я не мог найти латинского и эллинского лексиконов, а то бы написал лучше».

Впрочем, как выясняется, составитель словаря все же располагал кое-какими познаниями в области древних и иностранных языков: он частично владел греческим, армянским и турецким языками. И если по скромности своей Сулхан утверждал, будто не знает их, то это нужно понимать в том смысле, что он не владел ими в совершенстве.

Что же касается персидского языка, то трудно себе представить, чтобы знатный грузинский феодал XVII века мог не знать его. Персидский язык был весьма распространен в феодальных кругах и играл в то время в Грузии роль интернационального языка. Вспомним хотя бы, что Сулхан по просьбе царя Вахтанга основательно поработал над переводом «Калилы и Димны».

Позже Сулхан ознакомился и с французским языком.

Семье Орбелиани принадлежали дворцы в Тандзии и Тбилиси, однако Сулхан большую часть времени проводил в Дманиси — в своем поместье.

Перед пострижением он подарил братьям свою долю наследства — Дманисское ущелье.

«До вступления в монахи,— сообщает один из спутников Сулхана, сопровождавших его в Рим,— он оставил своим братьям обширную провинцию, которая была его собственностью».

ГЛАВА II

СУЛХАН ОРБЕЛИАНИ — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ. СУЛХАН — ПРОТИВНИК ЦАРЯ ИРАКЛИЯ (НАЗАР-АЛИ-ХАНА)

Сулхан, по традициям рода, очень рано отдался государственной деятельности.

Как старший сын мдиванбега, он должен был унаследовать и отцовскую должность. Однако, если вспомнить, с какой иронией отнесся он в одной из басен «Мудрости вымысла» к словам лисы-мдиванбега: «Лев, царь зверей, назначил меня верховным судьей» («Человек и змея»), станет ясно, что Сулхана нисколько не привлекала карьера мдиванбега. Любовь к народу побудила писателя высмеять именно тот институт права, во главе которого стоял один из членов его семьи.

К сожалению, не сохранилось конкретных сведений относительно официального положения Сулхана при дворе Георгия XI и Вахтанга VI, хотя о его государственной деятельности с похвалой и уважением отзываются высокопоставленные родственники. «Очень много послужил он дяде моему и отцу», — говорит брат Вахтанга VI Кайхосро о Сулхане Орбелиани. Ясно, что Кайхосро имеет здесь в виду службу Сулхана при дворе царей Георгия XI и Левана. Сам Леван упоминает о «заслугах» Сулхана, а Вахтанг VI неоднократно ссылается на его преданность грузинскому престолу. Известно также, что Георгий XI, оценив «различные заслуги» Сулхана, пожаловал ему в награду поместье и несколько деревень. «Усердно послужил он царям», — повторил впоследствии и автор «Калмасоба» Иоанн Багратиони (1772—1830).

Действительно, достаточно вспомнить хотя бы поездку Сулхана-Саба в Персию (1711) с особым поручением царя Кайхосро или же его длительное и трудное путешествие в Европу (1713) с дипломатической миссией к Людовику XIV, чтобы ясно представить себе размах деятельности этого одаренного и глубоко принципиального государственного человека.

Сулхан и сам подчеркивал, что «был очень занят мирскими делами», а миссионер Ришар прямо сказал французскому министру (1712), что «вся Грузия считает его (Орбелиани) своим отцом». Об этом же свидетельствует и один парижский документ, датированный 1714 годом, где указано, что «Сулхан-Саба пользуется в Грузии большим влиянием и в народе и при царском дворе». А Доменико делла Рока в бытность Саба в Париже обратился из Константинополя к правительству Франции со специальным письмом, в котором просил как можно скорее закончить переговоры с Сулханом и обещать помощь Грузии, так как «братья и важные особы в Грузии... срочно его вызывают, желая выслушать советы и поучения, в которых они нуждаются».

И все же, несмотря на влияние, каким пользовался Сулхан-Саба Орбелиани в Грузии, ему рано пришлось испытать горечь опалы и преследования.

Дело в том, что наследникам Вахтанга V — Георгию XI и Арчилу — не удалось смирить непокорных феодалов. В Картли воцарилась анархия. Большинство феодалов-сепаратистов открыто выступало против царей, и только некоторые из них, в том числе члены семьи Сулхана Орбелиани, сохранили верность царю Георгию. Отношения между царем и крупными феодалами обострялись с каждым днем. Георгий в конце концов уничтожил кое-кого из заговорщиков, однако до полного успокоения было еще далеко. И как раз в это время шах потребовал, чтобы Георгий, как его вассал, прислал к нему в качестве заложников царевича Левана и наследника престола — Баграта. Царь отказался. Он решил выступить против Ирана, опираясь на поддержку Кахети. Однако внутренние неурядицы сорвали его план. Воспользовавшись неблагоприятной для Георгия ситуацией, заговорщики перешли к решительным действиям под руководством арагвинских правителей, агентов Ирана. Георгий бросил свое войско против мятежников, вступил в их владения, сжег Базалети и Душети, но, не добившись решительного успеха, повернул обратно. Между тем шах давно уже задумал лишить Георгия престола.

Выступление царя против преданных Ирану арагвинских правителей послужило поводом для осуществления этого замысла. Находившемуся при иранском дворе кахетинскому царевичу Ираклию¹, — первому принявшему после долгих колебаний мусульманство, — был пожалован шахом престол Картли-Кахети. Ираклий (1688—1703) при вступлении на престол принял имя Назар-Али-хана. Ему тоже никак не удавалось нормализовать положение в стране. В Восточной Грузии все более укреплялось влияние Ирана. Шахский гарнизон в Тбилиси жестоко

¹ Ираклий I долго жил в Москве при дворе Алексея Михайловича, где он был известен как «грузинский царевич Николай».

притеснял жителей, широкие размеры приняла торговля пленными. Персы — солдаты Тбилисского гарнизона убивали или угоняли людей вместе с женами и детьми. «Они беспрепятственно похищали жителей Тбилиси, Гори и Сурами и продавали их в рабство», — писал историк Вахушти. «Торговля пленными распространялась даже среди грузин. Изменились нравы грузинские, их все больше вытесняли нравы и обычаи персов».

Насколько пострадала Картли от владычества иранцев, свидетельствует хотя бы тот факт, что если в 1703 году население Тбилиси достигало 70—80 тысяч человек, то в описываемый период оно сократилось до 20 тысяч.

Теперь феодалы начинают плести нити заговора против Ираклия I (Назар-Али-хана). Они призывают из Ахалцихе плененного янычарами Георгия XI и в 1691 году провозглашают его царем Картли.

В течение четырех лет Георгий вел упорную партизанскую войну против ставленника Ирана — Ираклия. Однако из-за предательства он так и не добился успеха. Узнав, что на помощь Ираклию прибыли вспомогательные иранские войска, Георгий вынужден был бежать в Имерети (1695). Престол остался за Ираклием.

В этой упорной борьбе Сулхан Орбелиани стоял на стороне Георгия XI. Он неизменно находился возле царя и даже в самые трудные минуты не покидал своего «воспитателя и патрона». Когда Георгий под натиском превосходящих сил противника был вынужден отступить, а затем и бежать вместе с женой и детьми в Имерети, Сулхан, естественно, последовал за царем.

Еще в 1688 году Ираклий обрушился на приверженцев Георгия XI. «Он наказал верных царю Георгию... вновь унизил преданных ему, а у некоторых отнял поместья».

Сулхан, как близкий родственник Георгия XI и видный государственный деятель, также не избежал мести. Уже в то время, когда войска Георгия стояли на Клдекари в ожидании битвы, Ираклий и представитель Ирана «вступили в Сомхити и Дманисское ущелье», а ведь Дманиси, как сказано выше, было собственностью Сулхана. Конечно, Ираклий разорил его поместья, так как опасался неожиданного удара со стороны преданных Георгию XI Орбелианов, и в первую очередь Сулхана.

После победы Ираклия сторонники Георгия были рассеяны. Одни последовали за царем, другие покинули родину. Сулхан, по свидетельству одного из документов, также предпочел эмигрировать: преследуемый Ираклием, он вынужден был укрыться в семье своего тестя — ахалцихского пашы (Ахалцихе, находившийся в то время под властью Турции, управлялся пашами из грузинского владетельного дома бывших атабагов, омусульманившихся в XVII веке).

Однако и в Ахалцихе Сулхан не успокоился, продолжая поддерживать царя Георгия. После продолжительных переговоров он заключил прочный союз с ахалцихским пашой, склонив его полностью на сторону Георгия. Сохранился любопытный документ — присяга, данная атабагом Сулхану: «Эту твердую клятвенную запись, мы, атабаг Хали-паша, дали вам, зятю нашему Орбелишвили... Сулхану... в том, что вы, пожаловав к нам по велению... царя, примирили нас с ним. С любовью даем и мы вам эту присягу в том, что будем в отношении вас... доброжелателями... и, находясь по соседству, будем всемерно помогать вам. Не поленимся выступить против тех, кто пожелает вам зла».

Вскоре Ираклий I простил Сулхана и вызвал его из Ахалцихе. Почему же смягчился шахский ставленник и что заставило его простить «государственного преступника», которого он так преследовал? Чтобы выяснить этот вопрос, необходимо снова вернуться к злоключениям царя Георгия. Дело в том, что сторонники опального царя стали постепенно отходить от него, многие из них поспешили в Тбилиси и явились с повинной к Ираклию. Но Ираклий их не простил, а приказав схватить, отправил всех до единого в Иран. К этому времени и Георгий решил склонить голову и подчиниться шаху в надежде, что тот вернет ему Картли. В 1696 году он добровольно отправился в Иран и предстал перед шахом. Из Имерети за царем последовали некоторые его сторонники. Шах благосклонно отнесся к приезду Георгия, приказал простить вину всем его сторонникам и возвратить им поместья.

Мы полагаем, что Сулхан не входил в состав свиты, сопровождавшей царя в Иран. В то время он был еще в Ахалцихе. Узнав о благосклонном отношении шаха к Георгию, Сулхан почувствовал себя снова свободным. Ираклий не только прислал ему свое прощение, но даже вызвал его в Тбилиси.

В эмиграции Сулхан провел от шести до двенадцати месяцев.

Сохранился весьма важный документ (1700 г.), в котором Ираклий говорит о своем отношении к Сулхану. «Эту грамоту мы пожаловали тебе, вдове мдиванбега Вахтанга Орбелишвили, дочери Заала Эристави Тамар,— писал он в грамоте, данной им матери Сулхана.— Известно, что наследные поместья вымерших без наследников Саакадзе — деревни Джалдами и Гористави, пожалованные царем Ростомом сыновьям Тамаза Бараташвили, были по приказу царя Георгия куплены тобою ценою драгоценностей из твоего приданого. Когда царь Георгий вновь прибыл сюда (в Картли), сыновья твои остались ему верны и затем последовали за ним (в Имерети). Разгневавшись на них, мы эти их вотчины пожаловали другим лицам, но потом рассудили, что нельзя конфисковать купленные поместья. Затем мы помирились с твоими сыновьями — Сулханом и его братьями, помиловали их и купленные тобою села Джалдами и Гористави полностью возвратили вам в спра-

ведливых их границах... что и скрепляем своей подписью. Дан сей указ 1700 г.».

Царь Леван в пожалованной Сулхану грамоте (1704) следующим образом излагает тот же эпизод:

«...Дочь Заала, правителя, ваша мать, ценою драгоценностей из своего приданого купила Джалдами и Гористави. Однако за вашу преданность и заслуги перед нами царь Ираклий без причины разорил тебя и, оставив тебя жить в этой стране, лишил тебя даже купленной земли. Никогда еще не было случая, чтобы отнимали у невинного землю, а тем более купленную. Впоследствии Ираклию стало известно о твоей невинности, он понял, что, кроме службы нам, никакой вины за тобой не было, и, позволив тебе вернуться из Ахалцихе, пожаловал тебе все земли, купленные вашей матерью».

Сохранился еще один любопытный документ, в котором говорится о прощении Сулхана Ираклием. Судя по этому документу, Ираклий считал Сулхана весьма опасным противником. Приводим его с небольшими сокращениями:

«Сестра матери моей, госпожа Тамар! Желающий вашей светлости добра Назар-Али-хан (Ираклий) осмеливается писать вам...

Вы писали о вашем желании, чтобы я помирился с... Сулханом... Мы так и поступим, хотя, учитывая его вину, это весьма затруднительно...

Поскольку вы ходатайствуете об этом, мы уважили вашу просьбу и вину ему простили. И поскольку я не стану грешить перед счастливым шахом и ничего неуважительного по отношению к вам не позволю, то... ни в чем не упрекну и Сулхана.

Никогда не подозревайте нас в намерении причинить ему вред. Бога призываем в свидетели, что с нашей стороны ему ничего не угрожает. Царь Назар-Али-хан». (Этот документ, по нашему мнению, относится к первым месяцам 1691 года.)

ГЛАВА III

САБА — ОТШЕЛЬНИК В МОНАСТЫРЕ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ ДАВИД-ГАРЕДЖИ. САБА-КАТОЛИК

В 1698 году произошел резкий перелом в жизни Сулхана Орбелиани. С этого времени придворный, феодал и баснописец становится «смирненным монахом Саба».

Какие переживания, какие потрясения могли привести великого Орбелиани к воротам монастыря Иоанна Крестителя в пустыне Давид-Гареджи 18 марта 1698 года?

Монашеский клобук надевает крупнейший мыслитель Грузии, гениальное творение которого книга «Мудрость вымысла» полна солнечной радости, эротики и сарказма по отношению к христианскому фанатизму и церковно-клерикальным книгам.

Вспомним одну из басен Сулхана, в которой автор с убийственной насмешкой отзывается о фарисействующих аскетах:

«Всю свою жизнь провел я в грехе, а теперь взялся за ум, отрекся от мира, постригся в монахи и хочу пойти в Иерусалим» (басня «Лис-исповедник»).

По старой, официальной версии. Сулхан постригся в монахи в связи с постигшим его горем — смертью жены: «Когда умерла его жена Тамар, дочь атабага Хали-паши, тогда он и постригся под именем Саба»¹.

Соображение это лишено всякого основания. Сулхан постригся в монахи в 1698 году, между тем как в эпистоле, посланной папе Клименту XI (1709), он говорит о своей супруге как здравствующей. Таким образом, даже спустя двенадцать лет после пострижения Орбелиани его супруга была жива.

¹ А. Хаханов, проф., Очерки по истории грузинской словесности, вып. III, стр. 542.

И все-таки Сулхан-Саба действительно овдовел до пострижения. Однако это произошло не в 1698 году, а гораздо раньше — в 1683 году. Дело в том, что Сулхан-Саба, как видно из документов флорентийского архива, был женат дважды. Известно также, что в поздний период жизни Саба его спутницей была «дочь атабага Тамар». Личность первой супруги Сулхана установлена сравнительно недавно. Одна из эпитафий в Питарети¹ гласит:

«Дочь Багратиони, невестка великого Орбели и супруга Сулхана, госпожа Дареджан обрела здесь вечный покой в 1683 году».

Таким образом, первая жена Сулхана Дареджан была дочерью Багратиони и происходила из ветви Мухрана-Батони («Мухранские»). Она умерла в молодости, когда Сулхану было всего двадцать пять лет. Вторая его жена, дочь атабага Тамар, умерла около 1712 года.

Следовательно, данные о том, что Сулхан овдовел в 1698 году, опровергаются достаточно убедительными документами и отпадает официальная версия о причинах его ухода в монастырь. Конечно, такого сильного человека не могла бы сломить только личная трагедия, как бы тяжело он ее ни переживал.

Или, может быть, царь Ираклий I (Назар-Али-хан), опасаясь интриг со стороны Сулхана Орбелиани, решил изолировать его и сослал в далекую от Тбилиси обитель? В те времена подобные случаи, как известно, бывали, да и нередко. Однако не сохранилось никаких сведений, которые давали бы основание считать, что Сулхан был подвергнут такому заточению.

Мы склонны предполагать, что пострижение Сулхана в монахи не было насильственным актом. Пессимистические настроения Орбелиани скорее были вызваны политическим и экономическим положением Грузии, острым сознанием морального упадка правящих кругов.

Наконец, если верить утверждению католического миссионера, проживавшего в Грузии, Саба стал монахом, чтобы добиться большей свободы действий в борьбе за соединение грузинской православной и римско-католической церкви. Такое решение Сулхана диктовалось политическими соображениями. По мнению Саба, таким путем можно было освободить Грузию от магометанского ига и поднять ее благосостояние.

Сулхан поселился в пустынной местности Давид-Гареджи, вблизи монастыря Иоанна Крестителя. На этой безводной, голой равнине водились лишь джейраны и во множестве змеи. Монахи-отшельники, связанные с монастырем, жили в расселинах скал поблизости от него.

Суровая, неприглядная природа и частые набеги врагов сделали жизнь в Гареджийской пустыне трудной и опасной. В те времена даге-

¹ Фамильное кладбище и храм Орбелиани.

станские феодалы были подлинным бичом Кахети, которая постоянно находилась под угрозой вражеского вторжения. «Трудно было осмелиться жить в тех местах из-за постоянных вражеских нашествий», — писал один из современников Сулхана.

Выросший в царских палатах Саба стойко переносил летний зной и жестокие морозы, строго соблюдал монастырские каноны, требовавшие аскетического образа жизни, и время от времени обращался к соотечественникам с проповедями:

«Вот прошел день, за ним и ночь! Вот прошла неделя, месяц, год, вот приблизилась смерть. Вот охватила тебя болезнь печени, мозга или почек, подул убийственный ветер, и превратились в ничто купленные тобой роскошные одежды и сокровища!

Христос, испустив дух и искупив тебя душою своею, хочет принести тебя в дар отцу небесному, а ты за одежду и серебро продал душу, искупленную Христом, нечистому».

Однако даже в пустыне Сулхан-Саба не прекращал своей политической деятельности.

Позже он надолго покинет монастырь и отправится с дипломатической миссией сначала в Иран, затем в Рим и Париж. И даже в проповедях поры сурового отшельничества явно прорываются его национально-политические тенденции. В них Саба предстает перед нами как непреклонный моралист и пламенный трибун. С гневом и болью видит он разорение своей отчизны.

Хищнические инстинкты феодалов, их эгоистические расчеты, анархия, вызванная борьбой претендентов за престол, непрерывные войны, торговля пленными — все это подрывало национальную экономику. В огне пожаров исчезали целые города и села. Народу грозила гибель.

Известно, что ради политической карьеры и сохранения своих прав некоторые феодалы-честолюбцы готовы были на все, в том числе с легкостью отказывались от веры своих предков. Даже за номинальный переход в магометанство иранский шах жаловал крупными поместьями, наделял вновь обращенных широкими правами, которые использовались главным образом для угнетения народа. В результате население Грузии в XVII—XVIII веках значительно сократилось за счет постыдной торговли людьми на невольничьих рынках Стамбула, Испагани и Алжира.

В такой-то атмосфере и приходилось жить и бороться Сулхану Орбелиани.

Своим суровым и резким словом он беспощадно разоблачал изменников веры и отечества.

«...Вы продаете веру за мелкую мзду или из зависти к соседу! — восклицал Сулхан. — Стоит вам увидеть блестящий наряд на ком-либо из богачей, парчу или золотистую ткань, как вы исполняете завистью

к нему, предается стяжательству, грабежам, творите всякие беззакония.

Много видел я друзей Христовых, которые, придя в церковь, молились, как и подобает добрым христианам, но, стоило им увидеть неверных, как они обращались к их обычаям.

Однажды некто из хулителей веры Христовой стал кощунствовать в разговоре со мной; я сказал ему: «Отойди, сын ада!» Он ответил: «Нет, не бывать этому! Я удостоюсь царствия небесного!» Я спросил его: «Как же так?» — «Когда снова придет Христос и если он в самом деле окажется сыном божьим и спасителем, я покажу ему след миропомазания на моем челе,— ответил он.— Если же более могущественным окажется Магомет, я предъявлю ему знак обрезания, и либо тот, либо другой все же вознесут меня на небеса». Говоря это, нечестивец громко смеялся...

О, горе вам, темным людям, предающимся греху и беззакониям!

Если от тебя уйдет раб и пристанет к одному из твоих врагов, ты, конечно, будешь разгневан... Но ты и сам не лучше того раба, ибо предал своего спасителя, который претерпел из-за тебя смерть на кресте. Отрекаясь от него, ты двоедишничает, но не каешься, не бьешь себя в грудь, не омываешь ложе свое слезами, не стонешь, не вздыхаешь днем и ночью...».

Следует отметить, что проповеди Саба (они еще ждут своего исследователя) являются замечательным памятником грузинской церковно-ораторской литературы XVIII века.

В них ярко проявляется стоицизм Саба, глубокая его принципиальность. В то же время проповеди свидетельствуют об исключительной эрудиции автора в вопросах богословия.

Нам известен ряд церковных сочинений Саба:

1. «Конкорданс» — капитальный труд, сборник параллельных мест из библии («Симфония»).
2. «Райские врата».
3. «Исповедование о существе бога и закона божьего».
4. «Христианское учение» (катехизис) ¹.
5. «Свидетельства пророков».

Последние четыре произведения переведены с латинского и заключают в себе элементарные моральные положения католичества.

Следует отметить, что и сам Саба становится убежденным католиком. В Риме он приобрел репутацию «очень стойкого» и «весьма преданного католика». Сам папа Климент XI говорил, что Саба «проявил многообразные и превосходные черты ревностной веры».

¹ Перевод этого катехизиса на грузинский язык принадлежит тбилисскому миссионеру патеру Джустину Ливорнскому; Саба же, как сообщает сам Джустин, отредактировал его в 1687 г.

Однако, прежде чем разбираться в обстоятельствах, побудивших Саба перейти в новое вероисповедание, необходимо хотя бы вкратце вспомнить историю католицизма в Грузии.

После раскола единой церкви (XI век) Грузия раньше других стран возобновила связи с римско-католической церковью.

Уже в первой половине XIII века царица Русудан обещает папе Гонорию III 40 000 всадников в помощь крестоносцам. Однако участвовать в походе грузинскому воинству не пришлось: вскоре сама Русудан была вынуждена молить престол св. Петра о поддержке против неожиданно вторгшихся в пределы Грузии татар.

С этого времени начинаются оживленные сношения между Римом и Тбилиси. Конгрегация пропаганды веры энергично добивается подчинения грузинских царей Риму, а Грузия, со своей стороны, видит в римских первосвященниках союзников против внешних врагов — турок и персов.

В XIII веке в Грузии учреждается католическая епархия. Из Рима приезжают агенты Ватикана — папские легаты, целая армия миссионеров различных орденов (доминиканцы, францисканцы, капуцины), которые открывают здесь школы¹, печатают грузинские книги (первая грузинская книга была издана, как известно, в Риме в 1629 году).

В свою очередь, по дневникам, докладам, описаниям миссионеров (Пьетро делла Валле, Вериччели, Сило, Петр Авитабилле, Климент Галано и другие) Европа знакомится с Древней Грузией.

Особенно интенсивной становится деятельность римской пропаганды в первой половине XVIII века, чему способствует тяжелое политическое положение Грузии.

Ориентация на Рим прочно утвердилась в грузинских политических кругах, католические миссионеры добивались слияния грузинской церкви с римско-католической, вопрос о таком слиянии не сегодня-завтра предполагалось поставить на практическую почву.

¹ Следует отметить, что католические миссионеры пользовались определенной популярностью во дворцах, в семьях феодалов и даже в «низших» слоях именно в годы юности Сулхана. Миссионеры оказывали медицинскую помощь населению, основывали больницы. Они открыли школы, в которых наряду с другими предметами преподавались грузинский, итальянский и латинский языки. Такие школы были открыты в Тбилиси, Кутаиси и других городах. Миссионеры предоставляли возможность юношам, окончившим тбилисскую школу, побывать в крупных европейских центрах, где они должны были пополнять свое духовное образование; грузинской молодежи все же удавалось знакомиться в Европе и со светскими науками. К примеру, нам известно, что в 1687 г. некий молодой грузин изучал в Неаполе гражданские науки.

Насколько жадно стремилась грузинская молодежь к знаниям, свидетельствует пример того же юноши, который продал своего коня и на вырученные деньги отправился в Европу продолжать образование.

Миссионеры часто отмечали, что грузинская молодежь своими способностями, трудолюбием и широтой интересов превосходит молодежь многих восточных стран.

Однако грузинское православное духовенство ополчилось против Унии, против осуществления теократических идеалов папы, и объявило террор всем униатам и прозелитам.

Начиная со второй половины XVIII века политическая ориентация меняется и католическое движение в Грузии идет на убыль.

Необходимо подчеркнуть также, что агитация католицизма в Грузии не была такой уж плодотворной и успешной, как это изображают некоторые историки.

Миссионеры нередко подвергались преследованиям и со стороны высших кругов и со стороны народных масс.

В таких-то сложных условиях Сулхан-Саба Орбелиани все же решается связать свою дальнейшую судьбу с римско-католической церковью.

Когда же это случилось?

Еще в 1687 году патер Джустин Ливорнский писал из Тбилиси в Рим: «Принял католичество потомок благороднейшего грузина Каплана господин Сулхан, сын великого министра и двоюродный брат царя... Сулхан совершил немало благих дел. Он сам исправил «Христианское учение», которое я перевел».

По другим источникам, Сулхан-Саба принял католичество в 1692 году. Правильность этой позднейшей даты подкрепляется одним весьма важным документом Тосканского миссионерского архива.

По нашему мнению, Саба в 1692 году окончательно признал превосходство римско-католической церкви над православием, до этого же он лишь платонически выражал симпатии к римскому престолу и его посланцам. Возможно, что именно эти симпатии и дали повод патеру Джустину сообщить в Рим (1687) о переходе Сулхана в католичество. К такому приему тбилисские миссионеры прибегали довольно часто, желая оправдать свою деятельность в Грузии¹.

Так или иначе, Саба до отъезда в Европу лишь тайно исповедовал эту религию, подобно грузинским царям и некоторым феодалам. Официально же он принял католичество только в бытность свою в монастыре Сан-Базилио.

Эта догадка подтверждается также тем обстоятельством, что мы не располагаем хотя бы одним-единственным документом, свидетельствующим о деятельности Саба-католика и о его активных сношениях с Римом до поездки в Европу, если не считать упомянутой эпистолы, с которой Саба обратился к папе 15 августа 1709 года.

Любопытно, что о принадлежности Саба к ордену св. Базилия упоминается лишь с 1713 года. Представители конгрегации пропаганды ве-

¹ По мнению проф. А. Цагарели, Саба принял католичество во время своей поездки в Европу.

ры папской канцелярии, так же и сам папа Климент XI, очевидно, с полным основанием называли Саба «монахом ордена св. Базилия».

Во время путешествия в Сицилию Саба исповедовался в монастыре Сан-Базилио. «В Мессине ваш консул проводил меня и оставил в нашем монастыре св. Базилия», — писал он французскому министру.

Интересен также тот факт, что сопровождавший Саба грузинский монах был «базилианцем».

Однако Орбелиани, даже если он и был в ту пору неопитом, все же не считался заурядным членом могущественного ордена: ему была присвоена степень «старейшины базилианцев». Саба, по свидетельству Вахтанга VI, являлся старшим монахом ордена св. Базилия в монастыре святого Иоанна Крестителя в Грузии¹.

Как видно из слов миссионера Ришара, Саба вплоть до 1713 года, то есть до отъезда в Европу, оказывал ему помощь и поддержку. Об этом же свидетельствует письмо одного из кардиналов, адресованное Саба. «Узнал я о вашем стремлении распространять католическую веру, которую вы уже приняли, не только в Грузии, но и во внешних провинциях, — писал он из Рима. — Все это я сообщил господам кардиналам, которые благословляют вас и готовы оказать всяческую помощь в выполнении вашего доброго намерения. Они с нетерпением ждут вас, дабы из уст ваших услышать все подробно и принять всевозможные соответствующие и необходимые меры к осуществлению вашего святого помысла».

В другом документе сказано: «Мы просим вас покровительствовать миссионерам, дабы с вашей помощью их труды принесли тот плод, которого мы ожидаем». Известно также, что папа, напутствуя Саба и уезжающих вместе с ним в Грузию миссионеров, говорил грузинскому дипломату: «По желанию вашему и по просьбе решили мы послать миссионеров. И, хотя мы глубоко уверены в вашем решении, рвении и готовности жертвовать собой... тем не менее мы все же снова и снова будем просить вас отнестись к ним со свойственным вам добросердечием и не лишать их своего могущественного покровительства».

Разумеется, у папы и у конгрегации пропаганды были все основания для того, чтобы относиться к Саба с особым уважением и доверием. Ведь еще 15 августа 1707 года Саба обратился к папе с посланием, в котором признавал его верховную власть.

Вернувшись в Грузию, Саба продолжал энергичную агитацию в пользу католицизма. В одном из писем в Рим сказано, что «Саба обратился в католичество всех своих домашних и свой благороднейший и многочисленный род».

¹ Интересно, что в других документах нигде не сказано, что Саба был настоятелем монастыря.

Грузинское духовенство, разумеется, не осталось равнодушным к его миссионерской деятельности и подвергло латинофила Саба жестоким преследованиям. Миссионер делла Рока писал, что Сулхану «нанесли много оскорблений и причинили беспокойств из-за его твердой приверженности к католической вере». Документы Ватикана также свидетельствуют о том, что «грузины очень разгневались» на возвратившегося из Европы Саба.

Сам Саба более подробно рассказывает о гонениях, которым он подвергался со стороны грузинского духовенства.

«Грузинские епископы и священники стали преследовать меня за то, что я был в Риме, — пишет он... — Духовенство пожелало созвать собор и сокрушить меня. Созвали собор во Мцхета и потребовали, чтобы я произнес хулу на папу. Я не мог отречься... Они пытались причинить мне много зла».

Мы уже упоминали о том, что начиная с XIII века конгрегация пропаганды веры в Риме энергично добивалась подчинения грузинской церкви папе римскому. Грузия в свою очередь, искала в Западной Европе при поддержке католических кругов прежде всего сильного и культурного покровителя. Эфемерные надежды на помощь Европы особенно ярко проявляются с первой половины XIII века, то есть в тот период, когда Грузия была политически в крайне тягостном положении.

Наиболее гибкие политические деятели страны рассчитывали благодаря содействию папы получить помощь европейских государств. «Сердца наши и взоры устремлены к тебе, и мы смотрим на тебя с большой надеждой... Вырви нас из волчьей пасти, не обрекай на гибель», — писал Георгий XI папе Инокентию XI.

В этих словах ясно выражены стремления определенных общественных кругов Грузии, выдающимся представителем которых был Сулхан-Саба Орбелиани. Поэтому мы полагаем, что правы были те римские миссионеры, которые считали, что Саба стал монахом, желая свободнее действовать в целях объединения грузинской и римско-католической церкви. А в конечном счете эти его помыслы были направлены к освобождению Грузии от постоянных посягательств со стороны персидских и турецких захватчиков.

ГЛАВА IV

САБА — ВОСПИТАТЕЛЬ ВАХТАНГА VI. САБА-ДИПЛОМАТ. ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕВРОПУ

Из введения к «Калиле и Димне» мы знаем, что Саба, приходившийся дядей царю Вахтангу, стал его воспитателем. и вообще был очень любим царской семьей.

Миссионер Джустин Ливорнский также сообщает в одном из своих донесений папской канцелярии, что Саба воспитал Вахтанга и его супругу — царицу Русудан.

Как известно, царь и царица действительно с большой любовью относились к Саба. В письмах Вахтанга своему воспитателю обычными были теплые обращения, как «возлюбленный дядя», или концовки «остаюсь навеки, каким был до сих пор, покорнейшим племянником моего возлюбленного дяди», «нижайшая племянница [или племянник] моего возлюбленного дяди» и т. п. Чтобы яснее представить себе отношение царской четы к Сулхану, достаточно вспомнить волнующую картину прощания с ним в Гори в день отъезда на Запад. Миссионер Ришар описывает, какое гнетущее впечатление произвела на царицу Русудан и на царский двор весть о неизбежной разлуке с Сулханом-Саба Орбелиани.

«Как только свита Саба узнала о его решении, она тотчас же оповестила царицу, которая срочно разослала более тридцати гонцов с письмами к Саба и к владельцам имений, мимо которых мы должны были проезжать. Письма царицы, наследника Бакара и некоторых офицеров глубоко растрогали Сулхана. В них сообщалось, что царица, узнав о нашем отъезде, впала в глубокую скорбь и так неутешно рыдала, что сейчас находится чуть ли не на краю смерти. Но Саба всех успокоил, заверив, что скоро вернется, и мы продолжали наше путешествие».

Авторитет Сулхана-Саба, особенно в первый период царствования Вахтанга (1703—1712), казался незыблемым. До того как Вахтанг VI

стал правителем Картли, Саба делил с ним все трудности беспокойной скитальческой жизни в глухих уголках Грузии.

Но вскоре счастье улыбнулось наследнику. Прибывшему в Иран царю Георгию удалось не только избежать шахского гнева, но и стать иранским военачальником.

Он нанес жестокое поражение восставшим афганцам и белуджам и благодаря этому завоевал симпатии шахского двора. Последний представитель Сефевидов, Султан-Гусейн, хотя и вернул трон Георгию (Гурген-хану), однако не соглашался отпустить его в Картли, опасаясь политических осложнений. В благодарность за услуги шах назначил Георгия правителем Кандахара, Айлатской и Гиришской провинций, хотя и относился к царю с недоверием.

При подавлении афганского восстания прославился также брат Георгия Леван — отец Вахтанга. Султан-Гусейн назначил его верховным судьей Ирана, а его старшему сыну Кайхосро пожаловал должность правителя Испагани.

Воспользовавшись милостивым расположением шаха, Георгий и Леван упросили его вернуть Вахтанга в Картли. Шах согласился выполнить их просьбу, о чем и уведомил Ираклия. Последний вынужден был примириться с возвращением Вахтанга, который в 1703 году стал законным правителем Картли.

Саба снова становится кормчим родного корабля, притом в очень тяжелое время. Грузия была разорена правлением Ираклия, междоусобиями и происками феодалов, набегами иранских захватчиков. Необходимо было приложить много усилий, чтобы возродить экономику страны. Разумеется, юный, неопытный царь, хотя и получивший широкое образование, не справился бы с этой сложной задачей, если бы его воспитатель, испытанный политик и государственный деятель, не расстался с тесной кельей в Давид-Гареджи и не выступил в официальной роли регента.

Коренное улучшение народного хозяйства, достигнутое в период кратковременного царствования Вахтанга VI, литературные, исторические, географические и юридические памятники тех лет наглядно говорят о том, что страна, направляемая опытной рукой Сулхана-Саба Орбелиани, вступила на верный путь.

Однако царствование Вахтанга оказалось недолговременным. После смерти Кайхосро I он вместе с Сабой отправился в Иран. Шах принял Вахтанга с большими почестями, но все же потребовал от него перехода в магометанство, на что получил решительный отказ. Тогда Султан-Гусейн назначил правителем Картли брата Вахтанга — Иасе, принявшего магометанство, а самого Вахтанга приказал схватить и отправить в Кирман. И Картли снова страждет от предательства и кровавых столкновений.

Саба не отступился от своего воспитанника даже в этой, казалось бы, безнадежной ситуации.

Именно ради спасения Вахтанга он и предпринял позже трудное путешествие в Париж и Рим и, опираясь на свои католические связи, добивался там материальной и моральной поддержки против исконных врагов.

Дипломатическая деятельность, которой Саба отдал волей-неволей последние годы своей жизни, стала известна главным образом в связи с этой его миссией в Европу. Однако, как выясняется, это было далеко не единственное дипломатическое поручение, доверенное ему правителями Грузии. Так, по сообщению царевича Иоанна, Саба, находясь при иранском дворе, «весьма потрудился, съездив в Испагань с поручениями царей».

Известно также, что Сулхан в 1711 году выполнял какие-то дипломатические поручения царя Кайхосро. «В декабре 1711 года,— читаем в «Словаре»,— Саба отправился в Хорасан. Царь Кайхосро призвал его 11 декабря и отправил со многими дарами».

Так или иначе, уже до поездки в Европу Сулхан завоевал всеобщее уважение на родине своей дипломатической деятельностью.

Поездка же ко двору Людовика XIV и папы Климента XI выдвинула его в число крупнейших дипломатов того времени.

В послесловии к «Словарю» дается следующая характеристика его жизни и особенно путешествия в Европу: «Помяните в молитвах ваших составителя этой книги Сулхана-Саба Орбелиани — того, кто был царя Арчила, царя Георгия и Леона, всех троих, двоюродным братом — сына грузинского судьи, господина Орбели. По повелению упомянутых царей написана эта книга, в которую вложено много труда и много внимания. Так как в Картли не было других лексиконов, то он трудился над составлением этого словаря и пояснений к нему в течение тридцати лет... После этого (в 1698 г., марта 18) постригся в монахи и поселился в Гареджском монастыре св. Иоанна Крестителя. В 1710 г., декабря 1, отправился в Хорасан. Был приглашен царем Кайхосро, который отпустил его февраля 20, одарив многими подарками. Мая 11 он прибыл в Картли. В 1712 г., апреля 23, он отправился в Испагань вслед за царем Вахтангом. Ноября 2 он вернулся обратно. Декабря 20 он прибыл в Картли. В 1713 г., августа 17, отправился тайно во Францию. Побывал во Франции, Генуе, Сицилии, Риме. Французский король, римский папа и грандук ему удивлялись и отлично приняли его. Показали ему все, что только было в тех странах редкого и необыкновенного. Святой папа соизволил вручить ему часть св. креста, голову святого мученика Климента и много других мощей. Августа 18 он отпустил его. По дороге он останавливался помолиться многим святым местам. Октября 20 прибыл на Мальту. Декабря 8 зашел

за ним корабль французского короля, на котором он и прибыл в Константинополь в 1715 г., января 19. Там он находился в продолжение того года у французского посла, при его же поддержке».

Мы уже говорили о том, что на протяжении веков грузинские деятели не теряли призрачных надежд на помощь со стороны Западной Европы. «Мы думаем и даже видим, что солнце начинает озарять своим ослепительным сиянием всю остальную часть земли»,— писал после падения Византии картлийский царь Константин Изабелле Кастильской.

Сулхан-Саба в бытность свою в Версале обратился к Людовику XIV со следующими словами: «Великий король, ваша держава стала помощью царям и покровителем веры даже в таких отдаленных краях, как наша страна».

Именно эта «помощь царям» и внушала несбыточные надежды Вахтангу, Саба и другим государственным деятелям Грузии первой половины XVIII века¹. Ведь еще в 1709 году Саба писал папе: «Пусть ваша защита и помощь делом снизойдут на нас, православных, которые терпят большие бедствия от врагов».

Вахтанг устами Саба обещает Риму обратить в католичество 24 провинции Кавказа и предлагает открыть французскому капиталу торговые пути через Грузию.

«Я докажу,— писал Саба папе,— как легко обратить в католичество двадцать четыре густо населенные провинции, а также многие соседние княжества, предающиеся язычеству. Только ради спасения этих людей и предпринял я большое путешествие, прибыл сюда и падаю ниц перед стопами первородного сына церкви».

Своими планами об открытии французским купцам торгового пути на восток через Грузию Саба поделился с миссионером Ришаром еще в Гори.

Вот что писал об этом во Францию сам Ришар: «По совету Саба мы нашли удобный, легкий путь для наших французских купцов, которые смогут из Константинополя плавать по Черному морю в Грузию и в Иран».

Как выясняется, папа был весьма заинтересован возможностью обратиться в католичество Грузию и весь Кавказ, а Людовик XIV — новым тор-

¹ Передовые грузинские круги интересовались также политической и культурной жизнью Европы, в частности Франции, и недаром Вахтанг VI в своем письме пишет Саба из Персии: «Я верю в ваше благополучное прибытие во Францию, где, надеюсь, вы увидите самого щедрого царя на земле, а также — лучшее правительство Европы. Вы увидите, на что обращают особое внимание царь и достойный народ его владений. По всем признакам этот народ весьма достоин того, чтобы весь мир знал о нем. Один я до сих пор лишен возможности узнать его, но тешу себя мыслью, что я все еще жив, а пока жив, надежда будет теплиться в душе моей».

говым путем. И тот и другой вели даже специальную переписку с Вахтангом VI. Об этом свидетельствует письмо миссионера Ришара, отправленное министру Турси, в котором говорится, что «Саба везет ответ на те письма, которые соизволили написать [Вахтангу] государь наш и ваше превосходительство». Сам Саба также подтверждает, что целью его посольства было лично вручить Людовику XIV ответ Вахтанга: «Поскольку высокий и великий король Франции написал нашему царю письмо, я прибыл сюда для того, чтобы передать ему ответ».

Об этом же говорит и Саба в письме министру Поншантрану: «Сообщаю вам, что по приказу вашего высокого короля и по его милости прибыли мы в великий город Париж и привезли вам и другим высокопоставленным лицам ответы царя Грузии Вахтанга».

По свидетельству Микела Тамарашвили, письмо Людовика XIV было адресовано не только Вахтангу, но и Саба. «Письмо показывает, что Саба был уважаем и любим». Ответное послание королю Вахтанг решил отправить из Персии через Ришара. По словам Саба, «Вахтанг, изучив его [Ришара], изложил свой ответ». Капуцин Мурморо также подтверждает в своем письме, что находившийся в Иране Вахтанг замыслил послать в Европу надежное лицо, которое смогло бы передать все его мысли правительству Франции. Вахтанг хотел направить послом кого-либо из миссионеров, и в конце концов его выбор остановился на Ришаре, которого затем заменил Саба.

Нет сомнений, что Саба тайно отправился в дальний путь по поручению Вахтанга. По нашему мнению, Вахтанг и Саба решили просить Францию о помощи во время своего пребывания в Иране, то есть когда положение правителя Картли до крайности осложнилось.

В этой связи небезынтересен и тот факт, что Саба спустя три месяца после приезда в Иран неожиданно покинул Испагань и вернулся в Картли, тогда как другие приближенные царя оставались при нем до 10 марта 1714 года, то есть до момента ссылки Вахтанга в Кирман. Ожидая в Картли распоряжений царя, Саба, вероятно, уже деятельно готовился к отъезду во Францию. Он посылает письмо Вахтангу и получает ответ от царя через Ришара, который должен был в ближайшее время вернуться в Европу.

Мы не знаем, содержания этого письма и касалось ли оно миссии Саба. Однако важно, что именно после получения его Саба объявил Ришару о своем намерении побывать во Франции и Италии. Свои планы Саба, видимо, хранил в большой тайне. Даже Ришару он сказал только, что «давно хочет повидать государя [Людовика XIV] и что лучшего случая у него не будет...»

Опасаясь вызвать гнев сторонников Ирана, Саба вынужден был соблюдать самую строгую конспирацию, поэтому-то он и уехал тайно из Грузии.

Задержавшись на обратном пути в Константинополе, Саба жаловался министру Франции: «Остаться здесь долго мне невозможно, ибо, если весть обо мне распространится и станет общим достоянием, это может повредить многим делам».

Довольно полную картину прощания и отъезда Саба из Гори рисует близко знавший его Ришар.

«Из Еревана я отправился в Грузию,— пишет он,— и, приехав в Гори, повстречался там с Сулханом-Саба, дядей грузинского царя. Я передал [Саба] ответ на свое письмо, который государь соизволил прислать ему из Испании. [Саба] оказал мне всяческие почести, на которые вдохновила его любовь к Франции. Затем он проводил меня вместе с многочисленными офицерами и слугами через Мегрелию до самого Черного моря. Тут он признался мне, что давно уже хочет повидать государя [Людовика XIV] и что вряд ли ему представится лучший случай приехать во Францию. Поэтому он попросил: «Если ты питаешь любовь ко мне и ценишь мои заслуги, возьми меня с собой». В Мегрелии господин Саба присутствовал на всех наших беседах и уговорил мегрельского патриарха послать вместе с ним за границу своего помощника, монаха Давида, дабы он, Давид, мог впоследствии сопутствовать тем миссионерам, которых я [то есть Ришар] пришлю сюда».

Мы не имеем никаких сведений о том, как добрался Саба до Константинополя, поскольку первая часть его «Путешествия», к сожалению, пока еще не найдена. Однако на долю Саба, очевидно, выпали большие трудности. Их-то и подразумевал Вахтанг, когда писал Саба: «Я очень огорчился, узнав, что вы сильно измучились в пути».

В Константинополе Сулхана-Саба встретил французский посол Безалур, который некоторое время спустя отправил его через Марсель в Париж.

И в Марселе мэр города Арну «принял [Саба] с почестями, каких требовали его происхождение и достоинство». 23 января 1714 года Ришар извещает французского министра Турси о прибытии Саба в Марсель, а сам Саба пишет об этом в Рим.

Уже в пути грузинский дипломат развивает кипучую деятельность. «Чтобы в нашей стране праведная вера приумножалась,— пишет он папе,— необходимо, чтобы великий государь попытался помочь нашему царю. Я уверен, что если святой отец наш [т. е. папа] повлияет на короля Франции, то... он быстро поможет нашему царю...».

Двадцатого марта Саба прибыл в Париж и попросил министра Поншантрана принять его.

«Мудрый господин! — писал он.— Да хранит господь великого короля и ниспошлет тебе всех благ. Я, Сулхан-Саба Орбелиани, обращаюсь к тебе с этим письмом и сообщаю, что по велению его величества, вашего государя... прибыли мы сюда, в великий город Париж, и привезли ответы

грузинского царя Вахтанга вельможам и вам. Когда вам будет угодно, я предстану перед вами для того, чтобы отблагодарить за то, что вы прислали нам навстречу двух ваших надежных слуг, которые и проводили нас сюда».

В апреле 1714 года Саба был принят в Версале «королем-солнцем» — Людовиком XIV, рассказал ему о тяжелом положении Грузии и просил освободить Вахтанга из плена, для чего, по мнению Орбелиани, необходимо было вручить 300 000 экю в качестве «подарка» влиятельным лицам Персии. За это грузинский посол обещал французским коммерсантам открыть удобный торговый путь через Грузию и приобрести всю страну, в том числе мелкие племена Закавказья (24 провинции), к римско-католической церкви.

Вскоре Сулхан был вторично удостоен аудиенции, во время которой он произнес торжественную речь в честь короля Франции. «Какое великое счастье для нас,— говорил Саба,— что мы удостоились присутствовать здесь и видеть все то, что поражает других издали, и собственными глазами узреть в вашей августейшей державе не только мудрость и величие Соломона, но и веру и упование Давида».

Речь грузинского дипломата произвела большое впечатление на присутствующих.

Однако солнце Версаля клонилось к закату. Людовик XIV уже подписывал Утрехтский и Раштадтский мирные договоры. Разоренная в период его длительного царствования Франция билась в агонии. Старая, разбитая машина двигалась только по инерции. Безрезультатные разорительные войны за испанские владения, не оправдавшая себя внешняя политика, баснословные расходы двора, государственные долги, угроза английского господства — все это сильно затрудняло оказание Грузии реальной помощи, сводило на нет все помыслы о внедрении католицизма в отдаленной Картли, об использовании торговых путей из Константинополя в Грузию и дальше в Персию.

Людовик XIV дважды принял Саба, дозволил ему осмотреть Версаль и Париж, с готовностью обещал деньги для выкупа Вахтанга и свою моральную поддержку.

Успокоенный его заверениями, Сулхан-Саба Орбелиани все свободное время отдавал изучению незнакомой ему страны, ее богатой культуры. По словам Ольги Ильиничны Грузинской, внучки Ираклия II, грузинский дипломат, находясь во Франции, «научился французскому языку и светскому обращению в таком совершенстве, что, когда последовал за царем Вахтангом в Россию, прослыл здесь за образец любезности, учности и тонкого придворного обращения».

Сохранился любопытный анекдот о пребывании Саба во Франции: когда он в качестве государственного посла Грузии предстал в Версале перед Людовиком XIV, последний только что оправился от болезни, стра-

дал от упадка сил и был не в духе. Саба сердечно поздравил его с выздоровлением. В ответ король заметил, что, хотя он и избавился от одного злейшего врага — болезни, но на него ополчился другой враг — старость.

Ce n'est pas chose facile que dépasser la soixantaine!¹ — заключил король, которому уже перевалило за семьдесят.

— Sire,— ответил Саба,—Votre Majesté porte cet âge avec tant de grâce, que chacun voudrait l'avoir!²

Ответ Саба понравился и королю и придворным, его передавали из уст в уста. Он стал известен также при дворе русского императора... «Фельдмаршал Александр Иванович Барятинский, — писала Ольга Ильинична Грузинская, — во время своего наместничества в Грузии не раз слышал о старейшем грузинском посланнике и как-то рассказывал о его удачном ответе... Александру II.

Случилось, что Андриан Иванович Блюменталь поехал в Петербург, чтобы представиться государю. День представления был уже назначен, когда почтенный старик неожиданно заболел и не попал на прием... Государь всегда был особенно к нему милостив и не раз посылал осведомиться о его здоровье. Наконец Адриан Иванович оправился настолько, что мог явиться ко двору... Он извинился за то, что два раза беспокоил царя просьбой...

— Настоящая причина этой невольной неучтивости — мои семьдесят пять лет,— добавил Блюменталь.

Государь улыбнулся.

— Вы... конечно, слыхали о грузинском поэте Сулхане-Саба? Я отвечаю вам его словами: «Vous portez cet âge avec tant de grâce, que chacun voudrait l'avoir!»³.

Обнадеженный и обрадованный милостивым приемом, Саба в первых числах июня отплыл на королевском корабле в Рим. Французское правительство заранее сообщило о его приезде Ватикану и просило оказать Саба особое внимание.

Действительно, посла Грузии приняли в Риме как желанного и почетного гостя.

Казалось, все сильные мира сего во главе с папой сговорились внушить Сулхану-Саба твердую веру в добрую волю Запада: и кардиналы, и грандук, и римская знать. Ватикан был в самом деле глубоко заинтересован в дальнейших шагах Саба. Недаром папа Климент XI при свидании обещал ему всяческую помощь в деле освобождения царя Вахтанга.

¹ Это нелегкая вещь — перевалить за шестьдесят лет!

² Государь, ваше величество с такой грацией носит этот возраст, что каждому хотелось бы обладать им!

³ Газ. «Закавказская речь», 1913, № 141.

Саба поместили в монастыре св. Лазаря, окружив вниманием и заботами. Папская карета была предоставлена в его распоряжение на все время пребывания в Риме.

«Много имели мы от французского короля довольствия и милостивого внимания, но тут мне благодетельствовали еще больше», — рассказывает Саба. Высшие представители государственной и духовной иерархии каждый день устраивали в его честь приемы. «Очень нас утомили, — жалуется он, — ибо многие приходили и ласкали нас».

К сожалению, еще не изучены сообщения других лиц, особенно итальянцев и французов, о пребывании Саба в «вечном городе», архивы же канцелярии Ватикана для нас пока недоступны. Зато сам Саба с величайшей тщательностью и вниманием повествует в своем «Путешествии», что он видел и с кем беседовал, обогатив грузинскую литературу замечательным произведением — записками пытливого странника и в то же время государственного человека, преследующего на чужбине определенную высокую цель.

Саба с большим интересом осматривал дворцы, храмы, книгохранилища, музеи, школы, сады, памятники, акведуки и другие достопримечательности «вечного города». А в богатых книгохранилищах Ватикана он с особой настойчивостью разыскивал грузинские рукописи.

Все здесь поражало и восхищало Саба. Невольно вспоминалась ему родина, разоренная вражескими нашествиями, обессиленная распрями феодалов, и он с болью записал в своем дневнике: «Дай, господи, моей стране хотя бы после меня [должное] преуспеяние».

Он побывал в приюте при монастыре Иоанна Богослова, где воспитывалось до восьмисот бедных девушек. С восхищением любовался он сводами знаменитых храмов, удивлялся богатству их росписи и гигантским размерам.

Особенно поразил Саба храм св. Петра.

«Человеческим языком нельзя вполне выразить величие сего здания, — писал он. — Мы были в храме, подобном царствию небесному». И Саба подробно перечисляет статуи и колонны, алтари, склепы, утварь и т. п.

Саба посещал школы и больницы. Беседовал со школьниками — арабами, эфиопами, армянами, обучавшимися пению и письму...

Любопытнейший путешественник весьма интересуется памятниками древней культуры, которыми так богата Италия. «...На одной мраморной плите, — пишет он, — обделанной с чудным искусством, была высечена бегущая девушка, языческая богиня, которую преследует мужчина; он нагоняет девушку, но в эту минуту она превращается в лавр. Словами нельзя описать дивные произведения древности... Тут же рядом померанцевые сады, и необыкновенные деревья, и серны с их детенышами; разнообразные арки и увеселительные места».

Побывал Саба и в музеях: «...Мне показали кости каких-то редких рыб и единорогов; ребро диковинной рыбы, имеющей длину до 5 локтей, толщиной в локоть; еще 2 кабаньих клыка, хотя поменьше, но похожих на тот, какой имеется и в сокровищнице нашего царя; окаменелую человеческую голову, окаменелый гриб,— такой я видел и в Карталинии. Я рассказал, что и у нашего царя хранится подобная же окаменелая кабанья голова. Затем кардинал показал мне изваянную из камня человеческую голову,— она лежала на подушке; поистине, доложу вам, если б он не предупредил меня, что это камень, я не поверил бы, даже держа в руках, что это не мертвая голова. Внешняя отделка меня не удивляет, я дивлюсь тому, как придали камню цвет кости».

«Путешествие» Сулхана-Саба Орбелиани свидетельствует о широте его кругозора как мыслителя, о многогранности его интересов.

Приглядываясь к раскрывавшемуся перед ним новому миру, Сулхан-Саба невольно сравнивал его с многострадальной Грузией. Окрестности Флоренции напоминают ему пейзажи Мегрелии (Западная Грузия), итальянское вино — живительную влагу атенских виноградников (близ г. Гори).

Язык «Путешествия» Саба выразителен и ясен; от восторженных описаний он переходит к ровному спокойному изложению, оставаясь везде искренним выразителем охвативших его чувств и впечатлений.

Как видно из записей, папа неоднократно беседовал с Саба. Одну из аудиенций в летнем дворце он подробно описал в своем «Путешествии»:

«Дворец папы не хуже чьих бы то ни было других дворцов; комнаты, через которые я проходил, были устланы дорогими коврами пурпурного цвета с золотой каймой и богатым шитьем; впереди стояли рядами придворные и вельможи, затем священники и епископы; никого из кардиналов не было, так как папа принимал нас просто, без всякой торжественности. Меня ввели в маленькую комнату, где он сидел; сперва я по данному знаку поклонился у самых дверей, потом еще раз, остановившись посередине комнаты, и, наконец, припал к его ногам и поцеловал... Папа обнял мою голову. Хотя порядок требует, чтобы посетитель стоял перед папой на коленях, он не допустил этого и заставил меня встать; я хотел отодвинуться подальше, но он притянул меня к себе, поставил рядом, приветствовал меня, обласкал. Я доложил: «Святой отец! С тех пор как твой сын, твердый христианин, представил тебе свое дело — мое сердечное желание исполнено, и я надеюсь, что все будет улажено, но промедление может только повредить Вахтангу, ибо он находится в недобром месте». «Если бы ты попросил даже моей крови,— произнес папа,— то я готов был бы пролить ее, чтобы помочь Вахтангу и его стране». Поблагодарив его, я доложил: «Вижу, что если Вахтанг не прибудет, то христианство потерпит ущерб в моей родине, а если явится, православие усилится.

Другого дела у меня нет; подобно старцу Симону, умоляю, ныне отпусти раба твоего». Улыбнувшись на это, папа промолвил: «Я молю за тебя бога, да живешь долго, ибо надеюсь свершить через тебя много дел».

Как видим, Саба проявил себя искуснейшим дипломатом. Если Людовика XIV он соблазнял главным образом прибыльным торговым путем, то с папой он говорит об усилении и процветании католичества.

Спустя некоторое время Саба был снова приглашен к Клименту XI. «Я вошел, облобызал его стопу,— вспоминает он,— папа приветствовал меня, и затем мне довелось услышать из его уст много хороших слов... Из собственных рук он мне пожаловал... часть животворящего древа в ценной оправе и агатовые четки, украшенные золотом с таким же на них образом. «Мощи я вам пришлю,— молвил папа.— Я рад, что в Риме о вас пошла добрая молва, правильно вы себя ведете и умно...». Папа даже собственноручно причастил Саба.

После прощальной аудиенции папа пригласил Сулхана-Саба на обед, щедро угостил и пожаловал ему шестьдесят скуди на путевые расходы.

«Папа взял меня с собою,— пишет Саба,— и наказывал много любезностей, повторяя при этом: «Проси у меня, чего хочешь». Я поблагодарил его и ответил, что все мною желаемое исполнилось без моей просьбы. Тут он меня обнял и поцеловал... преподавал нам советы о дальнейшем пути и, отпуская, произнес: «Я не отпустил бы тебя так скоро, но как ты уехал без дозволения царя Вахтанга, то он будет недоволен, если я тебя задержу... Ступай, порадей об его делах».

Успокоенный лицемерными заверениями папы, Саба 18 августа «с первым криком петуха» покинул Рим и 2 сентября прибыл на родину Данте и Боккаччо — во Флоренцию, где был встречен чрезвычайно торжественно.

Из Флоренции он направился на Мальту. Здесь его по-царски принял великий магистр Мальтийского ордена и правитель острова. На Мальте Саба задержался до 5 декабря, откуда на специальном королевском корабле продолжал свое длительное путешествие¹.

Во флорентийских архивах сохранились документы, касающиеся пребывания Сулхана-Саба в Италии.

«...В ночь на 13 сентября 1714 года,— сказано в одном из них,— из Рима во Флоренцию прибыл монах-базилианец Сулхан-Саба Орбели,

¹ На Мальте Саба встретил партию пленных грузин: «И грузин я видел: имеретин, гурийцев, мегрельцев, которых отняли у татар, но язык свой они знали по-прежнему хорошо». Соотечественников, захваченных в плен турками и проданных в рабство на невольничьих рынках, Саба встречал и в Локарно, и в Мессине, и в других городах. Чувством глубокого негодования веет от страниц «Путешествия», посвященных этим встречам.

один из князей Грузии. Его поместили в монастыре святой троицы, где грандук принимал его с большим почетом.

По просьбе этого грузинского князя 18 сентября был снят занавес с иконы благовещения богоматери. При этом событии присутствовало много народу. Утром в четверг 20 сентября упомянутый Саба Орбели со своими миссионерами продолжил свой путь, возвращаясь в Азию, весьма довольный грандуком и городом Флоренцией».

Итак, грандук последовал примеру папы и сделал все для того, чтобы Сулхану-Саба был оказан возможно больший почет. Он не только предоставил Саба свой экипаж для поездок в город, не только щедро угощал его, но и поднес прекрасные подарки. «Патеры капуцины, следуя примеру грандука, выразили Сулхану-Саба свою любовь и уважение... 17 сентября настоятель Монтугского монастыря пригласил его на обед в монастырь со всей свитой. Привезли [Сулхана-Саба] в экипаже шестеркой. Утром он исповедовался, а во время обедни причастился с большим упованием, показав добрый пример всем там присутствующим. Насколько это было возможно, его щедро угостили...

Вечером грандук прислал за ним экипаж, который доставил [Сулхана-Саба] в его резиденцию. На другой день его посетил патер Анджело, которого он знал еще в Грузии. [Анджело] привел с собой другого миссионера, чем очень порадовал Саба, так как и этот патер знал грузинский язык. Их обоих Сулхан-Саба оставил у себя обедать, и они беседовали совсем по-домашнему.

20 сентября он со своими спутниками отправился из Флоренции на специальном судне его величества. Патер Анджело проводил его до Ливорно, второй же миссионер последовал с ним до Сицилии».

С пути Саба послал следующее письмо министру Франции Поншантрану: «Великомудрый и высокопочитаемый... господин Поншантран! Я знаю, что недостаточно ревностно отнесся к вашей просьбе постоянно писать о себе. Из Рима я написал вам о том, сколько милостей оказал мне его святейшество папа, о которых просил его великий государь, но действительность превзошла все просьбы.

После отъезда из Рима мы за счет папы объездили много земель и прибыли во Флоренцию. Когда грандук узнал о почете, оказанном нам великим государем и папой римским, он тотчас же встретил нас с большими почестями и очень хорошо принял. И в бытность там и на пути в поместье мы жили на его счет. С большой заботой он к нам отнесся.

В Локарно встречал нас ваш консул, господин Демалиа. Он высказал пожелание, чтобы мы остановились во дворце, но мы не согласились. Консул часто навещал нас, сердечно обласкал. Однажды разговор зашел о персидских делах. Он так хорошо был осведомлен о них, что мне показалось, будто он там вырос. Да, очень приятно было мне беседовать с этим умным человеком. Его, действительно следовало бы послать в Персию.

Он ведь консул и вполне подойдет к этой стране. Вообще, не говоря уж о вашем великом уме и знаниях, я должен отметить, что французы очень приветливы и умны.

По пути в Локарно мы прибыли в Палермо. И тут ваш консул весьма потрудился... Оттуда мы направились в Мессину. Если бы здешний консул нас не встретил, не знаем, где бы мы остановились. В Мессине ваш консул проводил меня и оставил в нашем монастыре св. Базилия. Каждый день он присылал мне свой экипаж; каждый день навещал и относился к нам необычайно тепло. Все эти господа ради вас хорошо и сердечно отнеслись к нам. Пишу обо всем этом для того, чтобы вы их достойно отблагодарили».

И далее:

«Умоляю вас поскорее прислать миссионеров, чтобы взять их с собою в Константинополь. Этой зимой я предоставляю им возможность отдохнуть там. Знаю, что вы очень болеете за наше дело, и ожидаю, что будете действовать с еще большим самоотвержением, за что и царь наш и страна наша станут вашими должниками, а я постоянно буду молиться за вас. Написано октября 26 [1714]. Сулхан-Саба Орбелиани».

19 января 1715 года Саба благополучно прибыл в Константинополь. Ему навстречу французский посол выслал специальный корабль. В Константинополе его застала страшная весть о жестокостях царя Иасе в Картли, а также письмо Вахтанга из Ирана. Царь сообщал, что его положение ухудшилось, и просил ускорить решение дел в Европе. Но из Версаля Саба не получал пока конкретного ответа. И вновь полетели письма в Париж с просьбой о помощи.

«Вы много потрудились,— писал он Поншантрану,— но я умоляю вас потрудиться еще больше и добиться того, чтобы великий король поведаль мне своими правдивыми устами о той милости, которой я ожидаю.

Мои братья просили меня поспешить с отъездом домой, так как в стране беспорядки и все желают, чтобы я скорее приехал. Однако я не могу выехать, пока не получу королевской милости и не дождусь прибытия миссионеров. Дело свое и дело моей страны я отдал под ваше покровительство, и вы это знаете».

Точно так же умолял Саба и Рим, и столь же безуспешно. Окончательный удар его надеждам нанесла смерть Людовика XIV, последовавшая 1 января 1715 года.

Таким образом, Грузии еще раз пришлось убедиться в своем полном одиночестве, а грузинским дипломатам — в тщете их политических иллюзий.

После длительного путешествия Сулхан-Саба возвращался в Грузию с теми настроениями, с какими и прежде неизменно возвращались грузины-дипломаты. Уже во время пребывания в Европе начинал угасать их энтузиазм. Вместо крестоносцев с мечами их сопровождали босоногие ка-

пуцины и францисканцы с папской буллой, где было немало извинений и еще больше утешительных слов: «Возможно, что бог намеренно ниспослал вам такое испытание, ибо нельзя получить золото, пока оно не очистится в огне. Нельзя испечь чистый хороший хлеб, не отделив предварительно на току плевелы от зерна. Умудренным опытом и очищенным от всякой скверны праведникам воздано будет сторицей, и они обретут жизнь вечную».

Такими эпистолами утешал римский престол терпевшую жестокие бедствия Грузию.

Тринадцатого мая 1716 года старый дипломат, утративший все свои политические иллюзии, с подобной же «душеспасительной» буллой, в сопровождении нескольких капуцинов покинул Константинополь, чтобы плыть в Грузию.

По пути из Стамбула в Тбилиси его ожидали еще более тяжкие испытания, а на родине — гнев царя Иаса и козни православного духовенства. Этот суровый путь Саба ярко изобразил в своем «Путешествии».

Семнадцать месяцев провел он в Константинополе. Французский посол снабдил его средствами на дорожные расходы. Нанял судно, отплавившее в Лазистан. Хозяину судна было уплачено 400 марчили (древне-грузинская монета), с тем чтобы он доставил путешественников в Кобулет, в Гурии, передал их владельцу Гуриели и обязательно привез письмо о благополучном их прибытии. Кроме того, владелец корабля дал обещание послу, что, кроме двадцати матросов, он никого не возьмет на борт.

Однако все это оказалось пустой болтовней. Не успело еще судно выйти в море, как хозяин привел татарского янычара-агу и все судно оказалось набитым татарами. На палубе не осталось свободного местечка, Саба был вынужден спуститься в трюм. Вернуться он уже не мог, а плут-хозяин продолжал морочить его «сладкими речами».

Впрочем, Саба не был одинок в этом путешествии. С ним плыли три капуцина, посланные в Тбилиси, патер-иезуит, направлявшийся в Ширван, и купец из Бруссы ходжа Айваз-Чалаб, пробиравшийся вместе с сыном в Ганджу за шелком. Ветер был попутный, судно быстро бежало вперед.

На десятый день путники прибыли к атинским берегам, откуда был родом хозяин судна. Он объявил пассажирам, что намерен отдохнуть здесь два дня, а затем доставит их в Кобулет. Вняв их мольбе, он прогнал янычар, но одновременно дал тайно знать трабзонскому паше¹ и начальнику гонийского санджака, что скоро-де выедет знатный человек, сопровождаемый французами, а при нем несметные богатства, — так не угодно ли будет захватить их? Причиной молвы о богатстве путе-

¹ Т р а б з о н — Трапезунд.

шественников послужил, очевидно, объемистый сундук, который французский посол передал Сулхану для дальнейшей пересылки в Испагань какому-то знатному сановнику.

«Четыре дня мы провели здесь,— пишет Саба.— После этого он [хозяин судна] нам сказал: «Не могу я вести судно в Гурию. В Абхазии смута, и я боюсь. Если хотите, отправляйтесь на маленькой лодке хоть в Гурию, хоть в Ахалцихе». Что мне было делать? В одну лодку уселись ходжа Айваз и его товарищи, в другую — мы с патерами. Поплыли вдоль берега. Так прошло некоторое время. Потом море заволновалось, и лодки раскидало в разные стороны. Их лодку погнало в Хопи, нашу — пониже Хопи. Там тоже оказались татары. Они вели пленных из Имерети в Константинополь для продажи. Если бы не они, мы бы погибли. Они помогли нам. Мы вышли на берег и пробыли там четыре дня. Все дни и ночи на море продолжалось сильное волнение.

Пришли чаны¹. Они задержали нас и долго томили. Отняли двадцать марчили, разбили наши сундуки. Они выдавали себя за сборщиков пошлины и доставили нам много неприятностей. Я не беспокоился за себя, но меня очень волновала участь пловших с нами трех итальянских отцов, ибо они были иностранцы и не знали языка. Кроме того, нам стало известно, что султан запретил итальянцам и жителям стран Запада плавать по Черному морю.

Мы пробыли там четыре дня и четыре ночи, а на пятый день отправились на лодках и прибыли в Хопи, где подстерегал нас гонийский бек. Он выслал навстречу лодки, нас задержали и... загнали в один из домов. Даже Айваза нам не показали...».

К счастью, приехал туда племянник ахалцихского паши Али-бек, который знал Саба. Услышав о его тяжелом положении, он приказал гонийскому беку отпустить всех людей вместе с вещами и доставить к нему.

Принял их Али-бек с большим почетом. Однако уже на следующий день он должен был плыть дальше, в Константинополь. Ходжа Айваз сообразил, что после отъезда Али-бека начальник Гонии постарается выместить на путниках свой гнев. Путники решили задобрить начальника и поднесли ему восемьдесят марчили.

Рано утром Али-бек, дав Саба и его спутникам коней и провожатого, отправил их в Артануджи². Айваз же остался. Но не успел еще скрыться в морской дали парус Али-бека, как гонийский начальник пустился в погоню за Саба. Нагнав его, предложил Саба как грузинскому вельможе продолжать путь, однако при условии, что он покинет на произвол судьбы своих спутников.

¹ Чаны — грузинское название лазов.

² Артануджи — древняя провинция Грузии в южной ее части.

«Я отказался,— пишет Саба.— Разве мог я их кинуть? Задержали нас всех. Багаж, шатер, одежда — все было разграблено. Нас сдали янычарам и пешком погнали к Гонии.

Меня сильно лихорадило, а гнали нас в гору, по крутому подъему. У меня перехватило дыхание. Ведь я стар и слаб, к тому же меня знобило. Отобрали у меня лежавшие за пазухой последние шестьдесят флоринов. В это время прибыл Айваз-Чалаб. Он стал браниться: «Кого вы убиваете... разве не знаете, что с вами за это сделают?» Он поднялся ко мне наверх... Предложил янычарам выкупить нас за четыреста марчи. Сговорившись, Айваз спустился обратно, чтобы доставить деньги. Они потребовали в заложники патера. Но я сам остался заложником. Со мною задержали и сына Давида Канделаки. Айваз ушел вместе с моими спутниками. Пока он ходил, совсем стемнело. Нам связали руки: «провел, мол, нас, не принес серебра», и среди ночи повели по направлению к Гонии.

Дождь и туман. Ночь и ужасный подъем, который разве только дьявол мог одолеть. Каких мучений нам стоил этот подъем, пером не опишешь. В полночь добрались мы до дома некоего человека и, утомленные, уснули. Оказывается, Айваз еще ночью вернулся и принес серебро. За нами выслали коней, разбудили, развязали и повезли. Полил сильный дождь.

По дороге нагнал нас некий янычар. Он ехал верхом, но без седла. Увидев на мне плащ, отнял его и подложил под себя. Мне стало еще хуже от порывов ветра и холодного дождя. Привели нас к Айвазу-Чалабу. Не успели мы спуститься с горы, как двух патеров задержали другие татары и увели с собой. Я пришел в ужас, но Айваз-Чалаб, убедив нас двигаться дальше, ушел в горы. Шестьдесят марчи уплатил он за этих патеров и привел к нам.

Мы миновали Нигальское ущелье. Со всех сторон угрожала нам опасность, и претерпели мы немало мук. Платил за все серебром Айваз-Чалаб. Добрались до Артануджи. Жена Исака-паши хорошо отнеслась к нам, приютила и щедро угостила... Одного своего агу она послала с нами. Не успели мы дойти до Артани, как дорогу нам преградил Аслан-паша — двоюродный брат Исака-паши, правивший в то время в Ахалцихе. Шестьсот марчи он у нас отобрал. А сколько чего другого пропало,— даже собак нам не оставили!»

Ограбленный, измученный и больной, добрался наконец Саба до граиц любимой родины. Но встретили его здесь весьма неприветливо. В то время в Картли царствовал ставленник Ирана, ренегат Иасе, женатый на племяннице царя Георгия. Саба осуждал этот брак, считая Иасе «кровосмесителем». «Кто мне он не был расположен,— пишет Сулхан-Саба,— притом я много задолжал брусским купцам, и они не отпускали меня в Имерети; с другой стороны, мои братья прислали сказать, чтобы я не показывался в Картли, но другого исхода у меня не было, явился я к

царю и неожиданно встретил у него хороший прием. В то время свирепствовала по всей Грузии моровая язва и уносила множество жертв. Тбилиси опустел, жители уходили в леса и горы. Был июль месяц; мои кредиторы поехали в Ганджу за шелком. Между тем грузинские епископы и духовенство стали преследовать меня за то, что я ездил в Рим. Они так настроили моих родных, близких царя и всех достопочтенных людей, что никто уже не смел ни заступиться за меня, ни помочь мне выплатить долги. К счастью, в Тбилиси у меня была кума, правоверная католичка; она обошла всех своих знакомых и ученых, собрала деньги и отдала их моим заимодавцам... Духовенство желало созвать собор и повредить мне. Но в конце концов им все же не удалось уговорить царя [Иасе]... Он процарствовал еще три месяца. После него вступил на престол Бакар (было ему тогда пятнадцать лет от роду), ради которого я перенес столько бедствий и которого старался возвести на престол. Этого Бакара обманом уговорили, заставили его позабыть мою любовь к нему и мою службу... Они пытались причинить мне много всякого зла, но бог спас нас, и царь оказал нам почести: тщетным осталось их вероломство. Потом выяснилось, что царь Вахтанг, узнав про их дела, сильно огорчился и укорял всех».

Так закончилось знаменитое путешествие Сулхана-Саба Орбелиани в Европу.

ГЛАВА V

РАЗРЫВ С ЦАРСКИМ ДВОРОМ, ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СУЛХАНА-САБА. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В РОССИЮ. СМЕРТЬ

Мы узнали во всех подробностях, как Сулхан-Саба Орбелиани всю жизнь верой и правдой служил царю Вахтангу VI. И Саба в самом деле был добрым гением страны в годы его царствования. Но феодальная оппозиция, происки духовенства и слабохарактерность царя привели к катастрофе.

Вскоре, притом совершенно неожиданно, при дворе Вахтанга произошло непонятное событие: последовал разрыв между царем и Сулханом-Саба. «Коварство мира сего отдалило их друг от друга, а любители междоусобий всячески стремились еще более разжечь возникшие между ними разногласия». Гнев Вахтанга был так неистов, что обрушился даже на головы братьев Саба, на весь род столь преданных ему Орбелишвили. А между тем, по словам Саба, ни он, ни его братья ни в чем не были грешны перед царем: «Царя попросту распалили против меня и моих братьев»...

Без конца строили козни близкие, казалось бы, Сулхану люди, «им воспитанные или им исцеленные», люди, «заботами о коих и просьбами Сулхан столько раз надоедал царю, что тот наконец разгневался». Эти явные и тайные враги забыли о заслугах Саба перед страной, иные из них «подло ему завидовали, обезумев от этой зависти».

Поскольку Вахтанг был по натуре вспыльчив и «грозен», а к тому же разум людей могущественных легко поддается нашептываниям злых языков, враги Саба легко достигли желаемой цели.

Воинствующие церковники-мракобесы, объединившись с политическими интриганам из высших светских кругов, обвинили Саба в ереси, в отступничестве от православия. Против измученного, отчаявшегося в осуществлении своих надежд защитника отечества поднялись все темные силы высшего сословия и духовенства. Великий человек мужественно и стойко

сносил клевету, травлю, оскорбления. Но тяжко ранила его неблагодарность царя, которого клеветникам удалось привлечь на свою сторону.

Этот трагический момент своей биографии Саба запечатлел в введении к «Калиле и Димне» в трех баснях, в которых мастерски отражены столь угнетавшие его события. Вот что говорится, например, в басне «Про царя и его гончую».

У некоего царя была гончая. Честно и преданно служила она своему хозяину, искусно выслеживала и настигала дичь. Царь очень любил ее, холил, баловал, кормил из своих рук. И все же собака не возгордилась, не кичилась царской любовью, делилась пожалованным ей добром со своими близкими. Однако движимые завистью сородичи задумали ее погубить. Они подло оклеветали верную собаку. Поверив клеветникам, царь прогнал любимую гончую со двора.

С тех пор прошло немало времени. В стране появилась какая-то диковинная дичь. Царь загорелся желанием добыть ее, но его новым гончим не под силу оказалось выполнить царское желание. Царь опечалился, вспомнилась ему впавшая в немилость гончая, и стал он искать и звать ее. Старая, обездоленная, голодная собака доживала где-то на задворках свой век. Однако, услышав голос любимого хозяина, она забыла огорчения и обиды, забыла и про свою старость. Бросилась к хозяину, стала ласкаться, готовая служить по-прежнему, и если понадобится, то хоть жизнь отдать за него. Но поймать эту редкостную дичь у нее уже не хватило сил.

Нетрудно догадаться, что в басне «Про царя и его гончую» Саба аллегорически рассказывает о своей судьбе, о своей любви и верности Вахтангу и о недоброжелателях, которые оклеветали его перед царем.

По нашему мнению, причиной разрыва между Саба и Вахтангом было общее недовольство безрезультатным посольством в Европу и переходом Саба в католичество.

Оппозиционно настроенные феодалы приложили все усилия, чтобы изолировать Саба от правящих кругов. Интриганы жестоко разделились с ним, но сердце царя все же не осталось глухим к горю своего воспитателя, и он, смилостивившись, «простил» Саба.

В примирении Вахтанга с Сулханом определенную роль сыграли их общие литературные интересы. Как уже говорилось, Саба удалось с детства привить своему воспитаннику горячую любовь к литературе. Вахтанг был, как известно, весьма просвещенный правитель. Ученый и поэт, критик и переводчик, собиратель и толкователь многих памятников грузинской исторической литературы, организатор первой в Грузии и на всем Кавказе типографии, которая, между прочим, выпустила первое печатное издание поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (1712) под редакцией и с обширными комментариями самого Вахтанга, непосредственный руководитель и покровитель многих культурных начинаний, горячий сторонник

сближения Грузии с Россией — таков был этот многогранный и широко образованный государственный деятель. Под руководством Вахтанга были собраны и кодифицированы памятники обычного права и разного рода правовые кодексы, сборник их известен под названием «Законы царя Вахтанга». Талантливый поэт, он обогатил грузинскую литературу рядом произведений, в которых мастерски воспел красоты Грузии и поэтически излил свою самоотверженную любовь к многострадальной родине.

В интересующий нас период Вахтанг занимался переводом с персидского известного сборника басен «Калила и Димна». Он обратился к опальному воспитателю и другу с просьбой отделать поэтическую часть перевода. Со свойственной ему отзывчивостью Сулхан-Саба согласился взять на себя этот труд и блестяще обработал грузинский текст «Калилы и Димны».

Перевод выполнен в прозе со стихотворными вставками. Точно так же как и «Мудрость вымысла», сборник этот носит дидактически-воспитательный характер. В нем проводится мысль, что о человеке следует судить не по его происхождению или богатству, а по знаниям и высоте культуры. В книге правдиво и ярко изображено бедственное положение крестьян, которых грабят и разоряют жадные, ненасытные феодалы.

Совместная работа над переводом снова сблизила Вахтанга и Сулхана-Саба.

Кто же были враги Саба Орбелиани, кто организовал травлю столь известного мыслителя и гуманиста?

Одним из них был Иасе, он же Али-Кули-хан, при турках ставший Мустафой.

Мы говорили выше, что царь Иасе неприязненно встретил возвратившегося из Европы Саба и питал к нему враждебное чувство как к человеку, преданному Вахтангу.

Иасе был жестоким и мстительным человеком, узурпатором престола, коварным врагом Вахтанга. Пытаясь укрепить свое положение и затем захватить власть, он вначале становится шиитом, затем суннитом. Именно Иасе в свое время восстановил против Вахтанга персидский гарнизон в Тбилиси и даже побудил солдат открыто выступить против царя. Он послал шаху донос, обвиняя царя в сожжении корана и вообще в притеснении магометан. В обмен на царский трон Иасе обещал шаху переселить в Иран жену и детей Вахтанга, а также семьи пятисот знатных грузин. Не удивительно, что, воцарившись в Картли, Иасе раньше всего потребовал от Вахтанга немедленного отъезда в Кирман. Однако царствовать Иасе пришлось недолго: он не выполнил взятых на себя обязательств, и шах не только лишил Иасе престола, но выдал его Вахтангу, который в течение трех лет держал свергнутого царя-ренегата в заточении. По истечении этого срока Вахтанг освободил его, вернул ему полностью имущество и пожаловал высокую должность.

Однако Иасе не успокоился — он и после этого поражения продолжал свои происки против Вахтанга. По его вине не была осуществлена коалиция Картли и Кахети, что повлекло за собой падение Тбилиси (1723) и окончательное переселение Вахтанга в Россию.

После того как турки нанесли поражение персам, Иасе становится вассалом нового господина — турок — и до самой смерти считается правителем Картли.

Другим врагом Саба был брат Вахтанга Свимон, которого Вахтанг, уезжая в Иран, оставил в Картли своим заместителем. Воспользовавшись долгим отсутствием царя, Свимон попытался захватить кахетинский престол. Он создал сильную группу феодалов, поставивших себе целью во что бы то ни стало свергнуть Вахтанга. Заговорщики прибегли к испытанному способу — клевете.

Шах решил проверить предъявленные Вахтангу обвинения и с этой целью послал в Грузию своего приближенного Холофа.

Узнав об этом, заговорщики убедили Холофа ходатайствовать о низложении Вахтанга и доложить: «Свимон, мол, и знатные вельможи Картли объединились и просят передать шаху: «Мы не желаем Вахтанга, пришли нам Иасе».

До прибытия Иасе государственными делами Картли управлял Свимон, который ради личного благополучия не гнушался даже изменой.

Известно, что лезгины весной 1723 года неожиданно осадили Тбилиси. Свимон не предпринял никаких мер к обороне столицы. Он даже не привел в порядок укрепления, содействуя таким образом успеху противника.

Не менее ярым врагом Саба являлся глава грузинской церкви католикос Доментий, который видел в нем «отступника от правой веры».

Любопытно, что католикос Доментий в свою очередь оспаривал престол у Вахтанга. По словам Сулхана-Саба и польского миссионера Крузинки, он в 1707 году явился к шаху с требованием отдать ему Картли, за что обещал перейти в магометанство. В дальнейшем, когда Свимон организовал заговор против Вахтанга, Доментий примкнул к нему и магометанин Иасе предпочел христианину Вахтангу.

Интересные данные об этих противниках грузинского царя и Сулхана-Саба можно найти на страницах литературного наследия самого Вахтанга, многие лирические стихотворения которого представляют собой бесконечную иеремиаду о коварстве приближенных и о превратностях царствования.

Так, например, в одном из своих стихотворений Вахтанг сравнивает себя с Иосифом, проданным братьями в Египет.

В введении к «Калиле и Димне» он прямо говорит: «Возненавидели меня несправедливо, а после этого мои ближние вместо добра причинили мне зло, восстали против меня, сделали пленником и сослали в Кирман».

Добиваясь свержения Вахтанга, заговорщики не могли не ополчиться и против Саба, преданного и близкого царю человека. Воспользовавшись его приверженностью к католицизму, они объявляют беспощадную войну престарелому дипломату.

Редкую неблагодарность проявил и молодой царевич Бакар. Если уезжавшего в Европу Саба он провожал со слезами на глазах, то теперь, вместо того чтобы с благодарностью встретить стареющего писателя и государственного деятеля, перенесшего столько страданий ради Бакаровой семьи, царевич отвергает его и принимает участие в недостойных интригах.

И так поступает Бакар в то самое время, когда мечта Саба осуществилась, когда Вахтанг снова занял престол, когда Саба по многолетней традиции и личным заслугам должен был находиться возле царя и помогать ему в управлении государством. Однако происходит обратное: против Саба ополчается не только духовенство, но и правящие круги, включая самого Бакара.

Чем же была вызвана столь немотивированная вражда к Саба? Формально — его приверженностью к католицизму.

Но ведь других же не карали так строго и не обездоливали за перемену религии. Можно не сомневаться, что борьба против Саба велась не только и не столько во имя разногласий религиозного порядка, но была обусловлена политическими и личными мотивами. Католикос казнил не «заблудшую овцу», а близкого царю Вахтангу человека, сильную политическую личность, угрожавшую интересам заговорщиков.

Оппозиция не могла простить Саба того, что он фактически управлял государством, поддерживая и претворяя в жизнь мероприятия Вахтанга. Саба мешал непокорным феодалам, и они решили устранить стража, бдительно оберегавшего престол. «Мою преданность они злостно извратили», — говорит Саба. А поскольку «язык обманет и старого мудреца, а не только неопытного человека», — с Саба расправились без суда, даже без какой-либо проверки вражеских измышлений. Очевидно, клеветники хорошо знали, как и чем можно уязвить Вахтанга. Возможно, что Саба приписывалось намерение организовать заговор, к которому он будто бы привлек и своих влиятельных братьев, или нечто подобное, иначе трудно объяснить эту гневную вспышку Вахтанга.

В каком же году произошел этот разрыв, за которым последовала задуманная феодалами-оппозиционерами политическая изоляция Саба?

По нашему мнению, истоки ее восходят к тем дням, когда Вахтанг отправился в Испагань (1712). Известно, что 10 декабря 1710 года Кайхосро вызвал Саба в Хорасан и 20 февраля 1711 года, наградив богатыми дарами, отправил обратно в Картли, куда Саба прибыл 11 мая.

Следовательно, политическое положение Саба к этому времени было еще прочным. Более того: мы убеждены, что политическая изоляция

Саба не могла быть осуществлена до смерти Кайхосро (точнее, до 24 декабря 1711 года, когда эта весть дошла до Картли), ибо без санкции Кайхосро Вахтанг не решился бы столь грубо расправиться с этим крупным и пользовавшимся всеобщим уважением государственным деятелем.

Это могло произойти только в период между смертью Кайхосро и воцарением Вахтанга, в переходное время с 24 декабря 1711 года по 23 февраля 1712 года. На эту мысль нас наводят следующие обстоятельства. Когда после смерти Кайхосро шах возвел на картлийский престол Вахтанга, последний по заведенному порядку должен был отправиться в Иран. Однако Вахтанг не получил соответствующего распоряжения. Тогда он сам выразил желание посетить шаха уже в качестве царя Картли.

Что же вынудило Вахтанга немедленно предпринять этот опасный шаг? Поездка к шаху была чревата для Вахтанга двумя серьезными испытаниями: от него могли потребовать немедленного перехода в магометанство либо послать во главе войск против беспокойных афганцев. Ясно, что такой пагубный для интересов Картли совет не мог ни в коем случае исходить от верного и проницательного Сулхана, а мог быть продиктован только коварными врагами. Невольно возникает вопрос: не замешаны ли во всем этом оппозиционеры, враги Вахтанга, которые уже тогда пытались изолировать Саба?

Сам Вахтанг, возвратившийся из Ирана в 1719 году, недолго усидел на картлийском престоле. Главной причиной всех его бед было столкновение интересов трех великих государств — Ирана, Турции и России — на территории Закавказья.

В период внутреннего распада некогда могущественного иранского государства Россия стремилась помешать Турции в ее захватнических планах против Закавказья. При этом русские политические деятели использовали поддержку передовых кругов Грузии, ориентировавшихся на Россию. В результате переговоров был разработан план создания сильной объединенной Грузии во главе с Вахтангом VI под покровительством России. Император Петр I сообщил Вахтангу, что считает его главой всех христианских народов Закавказья.

Пятнадцатого июня 1722 года русское правительство объявило о начале военных действий против Ирана. Вахтанг во главе 30 000 бойцов выступил в Ганджу, где в течение трех месяцев ожидал прибытия русских войск, пока царский гонец не привез ему сообщение, что поход откладывается до будущего года.

В дальнейшем положение в Закавказье продолжало осложняться. Шах лишил Вахтанга картлийского престола и передал Картли царю Кахети Константину.

Следует отметить, что к тому времени Петр I, желая поддержать Вахтанга, перебросил к границам Грузии 2000 солдат с артиллерией, но

помощь эта запоздала: Тбилиси был занят лезгинами-кизилбашами, а затем арзрумским пашой. А в то же время Турция приступила к захвату иранских владений в Закавказье. В таких условиях Россия уже не могла вмешаться и повлиять на ход событий, и Вахтангу пришлось покинуть родину. В июне 1724 года с многочисленной свитой он эмигрировал в Россию, где рассчитывал добиться более основательной помощи для освобождения Грузии. Однако судьба его сложилась иначе — из России он уже не вернулся.

Продолжал ли Саба после примирения с царем оставаться его ближайшим советником и, в частности, принимал ли он участие в решении такого важного политического вопроса, как вопрос об ориентации на Россию? По нашему мнению, тот факт, что Саба последовал за Вахтангом в Россию, говорит о том, что он по-прежнему принимал близкое участие в государственных делах.

Совсем недавно, работая в московских архивах (Архив Министерства иностранных дел, Архив древних документов и др.) над материалами, связанными с биографией Давида Гурамишвили, нам удалось обнаружить несколько ранее неизвестных документов о последних днях Сулхана-Саба Орбелиани.

В один из майских дней 1724 года, когда лезгины уже заняли Тбилиси, Вахтанг VI вместе с Саба во дворе Кашветской церкви навеки прощался со своей столицей. «Остановился Вахтанг VI возле Кашветской церкви в Тбилиси, собрались к нему горожане и стали его звать в город. Но не было у него достаточного количества войск и не надлежало ему задерживаться... Царь Вахтанг отправился в Гори», — рассказывает очевидец, историк Сехния Чхеидзе.

За нашествием лезгин последовало вторжение турок. Грузия была разгромлена. «Страну разорили», — писал Вахтанг Петру I, — все селения вокруг города разорены и постройки разрушены. Множество людей угнано в плен, язык не в состоянии описать наших бедствий. Ведь Кахети вся занята лезгинами».

Потерпев поражение, Вахтанг через Гори — Цхинвали — Рачу вместе с двухтысячной свитой направился в Россию. «В Грузии мы больше не могли оставаться, — писал он, — нас бы не пощадили...». Вахтанг желал лично побеседовать с Петром Великим и добиться основательной военной помощи для спасения грузинского народа.

В преданной Вахтангу многочисленной свите находился и шестидесятисемилетний старец Сулхан-Саба Орбелиани.

Всего лишь восемь лет назад Саба, перенесший столь тяжкие испытания, вернулся на родину из своего длительного путешествия по Европе.

Полностью отрезвившись от иллюзорных надежд на помощь со стороны западных держав, Вахтанг прочно и окончательно связал свою судьбу с судьбой Российского государства. В этом решении его поддержи-

вал Саба Орбелиани. Как Вахтангу, так и Саба союз с Россией представлялся единственным надежным путем спасения страны.

«Когда мы отправились в Россию,— рассказывает сам Вахтанг,— шестидесятисемилетний старец Саба по своему обыкновению не пренебрег любовью отца нашего и дяди, а также нашей преданностью и сопровождал нас с тремя братьями и двумя племянниками»¹.

В составленном Вахтангом списке своей свиты (1724) упоминается «сын князя Саба, его брат Зосиме, оба — монахи-послушники, с пятью слугами и одним сыном азнаура».

Еще в 1714 году, будучи в Риме, Саба жаловался на физическую слабость: «Я был стар и болен». Возвращаясь из Европы, он по дороге в Гонию повторяет: «Ведь я был стар и болен». И еще задолго до этого, в 1713 году, в Марселе, его спутника Ришара беспокоили «пожилой возраст Саба» и страх, что он «заболеет от тягостей путешествия».

Не может быть сомнений в том, что его физические силы и крепкий организм надломили жестокие условия жизни в определенные периоды: годы подвижничества и аскетизма в монастыре, бедность, гнев царей, наконец, весьма трудные путешествия сначала в Европу, затем в Россию.

Особенно тяжок был для Саба последний путь из Тбилиси в Москву. Чего стоили шестидесятисемилетнему старику хотя бы перевалы через Кавказские горы, «подобные аду, где шумели быстрые реки и водопады. Как трудно было старикам, женщинам и детям переходить через ледяные бездны, такие бездонные, что даже орел — и тот не смог бы взлететь оттуда», — рассказывает один из участников этой экспедиции, Габриел Геловани.

Странникам угрожали разбойники, но они не сдавались и упорно шли все вперед и вперед.

Только осенью 1724 года достигли они наконец Сулакской крепости, где их встретил командующий русским гарнизоном Кропотов: «Показались крепостные ворота, загремели на стенах пушки и ружья солдат... Так с почетом вступил Вахтанг в прекрасный дворец», — пишет Давид Гурамишвили.

Как выясняется из недавно найденных документов, Саба сопровождал Вахтангу только до Сулакской крепости. В дальнейшем Вахтанг предполагал прямым путем проехать в Петербург, но за отсутствием соответствующего распоряжения императорского двора не решился на это. Сам он писал: «Я хотел явиться к императору, но, поскольку здесь нас не встретил приказ государя, мы уже не могли предстать перед ним».

Сразу же по прибытии в Сулакскую крепость Вахтанг решил отправить вперед своего испытанного вестника Саба Орбелиани к императору.

¹ Кстати, по свидетельству исторической поэмы «Вахтангиани», за царем в Россию вместе с Саба последовало семь представителей дома Орбелишвили.

(Отсюда же, притом отдельно, был послан к Петру и Вахтанг Амилахвари.)

Саба поручалось доставить письма Вахтанга Петру и жившей в Москве дочери царя Арчила — царевне Дареджан, которая приходилась двоюродной сестрой и Вахтангу и Саба.

Дареджан Багратиони служила посредницей между Вахтангом и Петром I. При русском дворе она справедливо считалась лучшим знатоком грузинских дел. Дочь страстного патриота царя-поэта Арчила, она была преданным советником и другом Вахтангу и неизменно поддерживала его стремление к союзу с Россией. Еще в то время, когда Вахтанг томился в Иране (1712—1716), Дареджан просила Петра I добиться освобождения царя из плена и увести его в Россию.

Естественно, Вахтанг, покидая Грузию, поспешил уведомить об этом событии Дареджан, рассчитывая на ее поддержку при императорском дворе.

Вахтанг прибыл в Сулак 31 августа 1724 года, и уже 12 сентября, то есть почти не отдохнув, Саба спешно выехал в Москву и Петербург по ордеру генерал-майора Кропотова.

Не успел Саба покинуть Сулак, как на него обрушились новые испытания. Путь преградили горы, которые жестоко ограбили старика. В результате этого нападения Саба пришлось голодать и страдать от холода.

Русское правительство снабдило Саба средствами для найма восьми подвод, и 20 октября Саба выехал из Астрахани в Москву. Астраханский комендант Митрофанов дал ему в провозные капрала местного гарнизона Ивана Воробьева. Любопытно, что Саба, как рядовому монаху, выдавали в пути всего по 5 копеек «суточных», между тем как сопровождавший его архимандрит получал по 25 копеек.

В дальнейшем правительство было информировано, что Саба приходится родственником царю Вахтангу, и после Царицына ему было выдано на питание 14 рублей (на 30 дней).

Саба и его брат Зосиме прибыли в Москву в первых числах ноября. Шестого ноября 1724 года они явились в контору коллегии по иностранным делам с соответствующим документом, выданным астраханским губернатором Вольнымским. Тут же они попросили увеличить им суточное довольствие, на этот счет даже было послано специальное отношение в Петербург.

* * *

Приехав в Москву, Сулхан-Саба поселился, конечно, у Дареджан: царевна была единственным близким человеком в огромной и чуждой ему столице.

Дареджан была последней оставшейся в живых представительницей большой когда-то семьи царя Арчила. Отец ее, мать и братья умерли один

за другим. Почти с детства была Дареджан оторвана от родины. И только неустанная деятельность по укреплению русско-грузинских отношений, заботы о грузинской культуре, покровительство эмиграции скрашивали ее печальное одиночество.

От царя Арчила Дареджан достались в наследство два дворца: один в центре Москвы — Голицынский дворец¹, другой — на окраине столицы, в селе Всехсвятском. Здесь 30—31 января 1722 года царевна торжественно принимала возвратившегося после шведской войны Петра. В ее дворце был устроен пышный маскарад.

В том же дворце Петр и Дареджан совещались о будущих путях Грузии, в частности об участии грузинского войска в походе против Персии. Во Всехсвятском остановился сейчас для краткого отдыха и Сулхан-Саба. Он все еще рассчитывал в ближайшие дни выехать в Петербург с письмами царя Вахтанга.

В документах коллегии по иностранным делам Саба упоминается только однажды, 6 (18) ноября 1724 года; других документов, проливающих свет на его пребывание в Москве, пока не удалось обнаружить. А между тем оно затягивалось, и, очевидно, надолго. Саба заболел. О поездке в Петербург нечего было и думать. Выпавшие на долю старика испытания оказались сильнее его сил.

26 января 1725 года сердце великого грузинского патриота перестало биться. Через два дня, 28 января, скончался Петр I. Сохранилась следующая приписка очевидца на «Словаре» Орбелиани: «Саба скончался в 1725 году, января 26, вечером, в Великой Москве, во Всехсвятском, во дворце Арчила, и был погребен там же в церкви, повелением, иждивением и в присутствии царевны Дареджан».

Вахтангу VI не пришлось воздать последних почестей своему воспитателю; оплакать престарелого Саба выпало на долю Дареджан, дочери его любимого дяди Арчила.

Всехсвятское, где похоронен Сулхан-Саба Орбелиани, стало исподволь значительным культурным центром грузинской эмиграции в России. Здесь в 1699 году жил царь Арчил, здесь же протекала его плодотворная литературная деятельность.

Позже здесь развернули свою деятельность его сын Александр, первый фельдцейхмейстер русской артиллерии, сподвижник Петра I, знаменитый историкограф Вахушти Багратиони, многие члены семьи Вахтанга, и в частности — Бакар.

Достаточно назвать имена таких деятелей грузинской культуры, как Иосиф Самебели, Христофор Гурамишвили, Николай, Димитрий и Зосиме

¹ Этот дворец сохранился и до наших дней. Он стоит во дворе Совета Министров Союза ССР, против гостиницы «Москва». До начала XIX в. дворец принадлежал грузинскому царственному роду — потомкам Вахтанга VI, князьям Грузинским.

Орбелиани (братья Сулхана-Саба), ЭрASTE Туркестанишвили, поэты Мамука и Фома Бараташвили, Димитрий Саакадзе, Мамука Гурамишвили, Давид Гурамишвили и многие другие, чтобы понять, какое огромное значение имел этот центр не только для проживающих в России грузинских эмигрантов, но и для всей Грузии, для ее культурной жизни.

В сороковых годах XVIII столетия (1743) во Всехсвятском впервые была напечатана грузинская «Библия» и другие книги.

Грузинские эмигранты знакомили свой народ с лучшими произведениями русской литературы, церковной, научной, художественной, военной и пр., переводили и с грузинского языка на русский, внося таким образом вполне реальный вклад в дело сближения русского и грузинского народов.

После прибытия Вахтанга во дворец на Пресне был создан второй очаг грузинской культуры, однако и после этого значение Всехсвятского не упало.

В те дни, когда болел и скончался Саба, Вахтанг все еще находился в Астрахани, которую он покинул только 2 февраля 1725 года.

Несколько слов о судьбе спутников Сулхана-Саба.

Как мы знаем, в Россию Саба сопровождали преданные ему слуги — дворяне Димитрий и Титэ Каргаретели. Когда-то в молодости они покинули Месхети вместе с Тамар, будущей женой Сулхана, дочерью атабага, и были по обычаям того времени, так сказать, включены в состав приданого невесты. В выданной им Вахтангом VI в 1726 году грамоте сказано: «Каргаретели Димитрий и Титэ усердно послужили [Саба], и за эту службу мы вас весьма благодарим и утверждаем за вами пожалованную [Сулханом] деревню Шошилети».

Из фондов московского Архива древних документов видно, что после смерти Саба Каргаретели перешли к его брату — митрополиту Николаю, а после смерти последнего стали слугами второго брата Саба — поэта Димитрия Орбелиани. Затем они вместе с Давидом Гурамишвили вступили в роту грузинских гусар.

После переселения грузин на Украину упомянутые «Каргалетовы» получают поместья в селе Великое Будище и поселяются там навеки.

* * *

Где же все-таки искать могилу Сулхана-Саба? Очевидно, в склепе или в ограде Всехсвятской церкви. В записи сказано: «Погребен там же в церкви». Однако церковь во Всехсвятском была воздвигнута «иждивением» царевны Дареджан уже после смерти Саба на том месте, где стояла полуразрушенная и запущенная церковь князей Милославских. Поскольку во Всехсвятском других храмов не было, очевидно,

Саба был погребен в склепе старинной церкви, там, где в тридцатых годах XVIII столетия был построен храм, стоящий и поныне¹.

Таким образом, место последнего упокоения Саба оказалось под указанной церковью в селе Всехсвятском, в ограде которой погребены поэты Мамука Бараташвили — грузинский Буало, первый грузинский драматург Георгий Авалишвили (умер в 1850 году), поэт Димитрий Багратиони, Димитрий Цицишвили и другие.

Свою беспокойную жизнь Сулхан-Саба Орбелиани посвятил всю до последнего вздоха делу объединения и возрождения родины. Он подвергался тяжким преследованиям со стороны современного ему общества, которое мстило мыслителю за его политические и литературные взгляды. И, как Данте Алигьери, ему пришлось испытать «горечь чужого хлеба».

Он много ездил по свету, видел Испагань, Рим, Париж, Стамбул и Москву — политические центры тогдашнего мира — и нашел место последнего упокоения в московской земле, рядом со своим воспитателем и другом Арчилом, с которым его связывали годы отрочества и юности...

¹ Неподалеку от нынешней станции метро «Сокол».

«МУДРОСТЬ ВЫМЫСЛА»

Эта книга Орбелиани поистине достойна бессмертия. Мало того: триста лет спустя после рождения ее автора и двести тридцать три после его смерти она как бы переживает вторую свою молодость. Не говоря уже о грузинских изданиях, книга о «Мудрости вымысла» вышла в больших тиражах на русском языке, на языках народов СССР, а также на польском, венгерском, английском, немецком и переводится на чешский.

Как замысел, так и построение «Мудрости вымысла» чрезвычайно своеобразны. В книге сюжетно объединены басни, параболы, анекдоты, которые рассказывают друг другу царь Финез, визирь Седрак, евнух Рукха, царевич Джумбер и его воспитатель Леон.

Этот авторский замысел обусловил не менее своеобразную композицию произведения, которое является одновременно и повестью и сборником басен. Автор мастерски связывает между собой отдельные звенья, приводя их к органическому единству. Основные текстуальные части «Мудрости вымысла» являются как бы художественными иллюстрациями к тем или иным положениям автора. И в то же время они приобретают вполне самостоятельное идейно-художественное значение.

«Мудрость вымысла» — аллегорическое произведение. И, хотя действующими лицами отдельных звеньев являются не только люди, но и представители животного мира (как это принято в баснях), читателю ясно, что и в этих случаях речь идет о людях, о представителях различных классов, слоев и прослоек, об их общественных интересах, о характерных чертах их быта.

Содержание творения Сулхана-Саба Орбелиани таково. У царя Финеза были мудрый визирь Седрак и преданный евнух Рукха. Царь бездетен, и это его тяжело печалит. Однажды Финез роздал нищим щедрую милостыню, дабы они молили бога о даровании ему сына.

Прошло некоторое время, и у царя родился сын, которого назвали Джумбером. Финез долго подыскивал достойного воспитателя и наконец

решил поручить это важное дело мудрому Леону, что очень огорчило Рукху.

Леон не сразу согласился на предложение Финеза. Он дальновидно указал царю, как трудно будет незнатному человеку справиться с происками и наветами придворных, если последние почему-либо задушают его погубить. После долгих споров царю все же удалось уговорить Леона, однако тот поставил неременное условие: пусть царь даст ему клятвенную запись, что не казнит Леона без суда, если в самом деле придворные возведут на него какую-нибудь напраслину.

Выстроив себе дворец, Леон принялся за воспитание царевича. Финезу он в ту пору почти не показывал сына, а сам чрезвычайно сурово обращался с Джумбером, считая необходимым, чтобы будущий властитель на собственном опыте познал, как живет бедным и подневольным людям.

Однажды наставник пировал в течение трех суток, а Джумбера заставил прислуживать, не давая ему при этом ни пить, ни есть. Царевич от долгого стояния и голода ослабел и свалился без чувств. В другой раз Леон сам сел на коня, а Джумберу посадил ястреба на руку и заставил до вечера гоняться за ястребом и за птицами, которых тот подымал. На следующий день поручил ему гончих и снова заставил бегать по горам и холмам. Юноша выбился из сил, кровью обгарили его израненные ноги.

Прошло еще сколько-то времени, и вдруг Леон без всякого повода разгневался на царевича и жестоко избил его, дав пятьдесят палочных ударов. Узнал обо всем этом евнух Рукха и донес царю. Разгневался Финез и в порыве негодования решил, как и предвидел Леон, предать его казни, но последний напомнил царю о клятве и потребовал суда. Когда гнев Финеза улегся, Леон объяснил ему свое поведение в следующих словах:

«...Пусть ваше величество скажет, кем вам угодно воспитать своего сына — царем или пастухом? Есть много пастухов, которые лучше плохих царей. Пастух должен заботиться об овцах — пасти их там, где сочнее трава, спокойно, не отягчая, водить их, перевязывать раны и охранять от хищников. Если он не сделает всего этого, стадо его уменьшится. Таким же должен быть и царь: он окружен нищими, рабами, крестьянами, дворянами, князьями, вельможами и повелителями — ему надлежит знать их обычаи, порядки, занятия, труды, горести, заботы, торговлю, еду и питье, дары и плату.

Если бы твоему сыну не пришлось так долго простоять на ногах, как узнал бы он о горестях рабов, слуг и виночерпиев — труд, выпадающий на долю тех, кто стоит? Царь обычно сидит. Пожелает — встанет, а нет — сядет. Как знать ему, что такое труд слуг, как знать, что они ради него переносят? День-деньской они стоят и терпят.

Если он не испытает голода, откуда ему знать, как голодают нищие и немощные или как другие терпят недостаток в пище? Ведь он-то каждый день ест и пьет все, что найдется в стране лучшего, и не голодает.

Пословица гласит: «Сытый крошил хлеб голодному и укорял — зачем ест, как свинья». Если бы твой сын не испытал, каково ходить пешком, да еще босым, как мог бы он понять труд сокольников, вестников и скороходов? Откуда ему взять сострадание, чтобы пожалеть их? Сам же он ездит на скакуне или иноходце или сидит в колеснице.

Если бы он не узнал горечи палочных ударов, то, разгневавшись на своих слуг и отпустив им сто или двести ударов — одним больше, другим меньше, — считал бы это ничтожным наказанием. Но я научил его понимать скорби всех убогих, немощных и простых людей, а теперь рассудите и вы, чему еще следует его выучить?»

Финезу понравилась речь Леона, и, признав свою неправоту, царь осыпал его почестями, чтобы смягчить обиду, но не столь легко было утихомирить злобного евнуха.

Между Рукхой и Леоном разгорается спор, который ведется притчами и краткими послесловиями к ним. Леона берут под защиту и Седрак, и царь, и Джумбер. Речь идет об основах жизни, о практической морали, о борьбе добра и зла. Рукха, ссылаясь на свой и окружающих опыт, утверждает, будто зло в мире всегда побеждает. «Исстари говорится, — кидает он Леону, — никто не воздаст добром за добро, за добро всегда платят злом». Леон возражает притчей о доброй змее и спрашивает евнуха: «Каком ты сам, о Рукха, такова и змея, о которой ты рассказывал, а на самом деле разве воздаст кто-нибудь злом за добро?!»

Финез решил все же проверить, чему научил Леон царевича. Джумбер блистательно выдержал испытание, и царь, пораженный глубиной его суждений, уступает сыну престол.

Спор между Леоном и Рукхой становится все более страстным, но Финез прерывает его, обращаясь к Леону: «Давно уже хотелось мне расспросить тебя о твоей жизни... Расскажи мне все».

Начинается новая серия рассказов, частично иронических, шуточных или приключенческих, частично философских и нравственно-поучительных...

Заканчивается повесть предостережением царя, обеспокоенного разгоревшейся на его глазах враждой между приближенными. «О Седрак, — говорит Финез своему визирю, — меня тоже очень тревожит ваша упорная неприязнь друг к другу, и, думаю, никому из нас не избежать из-за нее беды: ни тебе, ни мне, ни другим. Послушайтесь меня, перестаньте укорять друг друга и кончайте на этом беседу».

Такая несложная внешняя канва объединяет разнообразнейшие басни, притчи, сказки и сентенции, рассказанные друг другу названными лицами.

Произведение Сулхана-Саба в первую очередь является яркой политической сатирой. Автор живо и пронизательно откликается на общественные события своего времени, и в этом отношении книга «Мудрость вымысла» представляет собой замечательный памятник общественно-просветительного движения. В сборнике ясно видны тенденции, выраженные в иронических замечаниях о царях, феодалах, мдиванбегах и других представителях власти.

Сулхан-Саба не щадит никого, начиная с царя и кончая простоватым сельским десятником. Он смело выступает против современных ему нравов. Вспомним, например, иронические слова лисы о правовых отношениях того времени. «Лев, царь зверей, назначил меня верховным судьей» («Человек и змея»).

Конечно, это саркастическое замечание приобретает особую цену, если вспомнить, что сложил его не кто иной, как родственник и наследник верховного судьи — мдиванбега. Или же высказывание о царях: «Есть много пастухов, которые лучше плохих царей». Жадным, эгоистичным и жестоким царям противопоставлены простые люди, честные и человеческие выходцы из народа.

Не только рядовым представителям правящих кругов, но и царям приходится склонять голову перед их мудростью и справедливостью («Царь и живописец», «Дук и дворянин из Бечи», «Бугданский вельможа» и др.). Нетрудно заметить, что все симпатии автора на стороне этих простодушных и морально чистых людей. Он без колебаний ставит их намного выше неразумных и невежественных монархов.

Не проходит Сулхан-Саба Орбелиани и мимо социального неравенства, таящего в себе столько зла.

Сатирическое перо баснописца не щадит ни коварных и лживых царедворцев, ни жадных стяжателей-купцов, ни взяточников-судей, ни вероломных посредников, ябедников, лжесвидетелей, клеветников, ни гордых и глупых евнухов, ни мелких сельских управителей (старшин, десятников).

Басня за басней, притча за притчей автор откровенно и резко выступает против господствующей морали. В то же время в произведении отражена и современная ему эпоха — бурное время падения нравов и политических потрясений.

Сулхан-Саба, как государственный деятель и активный участник политической борьбы, дает многостороннее отражение эпохи не только в сатирических зарисовках, но и в обобщениях. Много внимания отдает он проблеме воспитания младшего поколения. Создавая свою книгу в ту пору, когда сам он был воспитателем царевича, Саба, естественно,

придал ей дидактически-воспитательный характер. «Возможно ли искоренить развращающее общество пороки?» — как бы спрашивает автор. И сам же отвечает: «Да, возможно, и путь к этому лежит через просвещение». Вот почему так горячо ратует Саба за всестороннее духовное и физическое развитие молодежи.

Устами Леона — воспитателя царевича Джумбера и ярого сторонника именно такой системы воспитания — Сулхан-Саба осуждает изнеженность и баловство, притупляющие умственные способности подростка, делающие его эгоистичным, безвольным и бессердечным. По мнению Саба, надо пройти суровую жизненную школу простого труженика, без чего невозможно стать полноценным человеком, любящим свой народ и заботящимся о его благе.

Его идеалом является сильное монархическое государство, управляемое просвещенным и гуманным царем. Поэтому-то так резко выступает автор книги «Мудрость вымысла» против партикуляризма княжеско-дворянского сословия, против междоусобиц, характерных для феодализма. Можно сломать одну стрелу, поучает Саба, но целую связку стрел нельзя и согнуть. Ведь «сила — в единении».

Дидактический сборник Саба — порождение эпохи; он целиком направлен против общества, которое уже достаточно разложилось, чтобы ясно стало, какого оно заслуживает приговора. Книга «Мудрость вымысла» — острое жало, беспощадно вонзающееся в язвы больного общественного организма. И все же автор этой обличительной книги не впадает в пессимизм. Для него характерна большая любовь к человеку, к природе.

Через все произведение Сулхана-Саба проходит золотой нитью идея победы добра над злом. Глубокую веру в силу добродетели, веру в возможность устройства разумной, счастливой жизни Саба противопоставляет нигилизму физически и нравственно искаленного евнуха. Саба не только любит человека, но и верит в него и его силы. Горячий патриот, он смело выступает против сепаратистов-феодалов, защищает единство нации.

Книга «Мудрость вымысла» по свободной трактовке теневых сторон жизни — явно антирелигиозное произведение, блестящий сатирический памфлет. Как мощное боевое оружие, направленное против реакционных тенденций, книга Саба является уникальным проявлением пытливой мысли далекого XVII века.

Сколько яда и иронии скрыто в баснях, обличающих знать и дворянство, церковь и духовенство! Осуждая их, Сулхан прибегает к аллегориям. Грузинское духовенство он выводит в магометанской одежде. Выжившие из ума, одряхлевшие, тупые и блудливые взяточники-кадии, коварные муллы — под их личинами выведены на суд поколений представители грузинской церкви.

Разве не являются, например, пародией на непроходимое ханжество духовенства лживые слова лиса: «Всю свою жизнь провел я в грехе, а теперь взялся за ум, отрекся от мира, постригся в монахи и хочу пойти в Иерусалим». Сатирическое жало Сулхана не знает пощады: «Чем злой мулла лучше свиньи?» — вопрошает он. А чего стоит разоблачение Садра: «Человек такой достойный и святой, что весь народ держится его молитвами... и по слову его бывает дождь и урожай... Вот он — вор, разоривший этот город!» Или обращение нищего к богу: «Поистине ты полон милосердия, но ничего не даешь человеку, пока не заставишь его заплатить своей кровью».

Легко себе представить, какие негодующие отклики должен был вызвать саркастический тон этих замечаний в монастырско-схоластических кругах. Несмотря на преследования, которым раньше или позже должна была подвергнуться книга «Мудрость вымысла», она стала одной из популярнейших книг грузинской общественности XVIII века.

К тому же книга эта — подлинно художественное произведение, написанное простым, ясным, разговорным языком. Сулхан-Саба Орбелиани не только черпал творческий материал (например, сюжеты) из сокровищницы народной поэзии, но и учился меткому, образному народному языку. Сознательно отказавшись от искусственной церковно-книжной традиции, он внес неоценимый вклад в развитие и утверждение новогрузинского литературного языка.

Таково бессмертное творение большого просветителя и гуманиста Сулхана-Саба Орбелиани, о котором великий пролетарский писатель М. Горький рассказывал следующее: «В юности, когда я ненасытно читал все книги, какие попадали в руки мои, я заметил на ларьке старьевщика одну, растрепанную, в скучной серой обложке, в рыжих пятнах сырости, сквозь пятна проступали черные, значительные слова титула: «Книга мудрости и лжи».

Хотя денег у меня не было, но я приобрел эту книгу в собственность...

«Книга мудрости» оказалась сборником грузинских сказок, читать ее было скучно, и я не нашел в ней ничего, что осталось бы в памяти моей.

Несколько месяцев тому назад эта книга снова попала в руки мне. Ее составил Савва Сулхан Орбелиани, напечатана в Петербурге, в 1878 году, по распоряжению факультета восточных языков. Прочитал я ее с наслаждением, и вот самое мудрое, что нашел в ней:

«Визирь рассказал царю о рае и много врал, преувеличивая *действительную* красоту его».

Представляю все, что могут сказать люди здравого смысла о визире и как они ловко обратят выписанную мною цитату против меня, против этой статьи!

А все-таки восхищает меня мудрая дерзость визиря, преувеличивающего «действительную» красоту несуществующего! Это меня гораздо более восхищает, чем преувеличенные описания действительного ада, со-
зданного на земле дружными усилиями различных людей.

Именно вот этой безумнейшей дерзостью человека, силою воображения, интуиции осуществлено все то, чего не было на земле,— чудеса науки, волшебство искусства, все, чем великий Муж Земли может гордиться.

И этой же дерзостью воображения, интуиции, упорной, неутомимой работой осуществится все то, чего нет еще, но что будет, если хорошо пожелать.

Человек уже тысячи раз доказал, что он может быть тем, каким хочет быть»¹.

* * *

Сопоставляя книгу «Мудрость вымысла» с «Панчатантрой», «Гитопадешем», Анвари Сохаили, «Тысяча и одной ночью», «Мхитар Гоши» и «Тути-намэ» (сборником басен), проф. А. Цагарели высказал убеждение, что книга «Мудрость вымысла» отнюдь не является ни переводом, ни подражанием, ни частичным, сколько-нибудь значительным заимствованием одной из выше перечисленных. Это подлинно национальное грузинское произведение.

По мнению А. Цагарели, план книги принадлежит ее автору, а большинство басен, сказок, анекдотов было заимствовано из сокровищницы народного творчества. Что же касается текстов, в той или другой степени совпадающих с иностранными баснями, то они, возможно, и были кем-то когда-то заимствованы; но заимствование это относится к тому периоду, когда басни, притчи, сказки переходили от одного народа к другому благодаря военным связям и торговым отношениям. «Это видно, между прочим, по тому,— продолжает Цагарели,— что многие рассказы, в которых приводятся чуждые данному народу имена собственные или географические, все же обставлены подробностями туземными и носят местный колорит, они, так сказать, «грузинизированы», следовательно, должны были жить в народе столько времени, чтобы народ успел их переделать, претворить» (см. «Книга мудрости и лжи», Спб., 1878, стр. XII).

Проф. К. Кекелидзе, разделяя частично это мнение, не до конца согласен с Цагарели, полностью отрицавшим факт литературного влияния на книгу Орбелиани. «Ни одна из басен Саба,— пишет К. Кекелидзе,— не является выдуманной им. Большей частью они заимствованы

¹ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 24, М., Гослитиздат, 1953, стр. 283—284.

из недр народа, и только некоторые взяты из иностранных сборников и в той или иной степени переделаны Сулханом».

Мнение о литературных влияниях на автора «Мудрости вымысла» разделял и А. Хаханашвили: «В книге Орбелиани имеются следы кочующих басен. Это обстоятельство объясняется как изучением «Калилы и Димны», так и знакомством с творчеством Лафонтена. Возможно, что Орбелиани, принимавший близкое участие в переводе «Калилы и Димны», знакомый с французским баснописцем, вознамерился составить собственный сборник басен и загадок. Этим объясняется тот факт, что в книге «Мудрости и лжи» высказывается много обычных мнений, разрабатываются известные сюжеты, кочующие с Востока на Запад. Несколько басен взято из народных сказок. Общий план и главная мысль, несомненно, принадлежат самому Саба-Сулхану Орбелиани».

Сомневался в оригинальности «Мудрости вымысла» и Н. Марр. «Существующее до сих пор мнение, — писал он, — будто если не все, то по крайней мере значительная часть басен, сказок, анекдотов, вошедших в... «Мудрость», «заимствована из уст грузинского народа», еще не может считаться окончательным. Факт распространенности их теперь «во всех закоулках Грузии» сам по себе еще ничего не доказывает».

Говоря о факте литературного влияния на книгу «Мудрость вымысла», проф. К. Кекелидзе приводит список тех басен, которые находят аналогию среди иностранных басен:

1. Басня «Скупой богач» как по основным мотивам, так и по деталям напоминает басню из «Тысячи и одной ночи».

2. Основной мотив «Строителей деревни» взят из эзоповской басни под тем же заглавием и отличается только деталями.

3. Басня «Раненный языком» заимствована из «Панчатантры».

4. Басня «Богач перс» — переделка седьмой басни «Дидвезириани»: «Об одном государе, который имел прекрасную возлюбленную, а женившись на царице, — прогнал ее».

5. Басня «Волк в кузницах» — слегка переделанная басня Эзопа.

6. У Эзопа же заимствована басня «Скупец и золото».

7. Басня «Осел и тигр» находит параллель в «Панчатантре».

8. «Черепашка и скорпион» встречается в «Калиле и Димне», в «Панчатантре» и также в сборнике Эзопа.

9. «Лисица и журавль» ведет начало от Эзопа.

10. Басня «Заживо погребенный и великаны» находит параллель в «Тысяче и одной ночи».

11. Басня «Человек и змея» встречается в «Калиле и Димне», «Панчатантре» и в сборнике Эзопа.

12. Басня «Бедняк и горшок с маслом» находит параллель в «Гитопадеше» и чрезвычайно распространена в Грузии.

13. «Осел, сорока и волк» берет начало у Эзопа.

Со своей стороны, мы могли бы добавить еще много басен, параллели которым можно установить как у восточных, так и у западноевропейских авторов. Например, к басням «Лис-исповедник», «Воля господня», «Итальянские живописцы», «Человек и змея», «Утка и лягушка», «Волк и осел» можно найти параллели в армянских притчах Вардана; басни «Два муллы», «Мулла и кабан» и др. напоминают анекдоты прославленного на Востоке муллы Насреддина, а «Дук и дворянин из Бечи» отдельными эпизодами напоминают историю об Иосифе Прекрасном и т. д.

Влиянием арабско-персидских «Лечебников» характеризуется цикл «Десять ученых врачей».

Можно было бы привести еще немало примеров, но, сколько бы их ни оказалось, это вовсе не означает, что Сулхан-Саба Орбелиани обязательно должен был заимствовать сюжеты из указанных источников.

Возьмем, например, известную басню Орбелиани «Заживо погребенный и великаны». Сюжет и отдельные эпизоды из этой басни можно встретить, во-первых, в грузинской изустной литературе, а также в сборнике «Тысяча и одна ночь», в «Путешествии Гулливера», автором которого является современник Сулхана Джонатан Свифт, и, наконец, в «Пантагрюэле» Рабле.

Кто же создал сюжет этого творения? Неужели этот сюжет проник в грузинскую устную словесность и в произведение Свифта из сказок «Тысячи и одной ночи»?

Или возьмем, к примеру, басню «Ворона-вещунья» и сходную с нею новеллу Боккаччо. Тот же сюжет встречается в грузинской сказке. Откуда же заимствовал его Орбелиани? Разумеется, только из грузинского сказания.

Приведем еще один пример. Будучи в Италии, Саба увидел своеобразное каменное изваяние и даже записал легенду, связанную с ним. Вот эта легенда.

Был некий идол, которого называли богом справедливости. То была большая каменная голова человека с открытым ртом. Желая доказать свою правоту должен был сунуть руку в рот идола. Если он лгал, идол сжимал ее своими каменными челюстями...

Некий муж заподозрил в измене свою жену, которая действительно вела себя недостойно. Женщина упорствовала, отвергая все обвинения. Тогда муж предложил ей сунуть руку в рот идола. Что было делать женщине? Она обещала выполнить его желание через два дня. Встретившись с любовником, неверная жена сказала: «Мой муж привязался ко мне, хочет отвести к богу справедливости. Если я вложу руку в его уста, он обязательно ее раздробит. Как же мне быть?» Любовник ответил: «Не беспокойся, дорогая. Я наряжусь нищим, прикинусь сумасшедшим и, как бы нечаянно встретив тебя на дороге, поцелую. Когда ты

предстанешь перед богом справедливости, скажи мужу следующее: «Ты же видел сумасшедшего, который меня поцеловал. Так вот, если кроме тебя и его кто-нибудь целовал меня, пусть божество лишит меня руки». Вот ты и спасешься».

Женщина послушалась. И с тех пор идол уже никому не был страшен.

Такая же легенда встречается в сборнике «Тимсариани»: басня о злой женщине.

Чем же объяснить этот факт?

Неужели разные народы заимствовали одинаковые сюжеты, пользуясь только литературными источниками? Очевидно, если такие взаимодействия существуют в действительности, «бродячие сюжеты» заимствуются не из книг, а из устной народной поэзии, начиная с древнейших времен, когда письменность еще не существовала.

Именно так объясняются аналогии, встречающиеся у Рабле, Боккаччо, Свифта, Лафонтена, которые, так же как и Сулхан-Саба Орбелиани, черпали сюжеты из единого истока — первоначального корня народного сказания.

Поэтому-то мы и встречаем одинаковые мотивы у разных народов.

Но, говоря о влиянии устной словесности на сюжеты литературных произведений, мы не должны понимать это ограниченно.

Сравнительный метод, к которому обращаются и поныне, явно устарел. Одностронней и преувеличенной является также теория восточного, и в частности индийского, влияния на европейский фольклор.

Особенно заметно это при анализе басен Сулхана-Саба Орбелиани. Правда, мы встречаем в них удивительные совпадения и параллели, но это еще не значит, что те или другие басни Саба обязательно заимствованы из эпоса какого-нибудь народа. Эти повторения имеют место не потому, что они являются отражением идейного прототипа, который разные народы принесли из своей первоначальной родины, а потому, что они могут расти и развиваться так же, как развиваются высшие организмы из низших. Совершенно излишне в поисках этих высших организмов покидать территорию того народа, литературу которого мы изучаем. В свою очередь каждая сюжетная схема не является монолитной, она легко расчленяется на множество элементов, которые бытуют в иной связи, независимо друг от друга.

Таким образом, мы имеем здесь дело с кочующими, голыми сюжетами и мотивами, которые, упав на ту или другую почву, развиваются, воплощаются, растут, созревают, приобретают местный, национальный колорит и становятся достоянием данного народа.

Когда же мы говорим о факте литературного заимствования, то кроме сходства или совпадения сюжетной схемы и отдельных мотивов неизбежно должно существовать тождество конкретных деталей, совпадение

в расположении мотивов, составляющих сюжет, тождество в характере мелочей, чего пока не обнаружено в сборнике басен Саба по сравнению с иностранными сборниками.

Мы полагаем, что вопрос об оригинальности книги «Мудрость вымысла» будет решен более определенно после основательного изучения народного творчества грузинского народа.

Несмотря на все сказанное, мы все же не склонны полностью отрицать факт литературного влияния на книгу «Мудрость вымысла», тем более что книга эта создана автором исключительно высокой культуры, который помимо восточной литературы, конечно, был начитан и в европейской литературе. В данном случае можно говорить только о сборнике восточных моралистов, византийском «Тестаменте», и частично сослаться на Эзопа, так как все эти произведения были хорошо известны в грузинских просвещенных кругах еще в средние века.

Следует особо отметить и грузинские литературные влияния на отдельные звенья книги «Мудрость вымысла». Например, басня «Самое сладкое и самое горькое» написана под влиянием грузинского стихотворения, приписываемого Теймуразу I, — «Язык», а «Два охотника» напоминают басню из поэмы Руставели:

Молвит витязь: «Это слово мне напомнило о том,
Как откуда-то куда-то шли два путника вдвоем.
Задний видит, как передний вдруг сорвался в водоем,
Подбежав к колодцу, плачет он о спутнике своем.
Молвит бедному: «О спутник, там останься, жди меня»,
Тот в колодце рассмеялся и кричит, судьбу кляня:
«Если б даже и не ждал я, то куда бежал бы я?»

(Перевод Ш. Нуцубидзе)

Основные моменты сборника притч Орбелиани также напоминают эпизоды из «Витязя в тигровой шкуре». При широком изучении данного вопроса можно было бы умножить число подобных литературных параллелей. Но главное — основной материал книги «Мудрость вымысла», как уже говорилось, связан с грузинским народным творчеством (грузинскими сказками, грузинским животным эпосом, мифами, поговорками, анекдотами, фаблю, загадками, сказаниями и остроумными высказываниями того времени). Все это иногда с поразительной точностью, иногда только мотивами, деталями, эпизодами или скрещением основных черт весьма напоминает басни Орбелиани¹.

¹ Изучая материалы, связанные с жизнью и творчеством Сулхана-Саба Орбелиани, мы записали в селе Горовани две басни, которые имеют очень близкое сходство с баснями Саба: «Царь басров и врач», «Неловкий цирюльник». Интересно, что повторением последней басни является анекдот, рассказываемый придворным шутом карабахского хана Пулулугом (1731—1810) (см. «Кавказский вестник», 1901, № 12).

В той же деревне я слышал следующий рассказ: «К местному жителю Куку Урташвили привязались каджи (злые духи), которые будто бы обитали в ущелье Бог-

В баснях Сулхана-Саба Орбелиани легко найти характерные черты грузинских сказок (народные вариации характеров героев грузинских сказок).

Орбелиани так же, как и классические писатели, не придумывал собственных сюжетов. «Морализирующая аллегория по своей природе — весьма примитивная и наивная форма. Индивидуальная мысль почти так же бессильна создать сюжет для басни, как и для нашей эпопеи; эта символическая форма становится понятной и живой только в том случае, когда она берется из народных истоков или носит отпечаток давнего предания, тогда все странности или возможности становятся сопрячаемыми правде, символы кажутся полными смысла и представляются вылитыми по мерке реальных предметов. Все выдумки и комбинации будут только ложны и сухи» (Лансон, История французской литературы).

Но под могучим пером Орбелиани грузинские сказки подверглись серьезной редакторской обработке. Традиционные фабулы Саба оживил своей острой мыслью, наблюдениями, опытом — в соответствии со вкусами и настроениями эпохи.

Одновременно следует указать, что большинство басен книги «Мудрость вымысла», точно так же как прекрасные стихи «Витязя в тигровой шкуре», «Амиран-Дареджаниани», «Ростомиани» и др., давно уже стали подлинно народным достоянием.

Что же касается вопроса о создании басен и сюжетов самим Орбелиани, то вряд ли кто скажет, что он не внес своего вклада в литературу.

В стилистическом отношении на книге «Мудрость вымысла» сильнее всего сказалось влияние «Висрамиани». До известной степени это можно сказать и о поэме «Витязь в тигровой шкуре». Вообще же корни «Мудрости» таятся в благодатной почве грузинской художественной прозы. Те немалочисленные сравнения, метафоры, эпитеты, которые

ри. Несколько раз сталкивался с ними Урташвили и побеждал их и даже отнял у них веревку». Этот рассказ очень напоминает басню из книги «Мудрость вымысла» — «Человек, взявший в плен каждей».

В 1927 г. в селении Патардзеули от Марфы Зукакишвили я слышал сказки, которые весьма напоминают басни Орбелиани «Джизи-Гурген», «Житель полунощной страны и каджи» и др.

Здесь же в 1922 г. я услышал от Гаяне Элердашвили сказки, совпадающие по сюжету с баснями «Царь басров и врач» и «Богач и наследник-пропойца».

В 70-х гг. прошлого столетия А. Цагарели слышал о любопытной редакции книги «Мудрость вымысла». «Мне говорили в бытность мою в Грузии летом 1877 года, что существует старинный рукописный сборник басен, сказок, анекдотов и пр., приписываемый также С.-С. Орбелиани и заключающий в себе будто бы те же рассказы, которые вошли в состав «Книги мудрости и лжи», только в незаконченном и необработанном виде. Притом они будто бы не связаны общему повествовательной фабулой, как это имеет место в известном нам сборнике. К сожалению, мне не удалось еще видеть этого интересного сборника», — писал Цагарели в 1879 г. (см. «Книгу мудрости и лжи», Спб., 1878, стр. VIII).

встречаются в сборнике Саба, по существу, выросли на почве грузинских творений. Пользуясь всем богатством народной грузинской поэзии, он вводит в свое произведение ее мудрую простоту — излагает глубочайшие мысли в изящной, простой форме.

Книга «Мудрость вымысла» — грандиозное достижение грузинского художественного слова. Подобного прозаического произведения по чистоте, богатству и яркости классического языка, лаконизму, лапидарности, по прекрасной простоте подлинной жизненности и остроте мы почти не имеем в грузинской литературе XVII—XVIII веков. В этом отношении с творением Сулхана-Саба Орбелиани можно сравнить разве только такие шедевры древнегрузинской прозы, как «Житие св. Шушаники» (V век), «Житие Григория Хандзтели» и «Висрамиани».

* * *

По мнению первого комментатора книги «Мудрость вымысла» — А. Цагарели, Саба, видимо, создал свое монументальное произведение в последние годы жизни, после возвращения из Европы, что, по мнению ученого, подтверждается некоторыми местами этого сборника, где неоднократно можно встретить европейские названия и представления — дук, грандук, магистр, Рим, Франция, Константинополь, алхимия, хотя, конечно, знать о них Сулхан-Саба должен был и до путешествия. Таковы же и его рассказы об итальянских художниках.

Наконец, вся книга в целом, по мнению А. Цагарели, производит впечатление созданной человеком, который перенес много горя и достаточно умудрен опытом. Как язык, так и тон книги показывают, что автор — весьма опытный писатель.

Что же касается монашества, говорит А. Цагарели, то оно не могло бы помешать созданию книги «Мудрость вымысла», поскольку, когда Саба уже перевалило за пятьдесят лет, то есть не ранее 1719 года, он переводил стихи Анвари Сохаили («Калила и Димна»), которые по своему общему характеру и содержанию ничем не отличаются от «Мудрости».

Таким образом, если согласиться с мнением А. Цагарели, книга «Мудрость вымысла» была написана в старости, после возвращения Саба из Европы. То же мнение разделяли Н. Марр и А. Хаханавили.

Даже если закрыть глаза на такое красноречивое свидетельство, как заглавие произведения, где ясно сказано, что Саба написал книгу «Мудрость вымысла» в юности, на которое мы опираемся при датировании ее, все же нельзя признать правильным мнение вышеупомянутых авторов. Разве не следует считать совершенно естественным, что такой образованный человек, как Сулхан-Саба, долгое время поддерживавший близкие связи с европейцами, знал вышеприведенные чужестранные сло-

ва и улавливал некоторые характерные черты итальянского или французского быта. И почему обязательно по этому случаю думать о престарелом возрасте автора? Разве такую ответственную работу, как «Словарь» в своем первоначальном объеме, Саба не закончил в молодости (1685)?

По представлениям А. Цагарели, монашество не могло бы помешать Саба создать книгу о «Мудрости вымысла», тем более что, будучи монахом, он перевел произведение светского характера — «Калила и Димна». Но Цагарели забывает, что Саба обрабатывал «Калилу и Димну» по желанию царя Вахтанга, на что сам Саба недвусмысленно жалуется в предисловии: «После приказа царя отказаться было невозможно, хотя монаху такое дело и не подобает». В словах Саба ясно видно традиционное воззрение грузинского духовенства на светскую поэзию. Цагарели забывает именно тот принципиальный антагонизм, существовавший между светскими и духовными писателями, ту беспощадную жестокость, с какой церковь коверкала и вытесняла светскую литературу. Любопытно, что духовенство называло произведения светского характера «языческими», а светских писателей — «людьми чуждыми», «сказочниками». Сам Руставели, по мнению духовенства, был «сказителем дурных стихов, который научил грузин... порочить христианство».

Известны клерикальные воззрения светских поэтов эпохи Саба на светскую литературу. Они единогласно признавали превосходство духовной поэзии: «Как звезды от яхонтов, как тьма от света и как тернии среди роз — так отличаются светские писания от божественных» (Мамука Бараташвили). А если они сами и создают произведения светского характера, то предаются при этом покаянию и страдают от угрызений совести. Разве можно допустить, чтобы подлинный христианин, монах Саба, да еще на старости лет, в суровые дни гонений мог создать произведение такого вольного содержания, как книга «Мудрость вымысла»?

Для точной датировки бессмертного творения Саба важно название ее древних списков: книга о «Мудрости вымысла», сложенная Саба-Сулханом Орбелиани в годы юности». Поскольку это заглавие сохранилось во многих рукописях, мы полагаем, что оно совпадает с оригиналом произведения и существовало при жизни самого Сулхана-Саба.

В этом заглавии прямо сказано, что сборник басен Сулхана «составлен в юности». По разъяснению самого Сулхана-Саба, годами юности считается возраст от двадцати до тридцати лет, а поскольку Саба родился в 1658 году, можно признать, что «Мудрость вымысла» была создана в 1678—1688 годах.

Во всяком случае, создание ее относится к 80-м годам XVII века. Это именно те годы, когда Сулхан был воспитателем царевича Вахтанга. Об этом лишний раз свидетельствует и поучительный характер книги.

Литературная деятельность Сулхана-Саба делится на два периода. Первый период характеризуется резко выраженным светским направлением. К этому периоду относятся книга «Мудрость вымысла», «Словарь» и мелкие стихи, большинство которых до нас не дошло¹.

Общеизвестна огромная языковедческая, лексикографическая работа Саба.

«Если кто-либо из вас захочет прочесть эту книгу, то она даст ему столько же, сколько книга Руставели». Такого высокого мнения была древнегрузинская общественность о «Словаре» Саба.

Что же касается поэзии Сулхана-Саба, то она в свое время оценивалась достаточно высоко: «Прекрасный поэт, прославленный и подобный древним стихотворцам».

Даже ярый противник Саба, католикос Антоний, был высокого мнения о светском поэтическом творчестве Саба:

Она прекрасна, светская, прославленная поэзия,
Которую в мире сочинял Сулхан-Саба.

Но венцом художественного творчества Сулхана-Саба Орбелиани была и остается книга о «Мудрости вымысла». Она является высоким созданием свободной мысли, уникальным творением литературы «эпохи обновления». И, наконец, мы не преувеличим, сказав, что книга эта является катехизисом грузинского остроумия. Она — воистину народная книга, органически вошедшая в быт грузинского народа.

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

¹ В 1888 г. в газете «Иверия» (№ 175) было опубликовано следующее сообщение: «Несколько лет назад в Тбилиси обнаружена весьма интересная рукописная книга — сборник сказок, а именно «Сундук учения» Саба-Сулхана Орбелиани. Это сочинение до сих пор оставалось совершенно неизвестным в грузинской литературе. Сборник содержит 172 маленькие сказки. Один экземпляр этой книги в 1872 г. был прислан в Тбилиси, в редакцию журнала «Кребули». После закрытия этого журнала рукопись была утеряна. В 1883 г. она вновь была обнаружена и сейчас находится у г-на М. Насидзе».

Մըծրօտե Յեւեւեւեւ

Жил некогда царь, деяний которого никто даже вообразить не в силах; он скопил в сердце своем добротой и благотворением столько милосердия, что и сам не мог его измерить. Пылкость и жестокость своего гневливого сердца он умерял благостным дуновением богобоязненности, щедростью утолял жар лучше, чем облака, несущие влагу; обильнее дождя, падающего с небес, были дары, которыми он награждал людей.

Страх и трепет перед ним охватили все страны мира, страшнее грома казался он людям, но милость его и ласка были пленительнее и сладостнее, чем сосцы матери для младенца.

Имя этого великого и прославленного царя было Финез.

Был у него визирь, мудрость которого достигала небес, разумом своим он измерил вдоль и поперек земную твердь, ученостью проник в морские бездны, воздушные явления и звездные пути начертал на скрижалях своего сердца. Кротостью речей он укрощал диких зверей, уподобляя их людям. По слову его скалы таяли, как воск, птицы говорили человеческими голосами.

Имя этому визирю было Седрак.

Царь очень любил своего визиря. И не было на сердце у царя ни заботы, ни печали, кроме скорби о том, что нет у него сына.

Однажды он роздал несметные богатства нищим, дабы они молили бога о даровании ему сына.

Был у царя евнух, человек сварливый и вспыльчивый; он был начальником царских палат, был предан царю. Звали его Рукха. Он сказал:

— Кто из царей расточал столько сокровищ?

Рассказал Седрак притчу:

ЦАРЬ ХОРАСАНСКИЙ

Был в Хорасане царь — великий, добрый, разумный, щедрый и милосердный. Однажды он открыл три сокровищницы и созвал всех своих подданных, чтобы каждый из них, стар и млад, вельможа и бедняк, брал в продолжение двенадцати часов всё, что в силах унести. Все брали из этих трех сокровищниц, но исчерпать их не могли.

В тот день царь задал пир и заклинал своих визирей сказать, слышали ли кто-нибудь из них и знал ли царя, который был бы равен ему или превосшел его щедростью. Шесть визирей клялись, что не слышали о подобном царе, младший же из визирей засмеялся.

Царь спросил:

— Почему ты смеешься?

Визирь попросил дать клятву, что царь не убьет его, и царь поклялся своей головой. Визирь, обнадеженный обещанием, доложил:

— В Китае живет еврей по имени Малкоз, которому подвластен некий вельможа; равному ему по щедрости не бывало прежде, не будет и впредь.

Царь оскорбился, но, дав клятву, уже не мог умертвить визиря и заключил его в темницу. Сам же снял царские одежды, нарядился в другое платье и двинулся в путь, чтобы увидеть того вельможу. Прибыл в город, где тот жил. Оказалось, что у вельможи был такой обычай: как увидит где чужестранца, ведет к себе домой; даст умыться и отдохнуть, нарядит, угостит и, наградив подарками, отпустит.

Случилось вельможе бродить в окрестностях города. Встретив того царя в образе нищего, он взял его к себе и поступил с ним так, как обычно поступал с другими. Когда нищего одели, вельможа увидел, что перед ним человек не простой, а достойный почета и уважения. Стал расспрашивать, кто он, откуда родом, и заставил все рассказать. Когда же узнал, что перед ним царь, пал ниц, смиренно склонив голову, и умолял простить, что не признал его сразу. Он ввел его в свой дом, подобного которому не было даже у царя. Дом был убран с необычайной пышностью, ковры, занавеси — все было из парчи. Он устроил пиршество в честь царя. Вся посуда была сделана из драгоценных камней. И все это он подарил царю.

Девять дней убаждал он царя. Каждый день отводил ему все более пышные покои, подавал лучшую, драгоценнейшую утварь, устраивал еще более веселые пиры и осыпал подарками.

Дивился царь величию и щедрости этого человека. На девятый день вельможа пригласил его в покои такой поразительной красоты, что и описать невозможно: ковры, занавеси, столы и утварь — все было из цельных драгоценных камней. Из них же были выточены прекрасные

подобия цветов и деревьев. Все это он поднес царю. И подарил ему еще трех певич; не было им равных по красоте и голосу. Уходя, царь не взял ничего из сокровищ, кроме алмазной чаши, яхонтового кубка, цветка из драгоценных камней и трех певич, и хозяину выразил благодарность:

— Да поможет мне бог отплатить тебе.

Пустился царь в обратный путь и прибыл в свой город. Велел он отпустить визиря из темницы, вернул ему былой почет и зажил, пируя и веселясь.

Господин того вельможи был волшебник. Он проведаль обо всем, что произошло, разгневался на вельможу, схватил его, разорил, велел казнить. Вельможу повели на плаху. Он молил палачей не убивать его. Вельможа скрыл в наплечнике драгоценный камень и этим камнем купил себе жизнь. Те люди сказали:

— Ты знаешь сам, что наш господин — колдун и, где бы ты ни был на поверхности земли, он все равно узнает с помощью ворожбы и погубит нас вместо тебя; но вот что мы сделаем...

Палачи упрятали его в сундук и отнесли на кладбище.

Волшебник поворожил, посмотрел, но того человека не было нигде на земле. Волшебник поверил, что его казнили.

В то время появились в городе воры, которые грабили не только дома, но не щадили и могил. Пришли они к той могиле, где был сундук, разрыли ее, нашли сундук и вытащили. Увидели, что в нем сидит человек, и отпустили его.

Отправился он странствовать, исходил много земель и, никому неведомый, пришел в столицу хорасанского царя. Царь пировал на высоком балконе, и пели ему те три певичы. Одна из них узнала в проходившем внизу человеке своего господина, заплакала и выронила из рук чанги. Царь спросил ее:

— Что с тобою случилось?

Та сказала, кого увидела. Стали искать того человека и нашли. Искупали его, одели и дали отдохнуть. На следующий день царь сел на коня, напал на волшебника, убил его, а все его владения отдал тому человеку.

Так отплатил он и так вознаградил вельможу за доброту.

— Эту притчу я рассказал тебе вот к чему: никто не может раздать таких даров, каких не раздавали другие; и бог не попустит, чтобы доброе дело пропало зря. И дивлюсь я, Рукха, слыша от тебя такие речи!

Прошло некоторое время. Бог смилостивился и даровал царю сына, сиянию которого завидовало солнце и месяц пятнадцатидневный просил уделить ему света. Звезды дивились его светозарности. Черные брови,

подобно крыльям ласточки, простирались по хрустальному челу. Чернильные пруды его глаз были окаймлены агатовым тростником ресниц. На щеках цвели, сливаясь, лилии и розы.

Ему дали имя Джумбер.

Когда сын подрос, царь вывел его и представил своему визирю Седраку и своим подданным. Визирь взял его на руки, благословил и молвил:

— О царь, да сохранит бог ему жизнь! Да будет твой сын счастлив и благословен отныне и во веки веков. Да будут дарованы ему смысленность осла, верность собаки и сила муравья!

Услыхал это Рукха, евнух, возмутился и сказал визирю:

— Зачем ты проклял царского сына? Визирь должен быть разумен, хладнокровен, находчив в речах, ибо царедворец должен обладать пятью качествами:

первое — речь его должна быть сладка;

второе — он должен умиротворять впавшего в гнев, а не гневить пребывающего в радости;

третье — с уст его не должно срываться злое слово;

четвертое — он должен говорить вовремя и кстати;

пятое — говорить так, чтобы сказанное нравилось всем людям.

Седрак взглянул на него и ответил так:

— Все, что ты сказал, справедливо, но, когда у мужчины отсекают то, что делает его мужчиной, он приобретает качества женщины. Суди об этом хотя бы по тому, что после оскотления исчезают борода и усы. Евнух должен обладать тремя качествами:

первое — быть стыдливым подобно женщине;

второе — не давать воли злomu языку;

третье — хранить тайны своего господина.

Я вовсе не проклинал царевича. Если угодно, ты скоро и сам в этом убедишься; проводи осла через лужу так, чтобы он увяз в грязи, а затем вели осушить лужу. Если тебе удастся во второй раз заставить его пройти той же дорогой, то осел глуп.

Возьми у бедняка его тощую, голодную собаку и отдай богачу с тем, чтобы тот откормил ее. Затем пусть оба ее покличут. Если пес покинет того, у кого он голодал, и пойдет к тому, кто его откормил, тогда пес — неверная тварь.

Излови муравья, держи его в склянке голодным двенадцать дней, затем выпусти. Если он не поднимет тяжесть, четырежды бо́льшую, чем собственный вес, то муравей слаб и я судил ложно, если же нет, зачем ты меня порицаешь?

Привели осла и собаку, принесли муравья и поступили так, как говорил визирь, и все совершилось по его слову. Радовался царь речам визиря и достоинствам своего сына.

Однажды ночью приснился царю прекрасный юноша, подобный льву мужеством и силой, статный, белолицый, румяный, стройный, как кипарис. Едва пробившийся ранний пушок вился, как гиацинт, оттеняя его невиданной красоты лицо так, что на него любо было смотреть.

Он сказал царю:

— Бог да продлит дни твоего сына. Если ты не поручишь его мне — воля твоя, но никто не воспитает его лучше, чем я. Станешь меня искать — найдешь, не станешь — пеняй на себя.

Он дал в руки царю свое изображение, начертанное на пергаменте, и сказал:

— Ищи меня и найдешь, заклинаю твоей головою!

И не стало его.

Царь проснулся и увидел: в руках у него пергамент, в покоях никого нет. Не найдя того юношу, царь опечалился так, как если бы умер его сын, и предался великой скорби. Пришел к нему визирь, увидел, что царь лежит в постели, снедаемый тяжкой печалью, и сказал:

— О царь, уже много лет пребываю я под твоим кровом и ни разу не видел тебя таким печальным, да оградит тебя господь от всякой болезни!

Царь сказал ему:

— Не болен я, но мне снился сон, оттого я задумчив.

Визирь, не спрашивая о том, что приснилось царю, рассказал ему притчу:

2

ЖАДНЫЙ БЕДНЯК

Жил на свете бедняк, у которого не было ничего за душой. Приснилось ему, будто у него шестьдесят овец и он хочет их продать. Подошел какой-то человек и предложил за каждую овцу по пяти кирманеули. Хозяин овец запросил по шести. В то время как они торговались, бедняк проснулся, им овладело раскаяние. Он снова закрыл глаза и протянул руку купцу.

— Давай по два кирманеули, и я уступлю тебе овец,— сказал он.

— Однако кто дал бы ему серебра или кому и что мог он продать? Таково всякое сновидение. О царь, стоит ли тебе тревожиться из-за дьявольского наваждения?

Царь сказал:

— Мой сон не таков.

Рассказал визирю все и протянул ему пергамент.

Удивился визирь красоте юноши и доложил царю так:

— Если тот человек не придет сам, надо его искать, так как мы не знаем, откуда он родом и он не назвал своего имени. Как же нам его найти? Ветер не удержит руками, ленивому не угнаться за своим взглядом. Человеку не избежать судьбы, предначертанной ему господом...

Рассказал визирь притчу:

3

СКУПОЙ БОГАЧ

Жил на свете богатый купец. Он собрал так много богатств, что и сам не знал счета своим сокровищницам. До самой старости он не пил, не ел досыта и не одевался как следует.

Наконец он сказал:

— Вот сколько я скопил, а теперь сяду, буду пировать, радоваться и тратить то, что приобрел.

Он подошел к одной из сокровищниц, она была заперта, и он не мог ее открыть. Подошел ко второй, к третьей, осмотрел все сокровищницы и ни одной не мог открыть.

Рассердился он и стал браниться. Из сокровищницы послышался голос:

— Кто ты, отворяющий дверь? Что тебе нужно?

Богач назвал свое имя.

— Это мое добро, желаю его тратить...

Оттуда послышалось:

— Если твое, почему же и сам ты доныне не пользовался и не давал пользоваться ни жене, ни детям? Все это принадлежит теперь плотнику Назару.

Купец обиделся и сказал:

— Я сделаю так, чтобы все пропало и не досталось ни мне, ни ему.

Он взял в долг денег, велел притащить множество бревен и выдолбить их; положил в них все сокровища, заделал отверстия и бросил в реку Шади. А плотник тот был житель Багдада, где протекает Шади. Вышел плотник ранним утром на берег реки: не пригонит ли кто плот? Видит, река несет плотно сбившиеся бревна, а человека не видно. Он

дал денег пловцам, те кинулись в воду, вытащили бревна и свалили их во дворе плотника.

Бывший богач следовал за бревнами. «Узнаю, кому пошлет их судьба», — думал он. Зашел к плотнику во двор и спросил:

— Кто ты такой?

— Я плотник Назар, — ответил тот.

Богач сказал плотнику:

— Возьми одно бревно и внеси его в дом.

Когда втащили, он сказал:

— Расколи бревно топором, — что там внутри?

Плотник расколол бревно — посыпались жемчуг и драгоценные камни. Плотник оторопел. Тот человек сказал ему:

— Все бревна такие же, как то, которое ты видишь. Бог отнял у меня и отдал тебе.

Плотник ответил:

— Да возвратит господь тебе же! Возьми их обратно.

Богач не захотел брать.

— Возьми хоть половину, хоть четверть.

Но тот не взял ничего.

Плотник умолял:

— Возьми хоть три хлеба на дорогу.

Тот согласился.

Плотник пошел к жене и сказал:

— Испеки три больших хлеба и положи в них три драгоценных камня побольше. Может быть, возьмет их этот человек, да не погибнут у него с голоду жена и дети.

Жена послушалась, испекла хлеба, завернула в холст и отдала. Тот взял хлеба и ушел. По дороге видит — раскинут в пустыне шатер из козьих шкур. Подошел, а в нем бедный араб. Жена араба рожала. Соседи ушли на летние пастбища, а эти не могли последовать за ними. И не было у них ничего: ни постели, ни во что завернуть младенца. Он сжалился над нищетой араба, отдал ему хлеба и сказал:

— Поди в Багдад к плотнику Назару, поднеси ему эти хлеба. Человек он богобоязненный, даст тебе колыбель и ткань, чтобы спеленать младенца.

Богач ушел. Араб отнес хлеба плотнику, плотник дал все, что тот попросил.

Пришел плотник к жене, отдал ей эти хлеба.

И рассказал жене притчу:

ЧЕЛОВЕК С РЕШЕТОМ

Сидел человек на берегу реки. В руках у него было решето. Он погружал решето в воду и, когда оно наполнялось, приговаривал:

— Кому бог дает — дает вот этак.

Поднимал решето и, когда вода вытекала, приговаривал:

— У кого отнимает — отнимает вот этак.

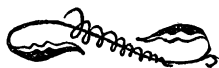
— Бог послал нам счастье к самым дверям.

— О царь, если бог предназначил тебе этого человека, он приведет его к твоим дверям, иначе найти его мудрено.

Рукха сказал:

— Нет ни дождя, ни снега, зачем же ему стучаться к нам в дверь? Если мы не знаем, где он, откуда ему знать нашу страну! Пошлем людей и попытаемся разыскать его. Разве попадала пища кому-нибудь в рот без помощи рук, разве облакался кто-нибудь в одежду, не утруждая себя?

Рассказал Рукха притчу:

НЕДОГАДЛИВЫЙ ПЛОВЕЦ

Пловца несло течением. Он кричал:

— Господи, спаси меня!

Товарищ сказал ему:

— Пошевели руками — и спасешься.

— Поищем его и найдем.

Визирь сказал евнуху:

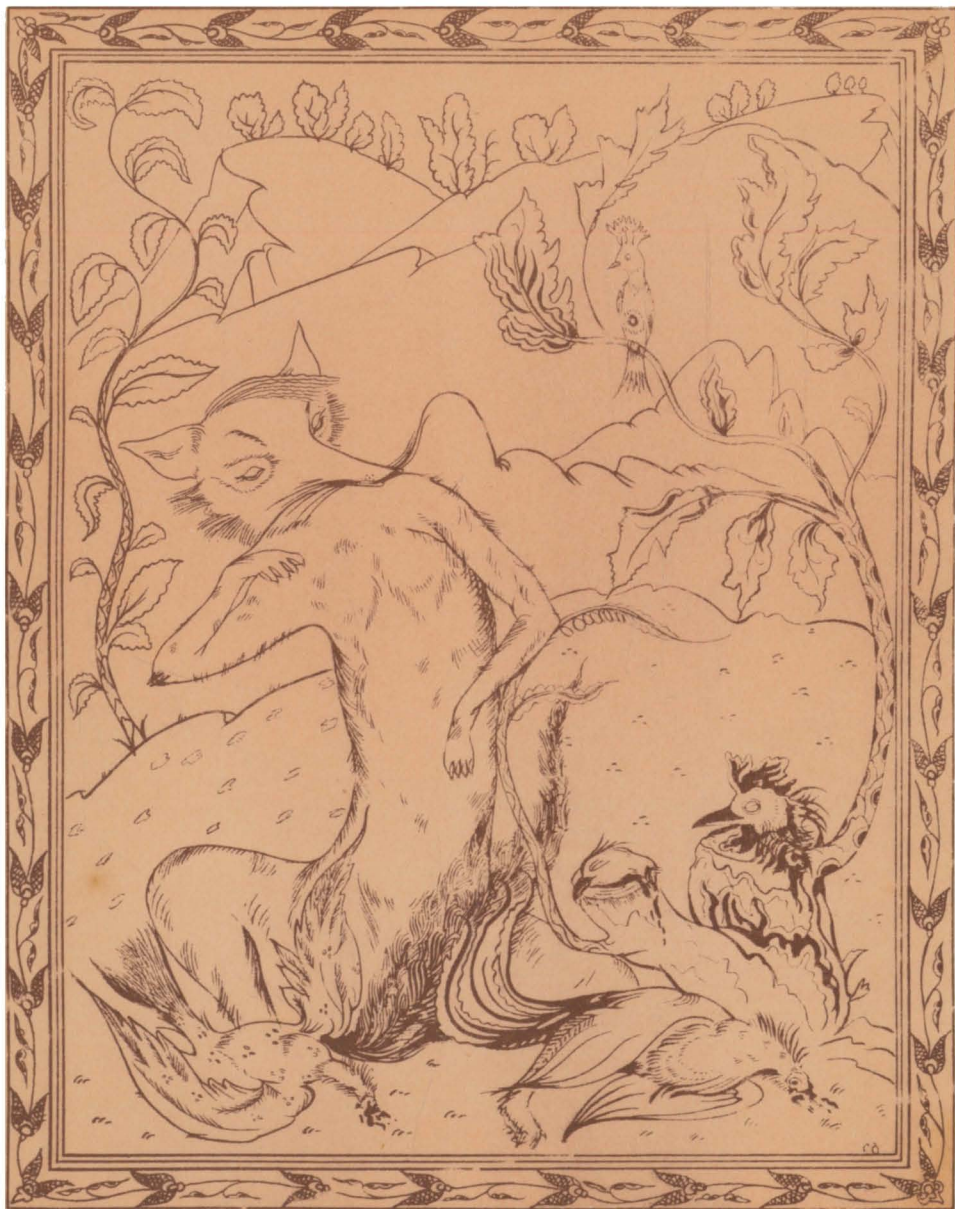
— Ты весьма разумный человек. Если возможно без божьей помощи совершить какое-нибудь дело, почему не попытаешься снова стать мужчиной, чтобы радоваться и наслаждаться вместе с женой и детьми?

Рассказал визирь притчу:

ВОРОВАТЫЙ ПОРТНОЙ

ЛИС-ИСПОВЕДНИК

ЗЛОСЧАСТНЫЙ БОГАЧ

Был богатый купец, который не верил в бога. Он собрал все наличные деньги и купил зерно. «Если в будущем году плохо уродится хлеб, продам-де его втрое-вчетверо дороже».

В следующем году выпал обильный урожай. Снова скупил он зерно задешево, надеясь, что в будущем году удастся продать дороже. Но с каждым годом урожая становились все обильнее и обильнее. Сгнило его зерно, и он потерял все свое состояние. Ничего у него не осталось. Взял он драгоценности, какие были у жены, и отправился во Францию. Продав их, занялся торговлей и снова нажил несметные богатства, но по жадности своей не воротился домой. Сел на корабль, рассчитывая нажить еще больше. Но разыгралась буря, судно разбилось, и все его добро пошло ко дну. Сам он спасся на какой-то доске. Волной выбросило его на берег.

Сильно опечаленный, пришел он в один город. Разыскал владельца той страны и рассказал ему обо всем, что с ним приключилось. Владелец сказал ему так:

— Раз ты, будучи богачом, обеднел, поживи с год здесь, в моих владениях, я назначу тебя управителем, и ты наживешь еще больше добра, чем у тебя было раньше.

Купец стал управителем. И тотчас же украл пшеницы и рису, боясь, что ему мало достанется.

К концу года купец приобрел огромное состояние и сказал себе:

— Дурно я поступил.

Стал он брать из своего амбара украденное зерно и ссыпать его в амбары господина. Люди увидели, как он шел ночью к амбарам своего господина, заподозрили в краже и дали знать владельцу. Тот разгневался, отнял у него нажитое добро и прогнал. Рыдая, удалился купец, подошел к берегу моря и видит: приближается судно, а на нем плывут десять купцов.

Он рассказал купцам о своих злоключениях. Тогда каждый подарил ему по драгоценному камню, и они простились с ним. Пять драгоценных камней он завернул в тряпье и привязал к бедру, а пять сунул в рот. На пути ему повстречались три разбойника и заговорили с ним. Он не ото-звался, потому что во рту у него были драгоценные камни. Разбойники приняли его за немого.

Один из них сказал:

— Ограбим его!

Другой возразил:

— Что с него возьмешь?

Третий сказал:

— Пословица говорит: двенадцать снимали с одного голого рубаху, да им не удалось.

Услыхал эти речи купец, рассмеялся и выронил изо рта два драгоценных камня. Они схватили его за глотку и отняли остальные три камня. Но тех пяти камней, которые он завернул в тряпье, разбойники не нашли. Задумав продать камни, разбойники отправились в город. Повстречались им царские купцы, догадались, что это воры, отобрали те камни, чтобы передать их в царскую казну, а разбойников обрекли смерти.

Пришел купец в город и вынул свои камни, чтобы продать их. Те же самые царские люди увидели его, отобрали камни и повели на казнь. Но тут же оказались купцы, которые подарили ему камни. Он взмолился к ним:

— Из тех десяти камней, которые вы мне подарили, пять отняли разбойники, остальные пять — эти люди, да еще хотят меня казнить.

Купцы поклялись, что они подарили ему эти камни, не дали казнить и донесли обо всем царю. Царь приказал:

— Поскольку ему пришлось испытать столько бедствий, поставлю его начальником моего казнохранилища.

Поручили ему казну.

Однажды искривился ключ от казнохранилища. Он не захотел потратить двух грошей на кузнеца, чтобы тот исправил ключ, — сам взял камень, приложил ключ к стене и ударил камнем. Но стена оказалась всего в один кирпич. Она обрушилась, и открылись покои царских жен. Пришли евнухи, доложили царю, схватили того человека и выкололи ему глаза.

— Эту притчу я рассказал тебе к тому, что собственными силами, если бог не поможет, человеку не добиться удачи, напрасны все его труды, надо просить помощи у бога.

Царь одобрил:

— Ты сказал превосходно, как и подобает такому мудрецу. У тебя и у Рукхи всегда есть о чем побеседовать. А теперь прикажи воинам сесть на коней, я тоже сяду на своего мерина, найдем красивые и приятные места и поохотимся с неделю.

Когда воины узнали, что царь отправляется на охоту, собралась такая рать, что под ее тяжестью прогибалась земля.

Старики приплясывали, точно юноши:

— Удостоиться бы нам чести идти рядом с царем!

А юноши вели себя, как зрелые мужи:

— Хотя бы царь повелел взять с собой и нас!

Вот какая обуюла всех радость!

Восемь дней они охотились. Побили несчетное множество дичи. По-

вернули обратно и прибыли в места, где рос прекрасный кипарис, у корней его били ключи, луга были усеяны цветами. Тот, кто это видел, забывал все печали.

Под деревом, в тени, спал юноша; тут же был привязан оседланный конь.

Окликнули юношу. Подошел царь и, увидев его, поклялся: он схож с образом, начертанным на пергаменте.

Все дивились красоте юноши. Юноша встал, приветствовал царя, воздал ему великую хвалу и поцеловал руку.

Царь приказал ему сесть на коня и взял его с собою. Стал расспрашивать, откуда он родом, кто он и куда держит путь.

Юноша доложил царю:

— Не знаю, откуда я родом. Что осмелюсь сказать царю? Знаю одно, зовут меня Леоном. Отец мой умер, когда мать еще носила меня, а мать умерла в час моего рождения. Я рос, скитаясь по свету.

Рукха сказал Леону:

— Клянусь головою царя, тебе выпала весьма злая доля!

Леон взглянул на него, понял, что это евнух, и ответил:

— Ты прав. Если бы мне выпала счастливая доля, я бы не встретился сегодня с тобой! Зато ты счастливее! Если ты мужчина, где у тебя борода и усы? Если ты женщина, где твои длинные косы? Если ты юноша, где мощь твоей длани? Если ты девушка, дай мне прижаться к прекрасным твоим персям. Если ты мужчина, все равно члены твои утратили силу. Если ты женщина, ты все равно не можешь родить. Злосчастный! Ты бессилен выполнить то, что предназначено тебе природой. Если и удаётся тебе склонить к себе женщину, ты передаешь ее другим. Злосчастный! Ты не можешь исполнить назначение мужчины, и не приведи господь приравнять к тебе даже блудницу. Там, где слово евнуха что-нибудь решает, там жене не быть женою своего мужа.

Рассказал Леон притчу:

ЕВНУХ ИЗ ХАЛАБА

Жил в городе Халабе вельможа, и был у него очень преданный евнух. Был у него и другой раб, который и лицом и статью походил на евнуха. Рабы очень любили друг друга. Они сговорились меж собой, и евнух пристал к жене своего господина:

— Я знаю, господин желает отпустить тебя и жениться на другой. Подумай, как помочь делу!

Женщина слаба умом. Он ввел ее в заблуждение, и любовь к мужу сменилась ненавистью.

Женщина сказала евноху:

— Ты желаешь мне добра, так скажи, как мне лучше поступить, что сделать, если муж меня отвергнет?

Евнух ответил ей:

— Я дам тебе лекарство, натри ему ноги, и он сразу умрет, а у меня есть приятель, человек красивый и добрый, выйди за него замуж и будешь госпожой над ним.

Соблазнилась женщина, убила своего супруга, вышла замуж за того человека и отдала ему все свое состояние.

— Эту притчу я рассказал тебе, чтобы показать, что всякий, кто подобен тебе, способен и на худшее, так как не знает страха перед господином и стыда перед людьми.

Тогда визирь сказал Леону:

— Меня очень радует твоя приятная речь и пленяют твоя благовоспитанность и твое поведение. Так идем же, послужи царю, будешь главою визирей, выше меня, а царь будет почитать тебя, как брата.

Леон сказал визирю Седраку:

— Ты наставляешь меня, как отец любимого сына, я так и сделаю. Но послушай меня...

И рассказал Леон притчу:

8

ВИЗИРЬ ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ

Отец моего отца был, как я слышал, старейшим из пяти визирей индийского царя. Этого старейшего визиря царь очень любил — больше, чем самого себя. Остальные четыре визиря стали ему врагами. Они говорили:

— Что нам с ним делать, царь прислушивается к его словам, следует его советам, а нас уже ни о чем не спрашивает.

Составили заговор.

Чуть рассвело, один из них пришел к царю и сказал:

— Минувшею ночью я видел во сне вашего отца, великого царя, по-

велителя Индии. Он приказал доложить вам, что решил призвать к себе великого визиря. «Есть у меня к нему кое-какие дела,— сказал он,— я их скоро улажу и отпущу обратно».

Пришел второй визирь и поведал царю о таком же сновидении, будто он в некоем необычайно прекрасном месте видел его отца и будто тот зовет к себе визиря с тем, что вскоре отпустит его. Третий и четвертый визири поведали то же самое, как было между ними условлено.

Царь удивился, но не разгадал их враждебного замысла. Он подумал: «Если бы сказал только один, это могло бы быть ложью. Но всем приснился один и тот же сон, нет сомнений, что это правда».

Царь призвал к себе старого визиря и рассказал ему все. Визирь понял, что это козни его врагов. Но что было делать? Сказать царю — было бы хуже. Он ответил:

— Умоляю, ваше величество, позвольте мне сделать так, чтобы при моем сожжении не потрудились ни чужой вол, ни чужой работник. Не хочу предстать грешником перед блаженнейшим царем. Дай сорок дней сроку, чтобы я мог приготовить дрова и все необходимое. Я заплачу за все сам и с радостью отбуду к великому царю.

Дали визирию сорок дней сроку. Он доверился четырем преданным рабам. Они привели двух землекопов. Прорыли подземный ход от визирева дома до площади за городом, пробили ход на площадь, сложили над ним огромную кучу дров наподобие холма и оставили посередине отверстие, через которое можно было спуститься в подземелье.

Когда истекли сорок дней, визирь пришел к царю и сказал:

— Да пожалует царь взглянуть на сожжение своего раба, отбывающего к его отцу.

Собрались посмотреть царь и весь народ. Визирь взошел на костер. Навалили вокруг щепок, облили нефтью и подожгли.

Когда дым поднялся высоко, визирь влез в отверстие, прошел через подземный ход и возвратился в свой дом. Дрова сгорели, пепел развеяли, не нашли даже костей. Ход в подземелье был доверху забит золой. Визирь в течение двадцати дней скрывался в своем доме. Затем он облачился в белые одежды, взял в руки посох и на рассвете отправился в царский дворец. Царю дали знать о его прибытии. Царь вскочил с ложа, вышел во двор, обнял и поцеловал визиря, полагая, что тот возвратился с того света.

Стал расспрашивать о своем отце и как визирь странствовал туда и обратно. Визирь доложил ему о рае, наговорил много всяких небылиц, и ложь его была прекраснее правды.

Затем он сказал:

— Все, что нужно было твоему отцу, я выполнил. А теперь он приказал прибыть тем четырем визирям — он их тоже скоро отпустит, у него и к ним кое-какие дела.

Если поверили сну, то как было не поверить тому, кто в яви возвратился с того света? Позвали визирей, царь приказал им отправиться в путь. Не догадались они прибегнуть к той же хитрой уловке. Кинули их в огонь, и они сгорели. Сами придумали, сами же и поплатились за свою выдумку.

— Эту притчу, отец Седрак, я рассказал тебе к тому, что всяк человек завистлив, и я опасаюсь, как бы впоследствии визири царя не стали со мной враждовать и строить козни.

Царю понравилась приятная речь юноши. Он возрадовался и сказал ему:

— Если слушаешься и последуешь за мною, дам тебе все, чего пожелаешь, кроме моего царства.

Рассказал Рукха притчу:

9

НАБОЖНЫЙ ЗЛОДЕЙ

Жил некий человек, творивший много всякого зла, но при этом великий богомолец. В свободное от злодеяний время он молился и плакал. Предстал перед ним ангел и сказал:

— Господь не сподобил тебя рая за твои злодеяния, но ты такой богомолец, что, кроме рая, он даст тебе все, о чем ни попросишь.

Тот человек ответил:

— Если мне не дано быть в раю и если вам угодно исполнить любую мою просьбу, пусть обратит меня в такого великана, чтобы никто, кроме меня, не мог поместиться в аду.

Этого бог не мог сделать и допустил его в рай.

— Этот юноша столь же хитрый чародей, он потребует нечто такое, чего нельзя исполнить, и завладеет твоим царством.

Леон засмеялся и рассказал притчу:

СТАРИК И ОТРОК

Беззубый старик и отрок сидели рядом и ели. И тот и другой вдруг заплакали.

Спросили старика:

— Почему ты плачешь?

Старик ответил:

— Нет у меня зубов, трудно жевать. Этот отрок все съел, и я остался голодным.

Тогда спросили отрока:

— А ты о чем плачешь?

Он отвечал:

— Пока я жевал, он глотал куски целиком, я остался голодным.

Все знали, кто из них прав, но оба они сваливали вину друг на друга.

— Подобно им, здесь также все видят, кто из нас зол, кто добр, с божьей помощью узнает про то и царь.

Царь сказал Леону:

— Почему тебе тягостно состоять при мне?

Леон отвечал:

— Тот, кто состоит при царе, подобен сидящему зимой у большого огня. Если он сядет слишком близко к огню — сгорит от жара; если удалится — замерзнет от стужи.

Тот, кто состоит при царе, должен обладать пятью редкими качествами:

первое — видеть одним глазом больше, чем можно увидеть сотнею глаз, другой же глаз должен быть более незрячим, чем у слепца;

второе — слушать только одним ухом, на другое же вовсе оглохнуть;

третье — обладать сердцем просторнее караван-сарая: оно должно вмещать и сохранять все, что вошло в него через ухо;

четвертое — он не должен повторять всего, что услышит, а лишь то, что хорошо и разумно;

пятое — иметь язык, который источал бы и мед и яд.

Рассказал Леон притчу:

САМОЕ СЛАДКОЕ И САМОЕ ГОРЬКОЕ

Некий царь приказал своему визирю:

— Ступай принеси мне кушанье, слаще которого не найти ни на земле, ни в морских глубинах.

Визирь пошел и купил язык; принес его, зажарил и подал. Понравилось царю.

В другой раз царь приказал:

— Ступай и принеси мне такое кушанье, горше которого не найти на свете.

Визирь пошел, снова купил язык и подал ему.

Царь сказал:

— Я просил сладкое, ты подал мне язык; я просил горькое, и ты снова подаешь язык.

Визирь ответил:

— Клянусь твоей головою, на свете нет ничего слаще языка и горше языка.

— И вот, о царь, находящийся при царе подобен свече, которая, освещая других, сгорает сама. Люди ненавидят того, кого любит царь, и всякими кознями добиваются, чтобы и царь его возненавидел.

Рассказал Леон притчу:

ДУК И ДВОРЯНИН ИЗ БЕЧИ

Жил в стране Бечи некий дворянин. У него был сын, украшенный всяческими добродетелями. И был он прекрасен собою.

— Желаю служить у дука,— сказал он отцу.— Отведи меня к нему и замолви слово.

Отец ответил:

— Я дам тебе две заповеди, поклянись соблюдать их, и я исполню твое желание.

Сын поклялся:

— Исполню все твои заповеди.

Отец сказал ему:

— Не прелюбодействуй в доме своего господина. А вторая заповедь: как услышишь колокольный звон, иди в храм и не уходи, пока не кончится служба, какое бы у тебя ни было спешное дело.

Сын схоронил в сердце своем эти слова. Отец взял и отвел его к дуку, владельцу Бечи. Юноша оказался таким хорошим слугою и возбудил в нем такую любовь, что дук предпочел его своим сыновьям и доверил ему все свои дела.

Однажды дук послал его по какому-то делу во внутренние покои. Супруга дука, как увидела юношу, стала умолять его разделить с ней ложе. Однако он не захотел предать своего господина.

Был там же еще один юноша, сын другого дворянина. Оба они дружно служили дуку. Супруга дука соблазнила того, а этому юноше пригрозила отомстить. Вошел он во второй раз во внутренние покои по какому-то делу и увидел их вместе. Юноша удалился, не проронив ни слова.

Дук пришел к жене и застал ее в великом гневе. Она сказала:

— Если бы ты был мужчиной, разве посмел бы твой раб коснуться меня!

Она оклеветала юношу, который не исполнил ее желания. Дук ушел, разгневанный. Наутро он приказал палачу:

— Тому, кто первым придет к тебе сегодня по моему приказу и скажет: «Куда ты девал то, что велено было доставить?» — отруби голову. Отдай ее пришедшему вслед и пошли ко мне.

Он приказал невинному юноше:

— Ступай к палачу и спроси: «Куда ты девал то, что велено было доставить?»

Юноша пошел. По дороге он услышал колокольный звон, вспомнил отцовский завет, свернул к церкви и оставался в ней до окончания службы. Вслед за ним дук послал того юношу, что согрешил. Он явился первым и сказал палачу:

— Куда ты девал то, что велено было доставить?

Палач схватил его, отрубил голову и оставил ее тут же. После окончания службы невинный юноша пришел к палачу. Тот вручил ему голову казненного, и юноша отнес ее дуку.

Дук, увидев его, очень удивился и спросил:

— Где ты был до сих пор?

Юноша рассказал ему об отцовском завете, и как он поклялся исполнить его, и о том, что он задержался в церкви. Тогда дук заставил его поклясться и рассказать обо всем, что он видел, и, убедившись, что юноша невинен, возвысил его до себя.

— О царь, если господин любит своего слугу, он не должен так легко верить наветам. Придворные будут стараться вредить ему всяческими

измышлениями, уловками и хитростями, чтобы заставить царя возненавидеть его.

Царь сказал:

— Что бы ты ни говорил — бог предназначил тебя мне. Вот знак, который ты сам дал мне во сне.

Юноша увидел свое изображение, поклонился царю и покорно последовал за ним. Они прибыли в столицу, устроили пир и предались сладостному покою.

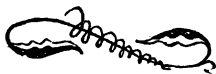
Когда рассвело и солнечные лучи, подобные языкам пламени, разорвали покров черной бездны и солнце послало на землю своих светозарных вестников, царь пошел, привел Леона, вручил ему своего возлюбленного сына Джумбера и сказал:

— Я вверяю его господу и тебе.

Леон ответил:

— Ныне вижу знамение моей гибели! Я твой раб и покоряюсь тебе, хотя не в силах воспитывать твоего сына. Я полагал, что враги будут доносить вашему величеству, чтобы погубить меня, но теперь, согласившись, сам впал в великий грех.

Рассказал Леон притчу:

13

ЦАРЬ И ЖИВОПИСЕЦ

Царь Лаодокии был слеп на один глаз. У него был искусный живописец, и царь искал повода придраться к нему.

— Желая, — приказал он, — чтобы ты написал мой портрет, но точь-в-точь похожий на меня.

Художник сказал в сердце своем:

«Вот пришел мой конец! Если я изображу его кривым, он меня казнит: «Как ты дерзнул!» Если изображу зрячим на оба глаза — отрубит голову: «Непохоже-де на меня!»

И нашел такой исход: нарисовал оленя, дал царю в руки ружье, закрыл ему незрячий глаз, как будто царь целится, и поднес портрет царю. Таким образом, царь, не найдя повода, не мог уже придраться к живописцу, и тот спасся.

— В твоём повелении я тоже вижу повод погубить меня. Кто может воспрепятствовать или осудить, если ты убьешь меня сейчас же?

Царь сказал:

— Ты достался мне не по моей воле, тебя послала судьба.

Леон сказал ему:

— Дай мне собственноручную клятвенную запись в том, что не повелишь меня убить по наветам, пока не выслушаешь, и тогда я повинуюсь.

Царь дал ему клятвенную запись. Леон взял эту запись, оправил ее в золото и положил в шапку. Потом он построил себе дворец и поселился в нем. Он начал воспитывать Джумбера, учил его день и ночь и редко приводил к царю.

Однажды Леон пировал три дня и три ночи без перерыва. Джумбер по воле Леона был на пиру виночерпием, но Леон не давал ему ни есть, ни пить. Тот ослабел от стояния и голода и свалился без сил. Тогда Леон приказал ему сесть и утолить голод.

Рукха, бывший заклятым врагом Леона, узнал об этом.

Рассказал он притчу:

ВОРОВАТЫЙ ПОРТНОЙ

Жил на свете портной, превеликий вор. Он утаивал помногу от всякой ткани, которую ему приходилось кроить. Однажды ночью приснился ему сон: будто изо рта у него выросло дерево и на ветвях висят все украденные им куски. Проснулся, и стало ему страшно.

Он сказал сыну:

— Как заметишь, что я краду во время кройки, напоминай мне о дереве.

Один знатный человек отдал ему скроить кусок редкостной золототканой парчи. Едва портной вознамерился украсть, сын напомнил ему о дереве. Портной рассердился, ткнул ему ножницы в рот и сказал:

— Разве такая ткань висела на том дереве?

— Кто видел или слышал когда-нибудь, чтобы так воспитывали царского сына? Он упал без чувств от голода, от стояния у него потрескались пятки...

Рукха хотел донести об этом царю. Седрак сказал ему:

— Рукха, я очень люблю тебя, ты мне дороже жизни, однако поступки твои меня удивляют:

И рассказал визирь притчу:

15

ДВА МУЛЛЫ

Жили в одном городе два муллы. Они вечно враждовали друг с другом и никак не могли ужиться: никогда вместе не ели, не пили и старались известить друг друга.

Как-то одного из них застали в постели с чужой женщиной; схватили муллу и женщину и кинули в яму, чтобы на следующий день представить кадию свидетелей и казнить обоих.

Узнал об этом другой мулла, враг того. Он побежал к его дому, вошел, позвал его жену, заставил ее ночью спуститься к мужу в яму, а ему сказал так:

— Надень на свою жену платье той женщины, а та пусть оденется в платье твоей жены, и помоги ей выйти.

Мулла поступил так, как посоветовал ему враг.

Когда рассвело, пришел кадий со свидетелями. Позвали и муллу-врага. Увидев того муллу с женщиной, мулла-враг сказал:

— Вы все, конечно, знаете, что я ему враг, но зачем вы обвиняете его понапрасну? Ведь это, оказывается, его жена!

Тогда муллу отпустили. Враждовавший с ним мулла сказал:

— Ты знаешь, как и все, что я тебе враг, но я поступил так для того, чтобы никто не думал, что и я способен на злодеяние. Я спас тебя, потому что мы с тобой одной масти: ты мулла и я мулла.

— Рукха, брат, зачем ты говоришь так, если ты не подобен тому человеку, почему не различаешь, что во благо твоему господину, а что ему во вред?

Рукха сказал:

— О визирь, как я могу не желать блага своему господину! Но этот человек похож на...

И рассказал Рукха притчу:

ЛИС-ИСПОВЕДНИК

Слонялся лис среди пустырей, где некогда была деревня, и наткнулся на незакрытый кувшин с синей краской, уцелевший от красильни. Бродил лис вокруг да около, упал в кувшин, стал карабкаться и с трудом вылез. И оказался лис выкрашенным в густой синий цвет. Пошел он дальше. Повстречался ему петух и спросил:

— Что с тобою случилось?

Лис ответил:

— Всю свою жизнь провел я в грехе, а теперь взялся за ум, отрекся от мира, постригся в монахи и хочу пойти в Иерусалим.

Петух сказал:

— Если ты отрекся от греха и хочешь предаться богоугодным делам, возьми и меня с собою, да воздаст тебе за это господь.

Лис взял его с собою, и они пошли дальше.

Встретился им коршун. Коршун сказал петуху:

— Чем он тебя соблазнил? За кем ты идешь?

Петух отвечал:

— Лис постригся в монахи, идет в Иерусалим, и я вместе с ним.

Коршуну это понравилось, и он тоже пошел с ними. Потом повстречался им угод и тоже последовал за ними. Так собралось их четверо товарищей.

Лис привел их к норе и сладко заговорил лукавым своим языком:

— Дети мои, в Иерусалим нельзя идти без пастыря, исповедуйтесь в грехах, получите отпущение, и тогда отправимся в путь.

Те послушались. Лис впустил их в нору — «это-де исповедальня», — а сам сел у входа и сказал им:

— Я отпущу каждому из вас по два греха, но третьего отпустить не могу.

Они изъявили ему благодарность:

— Если отпустишь два греха, кто же осмелится просить об отпущении третьего?

Они считали себя безгрешными, а лис искал только предлога. И сказал он первому из своих послушников, петуху:

— Бог заповедал петухам петь на рассвете, почему же ты поешь иной раз после вечерней трапезы?

Петух попросил отпустить ему этот грех и обещал никогда больше не совершать его. Лис отпустил ему грех. Затем изволил сказать так:

— Всякий имеет только одну жену, а тебе и десяти мало: чуть попадется товарищ послабее, ты норовишь и у него отбить жену.

Петух обещал больше этого не делать, лис отпустил ему и этот грех. Тогда он сказал:

— Ты не воин и не лучник, почему же носишь шпоры? Ты ведь никогда в жизни не садился на коня.

Что мог ответить петух насчет этого третьего греха? Лис оторвал ему голову и положил перед собою. Потом он сказал коршуну:

— Плохой ты певец: ни свистеть, ни щебетать не умеешь, зачем же ты вечно кричишь?

Коршун обещал, что не будет больше этого делать, и лис отпустил ему грех.

Лис сказал:

— Господь определил тебе в пищу ящерицу и мышь. У какой-нибудь вдовы всего одна-единственная наседка, почему же ты отнимаешь у нее цыплят?

Отпустил он коршуну и этот грех.

Наконец, он сказал:

— Шесть месяцев ты самец, а другие шесть месяцев самка — что же это такое?

Оторвал он коршуну голову и положил ее перед собою.

Пока лис расправлялся с этими двумя, удад придумал такую уловку, что превзошел хитростью самого лиса. Лис спросил удода:

— Кто дал тебе царский венец?

Удод отвечал:

— Премудрый Соломон собственноручно возложил его мне на голову.

Лис спросил его:

— Кто твои свидетели?

Удод отвечал:

— Некий жирный гусь и одна жирная утка.

От жадности и нетерпения у лиса отшибло разум. Он подумал:

«Удод мне всего-навсего на один зубок, утки же и гуся хватит на добрую неделю».

Так губит каждого жадность.

Лис оставил пока что петуха и коршуна несъеденными, а сам отправился вслед за удодом. Удод предложил лису залечь в овраг и ушел.

Повстречался удоду охотник с ястребом, гончими и легавыми.

Удод уселся перед ним. Охотник хотел метнуть в него стрелу, но удад вспорхнул и опустился неподалеку от лиса. Охотники погнались за ним. Удод изловчился и заманил их в овраг. Легавые напали на след лиса, догнали и так его разделили, что не разобрать, где кости, где мясо. С превеликим трудом спас истерзанный лис свою жизнь.

Удод крикнул ему:

— Что же, лис, разве я не привел тебе свидетелей?

Лис отвечал:

— Да постигнет еще худшая беда исповедника, который требует свидетелей в подтверждение исповеди.

Удод отомстил лйсу, но петуха и коршуна уже ничто не могло спасти.

— Этот человек и есть такой пройдоха лис. Он сотворит такие дела, что ты станешь бить себя по голове, но уже ничто тебя не спасет.

Леон, не зная забот, охотился, пировал и веселился. Однажды он собрался на охоту. Сам сел на иноходца, а Джумберу посадил ястреба на руку и приказал бежать впереди. Он заставил его до вечера гоняться за ястребом и за птицами, которых тот подымал. На следующий день поручил ему гончих и заставил бегать по горам и холмам. Обувь у Джумбера износилась, ноги были изранены, текла кровь. На третий день Леон отправил его вперед скороходом. Джумбер очень устал и часто падал. Он совсем выбился из сил, но Леон все же заставил его бежать до самого дома.

Рукха услышал об этом и донес царю.

Рассказал Рукха притчу:

17

ВЕСТНИКИ НОВОЛУНИЯ

Жил некий глухой человек, пропал у него бык, и пошел он его искать. Видит, идет кто-то навстречу. Глухой стал спрашивать встречного о быке. Однако тот был еще более глух, к тому же оказалось, что он нашел чьего-то осла.

Насчет быка он ничего не мог взять в толк и сказал:

— Если осел твой, ты хоть вознагради за то, что я его нашел.

Так они и не столковались.

Проезжал мимо всадник. За спиною у него сидела женщина. Глухие подошли к нему, один спросил о быке, другой рассказал об осле. Всадник оказался еще более глухим, чем те двое, и решил, что они хотят похитить женщину. Он стал заклинать их:

— У меня умерла жена, это ее служанка, не подумайте, что она мне чужая.

Ни один из них ничего не понял.

Они отправились к кадию, и каждый принес ему свою жалобу. Но кадий был глух от старости. Наступал рамазан, кадий решил, что эти жалобщики — вестники новолуния, и сказал:

— Раз они увидели луну, трубите в трубы.
Так никто из них ничего и не понял.

— Теперь ясно, что все мы, и великие и малые, оглохли. Иначе почему мы не понимаем, что этот человек чуть не убил отрока?

Визирь убеждал его не говорить так.

И рассказал визирь притчу:

18

ВОЛЯ ГОСПОДНЯ

Был человек, проживший всю свою жизнь в горах и никогда не видавший фруктового сада.

Спустился он как-то в долину, увидел сад и вошел; поглядел на разные плодовые деревья и овощи. Очень ему все понравилось, он воздал хвалу господу и сказал:

— Все ты хорошо устроил, одно только плохо: дыню ты прикрепил к тоненькому стебельку, орехи же привесил к большому дереву.

Побродил он по саду и наконец уснул под ореховым деревом. Прилетела ворона, уселась на дерево и выронила орех. Орех упал ему прямо на лоб и ушиб его. Человек вскочил и сказал:

— О господи, ты рассудил более мудро: если бы на дереве висел плод побольше, он разможил бы мне голову.

— Может, правильнее и лучше поступать так, как поступает Леон. А ты хочешь опозорить его перед царем.

Рассказал Рукха притчу:

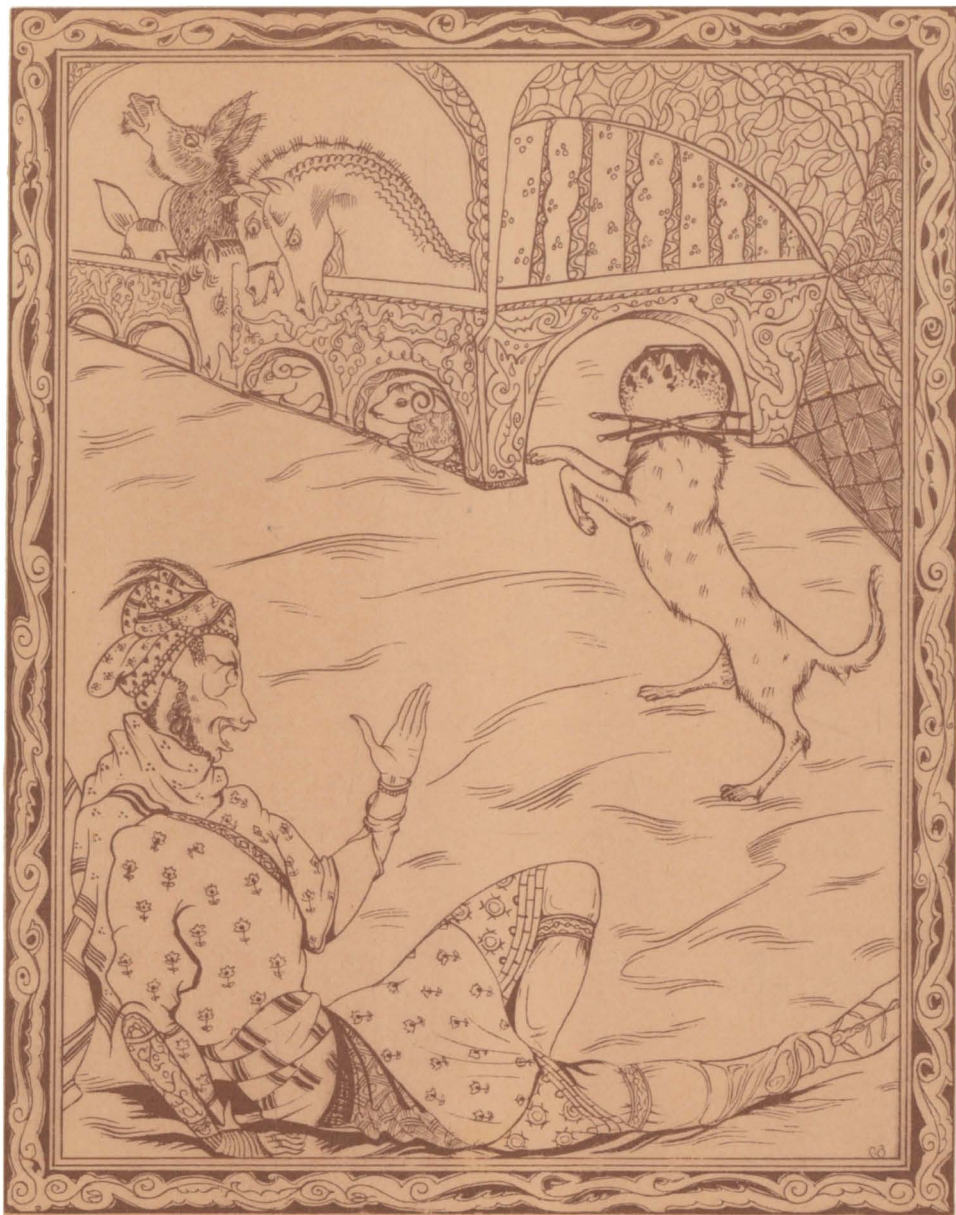
19

СТРОИТЕЛИ ДЕРЕВНИ

Побратались собака и петух:

-- Давай-ка построим деревню.

Собака сказала петуху:

ЦАРЬ АРАВИЙСКИЙ

БОГАЧ ПЕРС

— Как же мы ее построим?

Петух ответил:

— Ты лай, я буду кукарекать, вот и построятся деревня.

Пошли они в лес. Собака принялась лаять и уснула. Петух уселся на дереве и давай кукарекать. Услыхала его лиса, подошла поближе и спросила петуха:

— Что ты там делаешь?

Петух ответил:

— Деревню строим.

Лиса сказала:

— Сойди-ка да отмерь мне участок для дома.

Петух ответил:

— Вон там лежит старшина, разбуди его, он тебе отмерит.

Лисе так захотелось полакомиться петухом, что она потеряла всякое соображение и подошла к собаке. Собака вскочила, погналась за лисой, истерзала ее и оторвала ей хвост. Лиса убежала ободранная, искалеченная, взобралась на холм и крикнула:

— Я-то поплатилась за свою глупость. А удастся ли вам этак построить деревню, мы еще увидим!

— Вы с ним сговорились; знаю, не уйти мне от вас, вы меня погубите. Но если вы хорошо воспитаете царского сына, я готов прослыть и невеждой.

Царь услышал и смеялся, что Седрак и Рукха никак не поладят, а Леон поддерживает визиря.

Однажды Леон рассердился без всякого повода, схватил невинного Джумбера и тяжело избил, дав ему пятьдесят палочных ударов. Рукха, узнав об этом, впал в ярость и даже перестал против обыкновения говорить притчами. Он сказал царю так:

— Ты долго молил бога о даровании сына, и он ниспослал тебе эту милость. Но ты поручил его отверженному богом человеку. И вот он схватил отрока и нанес ему сто палочных ударов. Чем же провинился твой сын? Он до того ослаб, что и до вечера не протянет! Что ж, усынови Леона и сделай его нашим государем.

Много еще подобных речей произнес он; так всегда поступают враги: уловив подходящую минуту, они всячески стараются повредить тому, кого невзлюбят.

Царь огорчился и до того разгневался, что яркое пламя прорвалось сквозь дым его гнева и он задрожал от ярости. Рукха еще больше раздувал тот огонь. Царь в гневе удалил от себя визиря. За Леоном послали людей, которые приволокли его силой. Царь хотел его убить.

Леон дерзнул сказать ему так:

— Ты не можешь убить меня, о царь, не можешь! Вот твое клятвенное обещание, я хотел его иметь и взял его ради этого дня. Я этого ждал и знал, я предвидел, что мне предстоит. Ты не можешь убить меня без суда.

Царь вспомнил о клятве и гневно сказал ему:

— Давай судиться.

Леон ответил:

— Нет, ты прежде ветром милосердия развеи пылающие уголья своего гнева, погаси пламень его водою кротости, и только тогда я стану говорить.

Царь пришел в себя от этих слов, утих и смягчился.

Леон долгое время стоял молча. Затем заговорил, и речь его была слаше соловьиного пения. Всем казалось, что во рту у него свил гнездо соловей или щебечет ласточка. Разве был в его жизни день, когда так, как сегодня, могла ему пригодиться вся его мудрость?

Леон сказал:

— О царь, я весьма благодарен тебе за то, что ты возвратил покой моему сердцу, и за такое твое великодушие. До чего взволновал тебя этот человек, позорящий достоинство мужчины, но ты все же не убил меня, не выслушав.

Так вот, пусть ваше величество скажет, кем вам угодно воспитать своего сына — царем или пастухом? Есть много пастухов, которые лучше плохих царей. Пастух должен заботиться об овцах — пасти их там, где сочнее трава, спокойно, не отягчая, водить их, перевязывать раны и охранять от хищников. Если он не сделает всего этого, стадо его уменьшится.

Таким же должен быть царь: он окружен нищими, рабами, крестьянами, дворянами, князьями, вельможами, царями и повелителями — он должен знать их обычаи, порядки, занятия, труды, горести, заботы, торговлю, еду и питье, дары и плату.

Если бы твоему сыну не пришлось так долго простоять на ногах, как узнал бы он о горестях рабов, слуг и виночерпиев — труд, выпадающий на долю тех, кто стоит? Царь обычно сидит. Пожелает — встанет, а нет — сядет. Как знать ему, что такое труд слуг, как знать, что они ради него переносят? День-деньской они стоят и терпят.

Если он не испытает голода, откуда ему знать, как голодают нищие и немощные или как другие терпят недостаток в пище? Ведь он-то каждый день ест и пьет все, что есть лучшего, и не голодает.

Пословица гласит: «Сытый крошил хлеб голодному и укорял — зачем ест, как свинья». Если бы твой сын не испытал, каково ходить пешком и босым, как мог бы он понять труд сокольников, вестников и

скороходов? Откуда ему взять сострадание, чтобы пожалеть их? Сам же он ездит на скакуне или иноходце или сидит в колеснице.

Если бы он не узнал горечи палочных ударов, то, разгневавшись на своих слуг и отпустив им сто или двести ударов,— одним больше, другим меньше — считал бы это ничтожным наказанием. Но я научил его понимать скорби всех убогих, немощных и простых людей, а теперь рассудите и вы, чему еще следует его выучить?

Царь выслушал и понял его дельное слово и этими словами высказанную суть, понравилось ему, и он раскаялся во всем дурном, что причинил Леону. Он обнял его и сказал:

— Что делать, сын мой, я сожалею, что язык злых людей и забота о сыне меня взволновали.

Рассказал Леон притчу:

НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ ШИРВАН-ШАХ

Сидел на троне Ширван-шах, несправедливый, безжалостный к людям, разоритель многих стран. Где бы он ни увидел челобитчика или нищего, тотчас же убивал его. Все царство было разорено.

Однажды он увидел челобитчика и приказал его убить. Человек этот сказал:

— Не следовало бы меня убивать, потому что мне понятен язык всех животных и птиц.

Царю это понравилось. Приняв сказанное за правду, он помиловал челобитчика, поручил его своему визирю и приказал так:

— Выучись у него сам, а потом научи меня.

Визирь взял того человека к себе. Он понимал, что тот ради спасения своей жизни выдумал, будто знает язык животных и птиц, и отпустил его.

Прошли дни. Однажды ночью Ширван-шах сидел на пиру. Вдали перекликались две совы. Царь вспомнил того человека, языковеда. Он спросил визиря:

— А ты выучился птичьему языку у того человека?

Визирь ответил:

— Да, выучился.

Царь спросил:

— Что говорят совы?

Визирь ответил:

— У одной совы есть дочь, другая сватает ее своему сыну. Отец невесты говорит: «Если ты на смотринах не подаришь моей дочери семьсот пустошей, где были когда-то деревни, я не отдам ее». Отец жениха отвечает: «Если я подарю твоей дочери семьсот пустошей, то у меня еще шесть сыновей — что же я дам их невестам?» Отец невесты говорит: «Чего ты скупись и сокрушаешься? Если продлятся дни Ширваншаха, он разорит еще много деревень».

Шаху это показалось обидным, и он сказал:

— Разве я так несправедлив?

Визирь ответил:

— Так говорят совы.

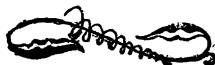
После этой беседы шах стал милостивым.

— Подобно сему, пока жив ваш евнух, много таких дней выпадет мне на долю.

Царь сказал:

— И евнух и женщина слабодушны. Забудь об этом.

Рассказал Леон притчу:

РАНЕННЫЙ ЯЗЫКОМ

Побратались человек и медведь.

Человек зазвал медведя в гости и задал пир.

Медведь, уходя, простился с хозяином. Человек поцеловал медведя и приказал жене поцеловать его.

Однако, когда жена почувствовала зловонный медвежий дух, она плюнула и сказала:

— Не терплю вонючих гостей!

Медведь ушел. Некоторое время спустя человек отправился его проведать и взял с собою топор:

— Нарублю дров да притащу домой,— сказал он.

Медведь вышел его встречать, и они ласково приветствовали друг друга — каждый, как ему было свойственно. Затем медведь стал настойчиво просить человека:

— Ударь меня топором по голове, порань меня.

Человек отнекивался, медведь не отставал.

Тогда человек хватил медведя топором и поранил ему голову. Медведь ушел в лес, а человек возвратился домой.

Месяц спустя они снова встретились. Голова у медведя успела зажить, и он сказал человеку:

— Братец, рана, которую ты нанес мне топором, зажила, но не зажило сердце, раненное языком твоей жены.

— О царь, язык, а не что иное, убивает человека. Безвременно пораженного языком язык уже не воскресит. Рана, нанесенная языком, неисцелима.

Леон добавил:

— Пословица гласит: «Что в соседа, что в пень, только бы не в меня попала стрела». Кто посочувствует мне в том, что случилось со мною?

Царь ответил:

— Произошло это по ошибке, не вспоминай больше об этом.

И рассказал царь притчу:

ЦАРЬ И ЗЛОРАД

Был царь, и был у него злоязычный слуга, да такой, что ни одно доброе слово не слетало с его уст.

Царь уходил в далекий поход лет на пять и сказал этому злоязычному слуге:

— Произнеси хотя бы одно-единственное доброе слово, и, возвратясь, я подарю тебе новую одежду.

Злослов отвечал:

— А если не возвратишься, кто мне ее подарит,— я же задаром потеряю доброе слово!

Царь ушел в поход. Прошло два года. Злоязычный человек стосковался по царю и отправился повидать его.

Прибыл он на место. Царь первый его увидел и приказал своему визирю:

— Вон идет смердящая глотка, не спрашивай ни о чем, он ведь расскажет только дурное. Спроси, как поживает моя собачка.

Человек тот подошел и облобызал землю у ног царя. Визирь спросил его:

— Эй ты, злорад, как поживает церева собачка?

Тот ответил:

— Околела.

Визирь спросил:

— Что с нею случилось?

Он ответил:

— Пал белый царев верблюд, собачонка нажралась его мяса и подохла.

Визирь спросил:

— Отчего же пал верблюд?

Он ответил:

— Царева мать скончалась, мы положили покойницу на верблюда, чтобы довести до гробницы, и он пал.

Огнем обожгло царю сердце, он спросил:

— Что же убило ее? Какая болезнь?

Человек тот отвечал, рыдая:

— Солнцеликая царица покинула сей мир, и скорбь по ней убила вашу мать.

Царь спросил:

— Но она-то чем болела?

Он отвечал:

— Ваши сыновья и дочери погибли от оспы, и ее сломило горе по детям.

Тогда царь спросил:

— Значит, от дома моего ничего не осталось?

Он ответил:

— Когда я был там, в твой дворец ссыпали полону, не знаю, что было дальше.

Все, что он сказал, оказалось ложью, он придумывал небылицы, чтобы огорчать людей.

— И вот, мой Леон, речи такого человека не могут никому повредить, если сама судьба не ополчится против человека. Пословица говорит: «Дай мне счастливую судьбу, а там хоть в навоз закопай».

Рассказал Леон притчу:

ХАЛИФ И АРАБ

Халиф багдадский охотился и, пустив коня вскачь, отбил от своих вельмож. Оставался при нем только визирь.

Халиф сильно проголодался. В одном пустынном месте они увидели черный шатер. Подошли. Оказалось, живет в нем араб, и было у него всего три козы и больше ничего за душой. Они сошли с коней и спросили чего-нибудь поесть. Араб заколол козу, сварил мясо, принес и предложил им. Халиф не съел ничего, кроме мозгов.

Араб спросил визиря:

— Почему халиф ничего не ел?

Визирь отвечал:

— Такая у него привычка, он не ест ничего, кроме мозгов.

Араб встал, заколол остальных двух коз, приготовил мозги и подал халифу. Визирь сказал халифу:

— Ваше величество видит, что сделал это бедный, смиренный араб? Так не поступит и щедрый богач. Сколько бы ни истратил богач, клянусь твоей головой, у него останется в тысячу раз больше, а у этого не было ничего, кроме коз, и он их всех заколол и зажарил для тебя.

Халиф отдал арабу свой посох и приказал:

— Приходи ко мне, никто не посмеет закрыть перед тобою мою дверь, я осыплю тебя милостями.

Халиф уехал в тот же день, а на завтра араб, прихватив с собою посох, отправился к нему, отворил дверь и вошел. Халиф молился, стоя спиной к дверям. Он не видел араба. Араб спросил:

— Что делает халиф? Он то падает ниц, то встает.

Слуги объяснили:

— Он молится.

Араб не только не умел молиться, но даже не слышал имени бога. Он спросил:

— О чем он просит?

Они ответили:

— Он молит бога о богатстве.

Тогда араб сказал:

— Если он просит другого, стоит ли мне его просить? Я попрошу того, у кого он просит, и он мне даст.

И ушел.

Халиф не узнал ни о том, что араб приходил, ни о том, что он ушел.

Араб воротился в свой шатер и стал проделывать то же, что проделывал халиф, приговаривая при этом: «Ты, кого халиф молит о богатстве, даруй его и мне, я же бедный».

Прошло несколько дней. Араб снял свой шатер и разбил его в другом месте. Когда он копал землю, чтобы поставить шатер, открылась глубокая яма, наполненная серебром и золотом. Он засыпал яму, взял посох, пошел к халифу и склонился перед ним. Халиф сказал:

— Почему ты до сих пор не приходил ко мне?

Араб рассказал ему все, как было.

— Я помолился тому, кому ты молишься, и он даровал мне яму, полную серебра и золота. Дайте мне писца, пусть возьмут клад и доставят его вам.

Халиф приказал послать писца и пересчитать сокровища. Тогда визирь посмотрел на него и сказал:

— Были три козы у бедного араба, и он заколол их ради тебя; ты обещал наградить его, но он ни о чем тебя не просил; бог ему дал, а ты отнимаешь у него и это?

— О царь, эту притчу я рассказал тебе к тому, что судьба благосклонна к человеку, если благосклонен к нему его господин. Если бы ты меня убил, злосчастной была бы моя судьба.

Царь сказал:

— Горечь подступила к сердцу и привела к этому; хоть бы не знать мне впредь горя, вот о чем молю я бога.

Рассказал Леон притчу:

ПОИСКИ ЧЕЛОВЕКА, НЕ ЗНАВШЕГО ГОРЯ

Был некий великий царь, щедрый, любивший пиры, гроза всех не покорных ему. Был у него мудрый и красноречивый визирь.

Царь спросил визиря:

— Великие заботы терзают меня, хочу, чтоб ты нашел человека, который каким-нибудь способом облегчил мне бремя.

Визирь отвечал:

— Нет на земле человека, который не знал бы забот и горя. Ты — царь, в твоих руках все, что дает радость. Развлекайся, как тебе угодно.

Царя это задело, и он сказал:

— Как же так? Неужели нет на свете человека, не знающего забот и горя?

Визирь ответил:

— Нет такого, клянусь твоим величием.

Царь не стал его слушать, покинул трон, надел другую одежду, сел на коня, взял с собою немного золота и уехал. Никого он не позвал с собою — ни раба, ни гонца, ни вельможу.

Он объехал все страны мира и очутился возле сада дивной красоты. Каких только чудес не было там за беломраморной оградой. Он вошел и увидел луг, подобный изумруд; на нем благоухали цветы. До царя доносились соловьиный рокот, пение дроздов, щебет ласточек. Ничего приятнее не могло услышать человеческое ухо, ничего прелестнее не мог увидеть глаз. Посреди сада стоял разукрашенный шатер; вокруг сладостно струились родники и ручьи.

Десять человек сидело под шатром, стариков и молодых; стол с яствами стоял перед ними, они предавались шумному веселью. Сливались воедино благоухание цветов и плодов, птичье пение и сладость вина. В людях этих нельзя было обнаружить ни малейшего признака печали.

Царь подошел. Они приветствовали его, усадили и задали пир, прекраснее которого невозможно себе представить. Так пировали они три дня кряду. Царь сказал им:

— Я искал людей, не знающих горя, и вот нашел вас.

Они отвечали:

— Мы не те, кто не знает горя. Ты набрел на самых несчастных из тех, кого постигла печаль. Ничего, кроме этих пиров, не осталось у нас в жизни. Ты напрасно трудился!

Каждый поведал ему историю своих горестей.

Первый сказал:

ЦАРЬ АРАВИЙСКИЙ

Я был царем Аравии и обладал несметными богатствами. Когда я уходил на войну, главный мой повар сказал мне: «У меня девять тысяч верблюдов, но их недостаточно для того, чтобы перевезти твою кухню, прикажи дать больше». Кроме всего прочего, вот к какой привычен я был роскоши!

На следующий день мы сразились с врагом. Враг одержал победу, истребил мои войска и взял меня в плен. Они не признали во мне царя и, связав, бросили в конюшню. Пришел конюх, сварил мясо в маленьком котелке и вышел. В дверь вбежала собака и стала лакать. Я крикнул,

чтобы ее прогнать. Она нечаянно сунула голову в дужку котелка, подняла его и утащила. Я громко рассмеялся. Возвратился конюх и спросил, чему я смеюсь. Я ответил:

— Вчера и девяти тысяч верблюдов было мало, чтобы везти мою кухню, а сегодня она и собачонке под силу. Вот чему я смеюсь.

Признав во мне царя, отпустили. Стыд помешал мне вернуться домой, и вот здесь я набрел на этот сад. Я ли не знаю горя?

Второй сказал:

СЫН КОБУЛЕТСКОГО ЦАРЯ

Я сын кобулетского царя, и было много у меня всякого добра.

Был у меня могущественный враг. Я превосходил его отвагой, он меня — богатством. Была у меня жена. Утренняя звезда меркла рядом с нею. Брови ее были чернее воронова крыла. Майская роза из зависти к ней не спешила распуститься и, мечтая перенять цвет ее лица, куталась в свежие серебристые покровы. Кипарис дивился стройности ее стана. Я обладал ею и был счастлив.

Однажды, когда я уехал на охоту, пришел тот царевич, мой враг, и похитил ее. Не помогла мне моя отвага.

И вот я покинул свое царство. Стыдно мне было оставаться в нем, и я пришел сюда. Я ли не знаю горя?

Третий сказал:

ОСКОПЛЕННЫЙ

Я — римлянин, был богат и знатен, владел поместьями и городами. Не было у меня других забот на дню, как охотиться и пировать, пить и есть, наряжаться и дарить.

Готовился я справить свадьбу и пошел в баню. Когда я сбривал волосы на теле, рука дрогнула и я бритвой отсекал себе член. Стыд обуял меня, не вернулся я домой и вот пришел сюда. Я ли не знаю горя?

Четвертый сказал:

28

СЫН ГРАНДУКА

Послушайся моего совета, возвратись лучше домой и займись своими делами, потому что наши горести тяжелее, чем их может выразить человек и чем в силах высказать язык.

Царь стал умолять, чтобы он рассказал о себе.

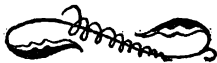
И он рассказал:

— Я — сын могущественного дука. Отец любил меня так сильно, что отдал бы свою душу, только бы избавить от горя. Он дал мне в жены дочь одного знатного человека, такую красавицу, что и месяц в полнолуние не мог с нею сравниться. Я очень ее полюбил. Однажды я вошел к ней неожиданно: рядом с моею женою сидел мой раб и забавлялся с нею. Увидев меня, они убежали. Я призвал этого раба, отдал ему женщину и сказал ей так:

— Ты не достойна оказанной тебе чести, так пусть и не будет ее у тебя.

Как мог я, опозоренный, предстать пред моим отцом? Вот и пришел сюда. Я ли не знаю горя?

Пятый сказал:

29

СПАСПЕТ КЕСАРЯ

Я был спаспетом кесаря. Кесарь повелел мне выступить в поход. Мы сразились с врагом. Мое войско потерпело поражение, я один спасся бегством. Разгневанный кесарь приговорил меня к смерти. Мне удалось ускользнуть от стражи. Во время бегства пал подо мною конь; усталый, я пешком добрался домой. Но жена у меня была уродливая, болтливая

и злоязычная. Она всячески поносила меня; я не мог оставаться с нею и пришел сюда. Я ли не знаю горя?

Шестой сказал:

КАМЕНОТЕС

Я был каменотесом и зарабатывал ежедневно по одному аспанури. На эти деньги я покупал питье и еду, подавал нищим, кормил их, ел сам, а остатки кидал собакам. Я ничего не сберегал на завтра. Так жил я изо дня в день.

Однажды пришел ко мне в гости некий божий человек, увидел, как я живу и работаю, и воззвал к богу:

— Зачем ты держишь в нищете раба своего? Дай и ему разбогатеть.

Ангел ответил ему:

— Мы знаем его нрав: если даруем ему богатство, он все равно не управится с ним.

Оказывается, божий человек поручился за меня. Я не подозревал ни об этом богатстве, ни о благодеянии, которое было мне оказано. Однажды я отколол камень от скалы. Показалось отверстие. Я проломил его и увидел несметное сокровище — много отличного золота. Тайком перета-скал его, ушел в чужую страну и так возвысился, что меня сделали великим визирем при царе той страны. Перед моей дверью стояло сто стражей с золотыми жезлами. Я не помнил больше ни о нищих, ни о боге, до того стал жаден.

Ангел рассказал об этом моему поручителю и послал его ко мне.

Он пришел к моим дверям, чтобы повидать меня и вразумить. Но разве кто допустил бы ко мне? Его сильно избили и прогнали. Тогда ангел сказал моему поручителю:

— Что скажешь теперь о том, за кого ты поручился?

Он ответил:

— Что делать? Моя вина, поступайте со мною, как хотите.

— Если ты не будешь в обиде, я заставлю его снова поискать свою кирку, не то он натворит еще много бед, потому что богатства и почести не всякому по плечу. Лучше ему быть бедняком.

А я даже не довольствовался тем, что у меня было. Я задумал убить царя и овладеть его царством. Царь узнал об этом, умертвил всех моих

людей и отобрал мое имущество. Я бежал и попытался снова удовольствоваться тем, что приносит мне моя кирка, но страха ради не решился оставаться на месте и пришел сюда. Я ли не знаю горя?

Седьмой сказал:

БОГАЧ ПЕРС

Я — перс и был богатым, именитым купцом. Жена моя блеском своей красоты затмевала утреннюю зарю. Ее косы были подобны аркану, а стан — тростнику. Я поселил жену в доме, поистине достойном ее.

Слава о ней дошла, как оказалось, до сына эдесского царя. Нарядившись богатым купцом, он пришел ко мне и сказал:

— Давай побратаемся, поклянемся друг другу. Продай с выгодой мои товары, помоги мне нажиться, и я уеду, преисполненный благодарности.

Я принял его речь за правду, оказал ему великий почет, поселил его в доме по соседству со мною.

Но он разыскал старуху ворожею и стал засылать ее ко мне в дом. Женское сердце податливо, и он прельстил мою жену. Женщина предпочла быть царицей и отвернулась от купца.

Царский сын прорыл ход от своего жилья к моему дому. Он взял у моей жены серьгу, принес ее мне и сказал:

— Я только что купил ее, какая ей цена?

Я тотчас же узнал серьгу, но не подал виду и сказал:

— Удачно, говорю, куплено!

И поспешил домой посмотреть, где серьги. Однако, прежде чем я успел возвратиться, он; пройдя подземным ходом, отдал серьгу моей жене. Я пришел домой и попросил ее показать мне серьги.

Она принесла их, я изумился и рассказал жене, что видел только что такую же серьгу. Но в сердце своем она плела, оказывается, дьявольскую сеть и ответила мне так:

— Драгоценности так же похожи друг на друга, как человек на человека.

На следующий день он принес мне ожерелье. Я узнал ожерелье жены, опять пошел домой и увидел его. Жена сказала мне то же, что вчера, и я подумал, что и в самом деле тот человек купил другое, похожее оже-

релье. Он показывал все новые и новые драгоценности, которые принадлежали мне, но я не подозревал обмана. Однажды он сказал:

— Я купил женщину и хочу взять ее в жены. Приходи посмотреть: если она понравится нам обоим, я женюсь на ней.

Я пришел, взглянул — и ужас объял меня. Я сказал самому себе: «Ведь вещи, которые он мне показывал, были схожи с моими; может статься, что и эта женщина похожа на мою жену; если скажу хоть слово, а она окажется дома, мне будет стыдно».

Я сказал, что женщина мне нравится, и поспешил домой. Пока я дошел, моя жена успела возвратиться подземным ходом. Оказалось, что над отверстием хода было постлано ложе, — мог ли я догадаться, что существует этот путь? Я вошел, она была дома; я удивился и рассказал о сходстве с ней той женщины. Она оскорбилась и ответила мне так:

— Даже утренняя заря не сравнится со мною. Верно, вид распутной девки замутил твои глаза, и ты уподобляешь ее мне!

Я вышел из дому, тот человек простился со мною и сказал:

— Будь моим дружкой, сопровождай меня!

Я снарядился в дорогу, оставил жене деньги на обычные расходы. Он вывел женщину, взял меня с собою как дружку, и мы отправились в путь.

Я ни о чем не догадывался, пока не возвратился домой. Что мне было делать: разве мог я после этого остаться дома? И вот пришел сюда. Я ли не знаю горя?

Восьмой сказал:

СЫН ВАЛАШКОГО ЦАРЯ

Я — сын валашского царя. Воспитывали меня так, как положено у царей. Мой отец сватал за меня дочь одного знатного человека, но она умерла во время сватовства. Он посватал другую — эта умерла тотчас же после обручения. Посватал третью — царскую дочь; позвали меня на пир — умерла и царская дочь. Отец посватал четвертую и привел ее. Красотою она была подобна Сатурну. Щеки ее были прекраснее граненого яхонта, глаза соколиные. Но и она умерла сейчас же после свадьбы. Он женил меня на пятой, которая была еще красивее. Она зачала, родила младенца, и оба они умерли. Отец сказал мне так:

— Что же мне делать, сын мой, я готовил тебя в цари, но судьба твоя так превратна. Кто в силах распутать ее узел? Никому не постичь твой жребий. Уйди от меня.

Я пришел сюда. Я ли не знаю горя?

Девятый сказал:

БУГДАНСКИЙ ВЕЛЬМОЖА

Был я вельможей в Бугдане. Было у меня девять сыновей, и не знал я счету своим богатствам. Владел я неприступной для врагов крепостью, никого, кроме бога, не боялся, ни от кого не ждал измены или нападения. Восемь моих сыновей были покорны мне, и только девятый был очень строптивый и злой.

Болезнь закралась в мой дом. Она погубила мою супругу, дочерей и восемь покорных сынов. Остался мне тот непокорный и проклятый, но он был мне сыном, не мог же я убить его! Он роздал мои сокровища чужим людям, привлек их на свою сторону, а меня изгнал. Мне нельзя было оставаться там, и я пришел сюда. Я ли не знаю горя?

Десятый сказал злобно:

— Если ты царь, зачем покинул свое царство и без толку скитаешься по свету? Если есть у тебя стыд, неужели ты не пресытился столькими позорными речами? Пристойно ли царю слушать их? Уходи! Пока я жив, не расскажу тебе моей истории и никто не заставит меня это сделать. Лучше уйди и управляй своим царством.

Тогда один из них сказал:

— Если ты царь, зачем бросил свое царство?

Царь ответил:

— Я искал человека, который не знает горя.

Второй сказал:

— Если ты царь, почему такой невежда? Нет среди рожденных женщиною человека, не знающего горя.

Царь ответил:

— Мой визирь много толковал об этом, но я не стал его слушать.

Третий сказал:

— Если у тебя такие разумные слуги, предоставь им царствовать и повинуйся им.

Четвертый сказал:

— Потому-то и пошел ты скитаться ради столь прекрасного царственного дела, что не слушался своих визирей!

Пятый сказал:

— Если ты скитаешься из-за столь недостойных дел, почему отец не сделал тебя скороходом?

Шестой сказал:

— Если бы ты не был нищим, не позволил бы себе скитаться и бродяжить без дела!

Седьмой сказал:

— Если бы он был царем, он послал бы на поиски слуг, а сам спокойно сидел бы дома.

Восьмой сказал:

— В чем вы его обвиняете и зачем досаждаете ему? Нечего ему было делать, вот он и ушел. Есть такая пословица: «Дурная работа лучше дурного безделья».

Девятый сказал:

— Дай вам бог испытать такое же гостеприимство, какое вы оказали ему! Царь пожаловал к вам, а вы его хулите.

Десятый сказал:

— Он достоин поношения, а вы его только укоряете.

Царь покинул те места и возвратился в свое царство. Он осыпал почестиями своего визиря и рассказал ему все, что с ним произошло.

Леон сказал царю:

— О царь, нет на свете никого, кто бы не изведal горя. Если каждый раз, когда тебя одолевает горе, ты не выслушаешь человека, что же с ним будет и что он скажет потом о тебе?

В царях угодны богу три добродетели: кротость, смирение и великодушие. Приемлет господь благосклонно от царей: неподкупное правосудие, милосердие и великую любовь ко всем.

Народы мечтают о справедливой суровости царей, о чистосердечной правде и неистощимой щедрости.

Вельможи взывают к царям: о достойном, ласковом обращении, о сочувствии в горе и в радости, о приятных пирах.

Воины хотят от царей: быстрого коня, надежного оружия и признания заслуг.

Нищие жаждут от царей: раскрытых дверей, милостыни и доброго напутствия.

Слуги домогаются от царей: обильного стола, постоянного жалованья и пренебрежения к наветам.

Визиря хотели бы от царей: внимания, готовности выслушать и следовать их советам.

Жалобщики ищут у царей: благосклонности к жалобам, терпения и нелицеприятия.

Купцы ждут от царей: умения судить о драгоценных камнях и тканях, платы сообразно стоимости и запрета брать даром.

Путешественники добиваются от царей: защиты от разбойников, взимания пошлины согласно закону и безопасных караван-сараев.

Оклеветанные умоляют царей: об очной ставке с клеветником, о приговорах без гнева и о праве защищать себя.

Узники вызывают к царям: о прощении вины, о милосердии вместо гнева, о лицемерии царя.

Это и есть закон для царей, это и есть их дар народам, это и есть надежнейшая твердыня их войска, это и есть ограда их городов. Кто все это исполнит, тот вместе со страной своей утвердится на прочном основании.

Рукха, евнух, сказал Леону:

— Если ты знаешь столько хорошего об обязанности царей, не лучше ли было бы выучить этому Джумбера, чем избивать и морить его голодом?

Рассказал Леон притчу:

БЕЗБОРОДЫЙ И КАДИЙ

Жил в одной деревне в большой нищете некий безбородый, безусый человек. Была у него всего одна хорошо откормленная корова. Он сказал жене:

— Продам корову, может быть, удастся купить одежду для себя и для тебя.

Погнал он корову в город, и встретился ему по пути другой безбородый. Тот стал торговаться и предложил за корову три марчили, а хозяин коровы требовал четыре. Так им и не удалось столковаться.

Тогда безбородый горожанин ушел, обегал все рынки и сказал мясникам:

— Безбородый человек ведет на продажу хорошо откормленную корову. Говорите ему все в один голос: «Да это же коза, мы и заплатим за козу!»

Потом отправился к кадию, рассказал ему о безбородом, пообещал коровью шкуру.

Мясники, как увидели приближавшегося к ним человека с коровой, стали предлагать ему полмарчили.

— Продай нам эту козу,— говорили они.

Безбородый обиделся и возразил им:

— Корову величиною с верблюда вы норовите купить по цене козы!

Те отвечали:

— Это и есть коза.

Поспорили и пошли к кадию, пусть он рассудит. Но кадий подтвердил, что это коза. Он ведь рассчитывал получить шкуру на обувь, и кто позволил бы рассуждать безбородому?

Дали ему полмарчили, отобрали корову и закололи ее. Безбородый, опечалившись, сказал:

— Пословица гласит: «Хозяину козла и хвоста не досталось»,— отдайте мне по крайней мере хвост.

Взял он хвост и ушел.

Спустя некоторое время у кадия умерла жена. Безбородый прослышал об этом. Он взял шаль и платье своей жены, переоделся женщиной, опоясался под платьем коровьим хвостом и пришел к дверям кадия. Кадий вышел, увидел женщину и принял ее за просительницу. Она сказала ему так:

— Я не просительница, я вдова, осталась без опоры и хочу наняться к тому, кто станет меня кормить.

Кадью это было весьма приятно, потому что он остался без жены. Он ввел ее в дом и сказал слугам:

— Ступайте на эту ночь по домам, отдохните.

Он хотел лечь с нею.

Когда они остались одни, женщина сказала кадию:

— Разденься догола, иначе я с тобою не лягу,— такая уж у меня привычка.

Кадий дался в обман и разделся догола. А безбородый снял коровий хвост и сказал ему:

— Кадий, чей это хвост?

Кадий отвечал:

— Коровий.

Безбородый сказал:

— Зачем же ты заставил меня продать корову по цене козы?

Он кинул кадия на землю и избил его хвостом до полусмерти. Слуги были далеко, помочь было некому.

Безбородый покинул дом и скрылся.

Путру слуги долго ждали, но кадий не появлялся. Они вошли в дом и видят: лежит кадий весь опухший, женщины же при нем нет. Они с большим трудом привели его в сознание и узнали обо всем, что произошло.

Поправившись, кадий собрался в баню, чтобы натереть избитые места целебным бальзамом.

Безбородый узнал об этом, пришел к содержателю бани и сказал:

— Я весьма искусный цирюльник, позволь у тебя прислуживать.

Содержатель бани охотно выслушал его и сказал:

— Экой ты счастливец, ведь сегодня сюда пожалует кадий!

Безбородый опоясался под передником коровьим хвостом и стал ждать.

Пришел кадий. Цирюльник всячески старался угодить. Кадий остался доволен и потребовал, чтобы тот умастил его. Цирюльник сказал слугам:

— Сейчас я начну его натирать, это больно. Но если он будет стоять и кричать, пусть никто из вас не входит, я сам выйду и скажу, если он чего-нибудь пожелает.

Так он обманом удалил слуг, вытащил коровий хвост и спросил кадия:

— Чей это хвост?

Кадий умолял, клялся щедро одарить, но безбородый повалил его и избил до полусмерти.

Цирюльник вышел и сказал слугам:

— Он спит, не входите, не будите его... А я принесу еще лекарств.

Безбородый оделся и ушел. Когда слуги вошли, то увидели: кадий во все не натерт мазями, а лежит, жестоко избитый и весь распухший. Его подняли, положили на войлок, отнесли домой и уложили в постель.

Придя в сознание, кадий сказал:

— Не будет мне здесь житья от этого безбородого. Он снова заманит меня в какую-нибудь опасную ловушку. Наймите верблюдов, я уеду в Каабу.

Слуги принялись искать, а безбородый уже нанял у кого-то верблюдов на три дня и сам провел их мимо ворот кадия. Его спросили о верблюдах, и он ответил:

— Ищу кого-нибудь, кто бы их нанял.

Слуги обрадовались, доложили кадию и наняли тех верблюдов. Пристроили к спине одного из них сиденье; кадий уселся и, забрав все свое имущество, пустился в путь.

Погонщик верблюдов рассказывал ему в пути сказки, кадий был доволен.

Кадий приказал слугам:

— Идите вперед в деревню и приготовьте ночлег, ячменя, соломы и чего-нибудь поесть. А мы с погонщиком не спеша поедem вслед.

Когда слуги удалились, безбородый рассказал ему в виде сказки обо всем, что произошло между ним и кадием.

Кадий сказал:

— Я уже не раз это слышал, расскажи что-нибудь другое.

Безбородый ответил:

— Но я буду говорить о том, от чего болит мое сердце, какое мне дело до другого!

Он сбросил кадия с верблюда и бил его коровьим хвостом до тех пор, пока тот не испустил дух; потом, повернув обратно, захватил с собою верблюдов и все имущество кадия и удалился.

— Знаю я, царь, что твой Рукха готовит мне нечто подобное; так избавь же меня сейчас от него, позволь уйти.

Рассказал царь притчу:

СИЛА ЕДИНЕНИЯ

Жил некий великий царь. Было у него тридцать сыновей. Когда пришел час его смерти, он позвал к себе сыновей, приказал подать тридцать стрел, перевязал их крепко-накрепко и попробовал согнуть — онигнулись, но не ломались. Тогда он стал гнуть их поодиночке — и переломал все до единой. Он сказал сыновьям:

— Если вы будете вместе и стоять на одном, врагу так же не удастся сломить вас, как мне эти связанные стрелы. Но если вы разойдетесь, разделитесь, враг сокрушит всех поодиночке и истребит вас самих, ваших родичей и доброжелателей.

— Так и с вами. Если вы будете жить в согласии, то и царство мое будет незыблемым. Но вы враждуете и погубите мое дело.

Правила для визирей: сколько бы их ни было, они должны быть единоплеменны; разум и совет одного, каким бы мудрым он ни был, без участия товарища не могут быть безошибочны; невозможно не совершить хотя бы одного тяжкого промаха, а от одного промаха может произойти много вреда. Вот почему всегда следует предпочесть совет двоих или троих. Визирь должен любить друг друга. Не годятся визири, которые враждуют и полны неприязни к людям.

Если визирь предан государю, он должен обратить своего врага в друга, должен простить ему хотя бы тяжкое оскорбление; они должны объединиться сердцами, и царство их повелителя будет незыблемым.

Визирь должен хранить тайны. Если между визирями вспыхнет вражда, они, взаимно враждуя, выдадут тайну.

Они станут клеветать и обвинять друг друга: «Вон тот, нет, вон этот раскрыл ее».

Всякий визирь должен стремиться к тому, что более всего полезно для царства и его повелителя.

Если царь окажет милость одному, другой, его недруг, станет изменником.

Визирь должен быть благочестив, должен быть советником, исполненным благоразумия и мудрости, но, когда человек видит своего врага, сердце его закипает и он теряет разум и сообразительность.

Визирь должен взвешивать каждое слово другого и принимать наилучшее решение. Люди, враждебные друг другу, никогда не взвешивают чужих слов. Стоит им взвесить их, и они сблизятся.

Визирь могут укрепить царство, но могут погубить и царство и царя.

Леон сказал царю:

— Ваше величество изволит изрекать истину. Но этот скопец заставил меня раскаяться в том, что я имею честь состоять при тебе.

И рассказал Леон притчу:

ВОЛК В КУЗНЕЦАХ

Однажды волк напал на осла и хотел его сожрать.

Осел сказал ему:

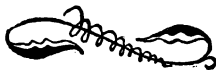
— Знаю, ты съешь меня, но исполни мое последнее желание: у меня в копыте застрял осколок гвоздя, вытащи его.

Волк разинул пасть и потянулся к ноге осла, чтобы вытащить осколок. Осел лягнул обоими копытами и выбил ему зубы. Таким образом, волк уже не мог съесть осла.

Волк сказал:

— Отец-то мой был чувячником, нечего мне было лезть в кузнецы.

Рассказал Рукха притчу:

СЫН ВОРА

Жил в окрестностях Тавриза некий вор; когда ему ничего не попадалось под руки, он выкапывал мертвецов, снимал саваны, красил их и сбывал.

Жители того края тяжело от него страдали и желали ему смерти.

Умер этот человек, остался после него сын. И вышел из него такой вор, подобного которому не было на свете: он выкапывал мертвецов, снимал с них саваны, а мертвецов сажал на кол.

Жители той страны стали добром почитать его отца: тот, говорили они, снимал саваны, но по крайней мере не сажал покойников на кол.

— Клянусь головою царя, ты заставишь нас почитать добром твоего отца, ибо ты превзошел его в злобе.

Рассказал Леон притчу:

ЗЛОВРЕДНЫЙ ПОКОЙНИК

В одной деревне, в стране Кларджети, был глашатай, человек злой, раздражительный, враждовавший со всеми. Он притеснял деревню и вконец разорил ее: измышлял какую-нибудь вину, доносил татарам, и те взыскивали с жителей много серебра.

Но вот пришел день его смерти. Он созвал к себе всю деревню и сказал так:

— Во многом я виновен перед вами, и так как вы при жизни моей не могли мне отомстить, то заклинаю вас богом: когда умру, накиньте мне на шею веревку, выволоките из дому и повесьте на дереве.

Жители поддались на его уловку и, когда он умер, поступили с ним так, как он завещал. Какой-то татарин, увидев висевшего на дереве глашатая, пошел и сказал кадию:

— Повесили нашего глашатая.

Татары послали в деревню своих людей и взыскивали с жителей тысячу марчи.

Все стали бранить глашатая:

— Он грабил нас при жизни, а после смерти совсем разорил.

— Ты хочешь, пока жив, погубить меня подобно ему, а мертвый повредишь и того хуже. Знаю, мне не спастись от тебя.

Рукха сказал Леону:

— Не стремлюсь я к тому, чтобы тебя умертвили или изгнали. Я желаю лишь наилучшего для своего царя; но, если ты останешься при нем, это причинит ему большой ущерб.

Рассказал Рукха притчу:

39

ЖЕМЧУЖНИЦА И РАК

Когда жемчужница плавает в море, она раскрывает рот, однако, увидев рака, тотчас его закрывает.

Рак, подплыв к жемчужнице, приставляет клешню к самому ее рту. Стоит ей слегка приоткрыть рот, и рак тотчас же засовывает клешню, постепенно забирается внутрь и выедает все, что есть в ней живого.

— Ты желаешь того же, но еще не нашел жемчужницы с открытым ртом, вот почему в твоих словах столько кротости.

Рассказал Леон притчу:

40

ПРОДАВЕЦ ФРУКТОВ И ПАСТУХ

В городе Багдаде был такой обычай: кто придет к торговцу фруктами и даст два гроша, может съесть хурмы, сколько ему захочется.

И вот пришел пастух, живший за городом, дал продавцу, сколько полагалось, уселся и съел хурмы на полмарчили.

Продавец сказал ему:

— Не ешь так много, у тебя, брат, заболит сердце.

Пастух ответил:

— Не беспокойся обо мне, я знаю, у кого от этого болит сердце.

— Так вот, я тоже прекрасно знаю, кому мое пребывание здесь вредно или полезно, приятно или неприятно.

Царь сказал Леону:

— Вижу, как ты красноречив и сладкоречив, и вы с приятностью проводите время в беседах. Но мне до сих пор неизвестно, какие знания приобрел мой сын. Покажи мне его.

Леон ответил:

— О царь, пошли за ним, вели ему прийти, расспроси — тогда и узнаешь.

Послал царь паличника, приказал позвать своего сына Джумбера, но тот не пришел.

Он послал дворецкого¹, но царевич не пришел и с ним.

Послал старшего стольника, но и с ним не пришел.

Послал визиря, но царевич не пришел.

Тогда он послал хранителя казны.

И вот Джумбер сел на слона и прибыл. Он сошел со слона, развязал пояс, кинул на слона, собрал в одну руку пригоршню земли, в другую взял камень, поднес и то и другое отцу и, склонившись перед ним, облобызал его руку.

Сказал царь своему сыну:

— О жизнь моего сердца, свет моих очей! Я послал за тобою паличника, почему же ты не пришел?

Джумбер ответил:

— Я не чувствовал за собою никакой вины.

Царь сказал:

— Я послал за тобою дворецкого, и ты не пришел.

Джумбер ответил:

— Я не слуга, он не властен надо мной.

Царь сказал:

— Почему ты не пришел со старшим стольником? Он ведь знатнейший из моих князей.

Джумбер ответил:

— Кто же тут хозяин, если мне идти за стольником, приглашающим гостей?

Царь сказал:

— Почему ты не последовал за моим визирем?

Джумбер ответил:

— Разве я домогаюсь престола? Боже меня сохрани, визирь должен находиться при царе.

Царь сказал:

— Почему же ты пришел с хранителем казны, ничтожнейшим из моих слуг и негодным воином?

¹ Дворецким называли в старину начальника царских палат, ведавшего дворцовым хозяйством и прислужой.

Джумбер почтительно сказал:

— Для других он ничтожен, и к ним посылать его не следует, но за мною нужно было послать хранителя сокровищ: я ведь твое сокровище, твой клад, твое богатство.

Царю понравились эти слова, и он спросил Джумбера:

— Почему ты прибыл ко мне на слоне?

Джумбер ответил:

— Этого требует достоинство, потому что человек царского рода и вельможа должны сидеть высоко.

Визирь сказал ему:

— Почему ты снял пояс и оставил его на спине слона?

Джумбер ответил:

— Когда царь или вельможа поспешно покидают свое место, они должны оставить там, где сидели, знак своего достоинства и помнить, что место это — выше звезд, иначе они все потеряют.

Пословица гласит: «Камень тяжел, пока лежит на месте, сдвинешь с места — и станет легким».

Отец сказал ему:

— Почему ты поднес мне землю и камень?

Сын отвечал:

— Земля означает: каким бы великим и могущественным царем ты ни был, знай: ты — прах и в прах обратишься; угодное богу ты должен предпочесть угодному людям. Камень же означает: если ты не пользуешься своими сокровищами, тогда для тебя нет никакой разницы между золотом и камнем.

Рассказал Джумбер притчу:

41

СКУПЕЦ И ЗОЛОТО

Некий человек зарыл в землю очень много золота. Каждый день он приходил взглянуть на это место. Заметил это другой и сказал:

— Пойду-ка, разрою то место, куда этот человек так часто навдывается, посмотрю, что там.

Пошел он ночью, вырыл золото, унес его, а вместо него зарыл большой камень.

Тому человеку захотелось полюбоваться на свое золото, стал он рыть и увидел вместо золота камень.

Он горько заплакал. Пришел к нему тот, кто украл, и спросил:

— Почему ты плачешь?

Он ответил:

— Я зарыл здесь золото, не желая его тратить. И вот украли его у меня и вместо золота положили камень.

Сказал ему тот человек:

— Горе тебе! Почему же ты плачешь? Не все ли тебе равно, золото или камень лежит в земле, раз ты не хотел его тратить?

— О царь, так же и с сокровищницей. Все равно, что сохраняется в ней, если не будешь тратить свои сокровища и не употребишь их на благо.

Отец сказал ему:

— Значит, ты полагаешь, что сохранять достояние вовсе не следует?

Джумбер ответил:

— Не иметь достояния плохо, но еще хуже — иметь и плохо им пользоваться.

Рассказал Джумбер притчу:

БОГАЧ И НАСЛЕДНИК-ПРОПОЙЦА

У одного богатого купца был сын. Умирая, отец сообщил ему все, что тому надлежало знать, но триста литр свинца доверил одному из слуг, наказав сохранить и не говорить сыну до тех пор, пока не явится в нем надобность.

Купец умер.

Сын его был пьяница и бражничал с пьяницами. Он промотал все нажитое отцом и даже продал драгоценности своей жены. Он обеднел; и когда слуги увидели, что у хозяина ничего не осталось, потеряли к нему всякую любовь.

Тогда он вспомнил о свинце и спросил слугу:

— Куда ты его запрятал? Отец доверил тебе триста литр свинца, принеси его сюда.

Пошел слуга, возвратился плача и сказал:

— Я зарыл свинец в землю, но мышь съела его.

Тог не поверил, но собутыльники подтвердили:

— Верно, так оно и случилось.

Сын купца совсем обнищал. Хотелось ему пображничать с товарищами, но у него не оказалось ничего, что бы, идя к ним, взять с собою.

Тогда он пошел, снял с жены лечаки, продал, купил на эти деньги хлеба и немного сыру, захватил с собою и то и другое и отправился к товарищам.

Те пили, расположившись в саду. Когда он подходил к воротам, ему захотелось помочиться. Он положил на землю хлеб и сыр, а сам загляделся на пирующих собутыльников.

В то время как он мочился, подошла собака и съела и хлеб и сыр.

Он вошел в сад к своим товарищам. Но те позабыли и его гостеприимство и сколько он на них потратил и не только не отплатили тем же, но стали его бранить:

— Как же ты явился с пустыми руками?

Стало ему стыдно, и он ответил:

— Я нес хлеб и сыр, но собака все съела.

Слуга, бражничавший вместе с ними, засмеялся и сказал:

— Он лжет! Как могла собака сожрать все это?

Человек заплакал и ответил ему:

— Да поразит тебя гнев господень! Если мышь съела триста литр свинца, отчего бы большому псу не одолеть один хлеб и немного сыру?

И ушел в слезах.

Тогда слуга встал, догнал его и сказал:

— Теперь ты понял, насколько был неразумен? Зачем ты расточал свои богатства? Кто отблагодарит тебя за это? Отныне слушайся меня и больше не бражничай. Опомнись! Ведь тот свинец все еще у меня. Я знал, что наступит этот день, и если бы отдал тебе раньше, ты бы и его промотал. А впредь дай тебе бог употребить свое добро с пользой для себя.

И сын купца стал разумно пользоваться своим добром. Выучившись торговать, он снова сделался богатым купцом.

— Хорошо иметь много добра, если человек разумно им пользуется, в противном случае нищий лучше неразумного богача. Испокон веку говорится: «Бедняк сказал: я лучше всякого царя, потому что мне достаточно того, что у меня есть, и я вполне этим довольствуюсь; а цари, даже завладев всей землею, все равно никак не удовлетворятся и не насытятся».

Царь спросил его:

— Поскольку ты полагаешь, что можешь поучать мудрости, скажи мне, что для человека самое приятное и что для него самое неприятное и трудное?

Рассказал Джумбер притчу:

ЦАРЬ И ТРОЕ СЫНОВЕЙ

Был славный царь, и было у него трое сыновей.

Царь сказал:

— Испытаю сыновей: кто из них обладает разумом, необходимым, чтобы править царством?

Он спросил всех троих:

— Что самое красивое, что самое тучное и что самое быстрее?

Старший сын отвечал:

— Красива моя жена, упитан мой конь, быстр мой сокол. Лучше их нигде не найти.

Отец сказал:

— Не видать тебе трона.

Второй сын хотел польстить ему и сказал:

— Нет на свете никого красивее царицы, упитаннее царского коня и быстрее царского сокола.

И ему также отвечал царь:

— Не тебе выпадет жребий быть царем.

Затем он спросил младшего, и тот ответил:

— На земле нет ничего прекраснее весны, ничего тучнее осени и ничего быстрее взгляда.

Понравилось это царю, и он избрал его своим наследником.

— Знаю, ты хочешь меня испытать. Но если бы даже я был не годен — где у тебя другой сын или брат, чтобы стать наследником?

Царь сказал:

— Ты прав, в таком случае и следует искать.

Джумбер ответил:

— На краткое мгновение нет ничего слаще греха, но в конце концов он превращается в яд и гибель. Грех приносит в начале радость, а в конце раскаяние. Нет на свете ничего труднее милосердного и доброго дела, но, когда приступишь к нему, оно становится легким; берешься за него с неохотой, но потом оно дает великую радость. Злое и дурное деяние завершается быстрым и гибельным концом, доброе и благое остается вовеки.

Рассказал Джумбер притчу:

ДВА БРАТА

Жили два брата. Старший был женат, имел детей, младший же был холост. Они разошлись, не захотели жить вместе и поделили все, что у них было. Когда поделили зерно, ямы, в которых оно сохранялось, оказались у старшего по одну сторону тока, у младшего — по другую.

Старший брат украдкой брал зерно из собственной ямы, ссыпал его в братнюю яму и говорил:

— Бог дал мне жену и детей, у меня есть кому зарабатывать. А у моего брата нет никого. Пускай этот хлеб достанется ему, пусть он его ест.

Но и младший брат также брал тайком зерно из своей ямы, высыпал его в яму старшего брата и говорил:

— Один я на земле, куда бы ни забрел, легко найду пропитание; у брата маленькие дети, ему больше моего нужно. Пускай этот хлеб достанется ему.

Так и прожили они всю жизнь. Бог приумножил добро обоих братьев, и доля каждого не оскудевала.

Бог способствует процветанию благих и добрых деяний.

Сказал ему царь:

— Зачем же они брали зерно украдкой и ссыпали его в яму, а не отдавали открыто друг другу? Кто бы воспрепятствовал им в этом?

Джумбер рассмеялся и ответил так:

— Сердца человеческие мелки и ограничены, дележ имущества сеет вражду, и люди не стали бы явно делать друг другу добро. Кроме того, доброе дело лучше совершать тайно, потому что тогда оно и перед богом большего стоит: если человек окажет тебе услугу и начнет потом хвастать и кичиться, это покажется тебе обидным.

Рассказал Джумбер притчу:

ЦАРЬ, БРОШЕННЫЙ В ЯМУ

Воевали два царя. Один победил другого, взял его в плен и бросил в яму.

Протекло время. Пришел туда человек, знавший о том, что случилось. Он хотел вытащить царя из ямы и помочь ему бежать. Крикнул он в яму:

— Хорошо ли я сделаю, если помогу тебе убежать?

Царь поблагодарил его.

Тот опустил веревку, вытащил царя и снова спросил:

— Хорошо ли я сделал, что вытащил тебя?

Царь снова поблагодарил его.

В третий раз спросил тот человек царя:

— Хорошо ли я сделал?

Царю это надоело, и он крикнул:

— Эй, кто здесь, этот человек хочет помочь мне бежать!

Подошла стража и схватила обоих. Спросили царя:

— Почему ты выдал себя и не убежал?

Он ответил:

— Этот человек надоел мне своими попреками, еще когда тащил из ямы. Прежде чем мы дошли бы до дому, он бы совсем меня уморил. Я и предпочел остаться здесь.

— Доброе дело надо всегда совершать так, чтобы оно было либо угодно богу, либо приятно человеку.

Царь сказал ему:

— Мне очень нравится твоя доброта. Но откуда ты, дитя, знаешь все это?

Джумбер почтительно ответил:

— Все от бога, и, кроме того, есть еще три причины: первая — я плод доброго дерева, вторая — меня взрастил искусный садовник, третья — меня доверили бдительному наставнику.

Царь спросил:

— Кто же это?

Сын ответил:

— Дерево — это вы, породивший меня; садовник — Седрак-визирь, вырастивший меня; наставник — Леон, поучающий меня.

Тогда выступил вперед Рукха и сказал Джумберу:

— Дважды ты сказал правду, один раз солгал.

Джумбер спросил:

— Которая же ложь?

— О дереве и садовнике ты сказал правдиво и хорошо, о наставнике — лживо и дурно.

Джумбер ответил:

— Если из трех раз я солгал однажды, то все же у меня из трех остаются две правды. Ты же порочен дважды: ты женствен в мужественности своей и, будучи женственным, — не женщина.

Рукха сказал ему:

— Тебя подучил Леон.

Рассказал Джумбер притчу:

ВЕРБЛЮД И ОСЕЛ

Верблюд и осел побратались; у обоих были жестоко ободраны спины, и они тайком убежали от своего хозяина, отправились на летние пастбища и прекрасно откормились в горах. Они забыли о том, какими тощими некогда были и как изъязвлены были их спины. Осел сказал верблюду:

— Хочу, брат, попеть.

Верблюд стал его отговаривать:

— Не делай этого, братец, неужели ты забыл, как мы страдали? Поблизости могут оказаться люди, они услышат твой голос, уведут нас — и придется нам худо!

Осел не послушался и заревел. Уж очень он громко хватил! Поблизости оказались путники, у которых пали верблюды и ослы. Они услышали рев, очень обрадовались и сказали:

— Пойдем поглядим, там какое-то жилье либо стоит караван. Может быть, удастся нанять вьючного осла.

Пришли они и увидели: пасутся верблюд и осел, оба хорошо откормленные и без хозяев. Путники увели их и навьючили на обоих тяжелую поклажу.

Шли долго, осел притомился, стал и ни с места. Люди подняли осла и вместе с поклажей взвалили на верблюда.

Двинулись дальше и вышли на узкую тропинку, пролежавшую над скалистым обрывом. Верблюд сказал ослу:

— Хочется мне, брат, встряхнуться, поплясать и попрыгать.

Осел ответил:

— Нашел тоже место плясать!

Верблюду сказал ему:

— Твоему пению и пляска на таком месте под стать!

Поднялся он с досады на дыбы и сбросил осла. Осел упал со скалы и убился.

— Такой же ответ под стать твоим речам. Ведь все знают, что я обязан своими познаниями Леону.

Рукха сказал:

— О, горе мне! Леон, даже когда был один, искал моей гибели. Теперь он привлёк на свою сторону царского сына, воспитал его так, как хотел, что же со мною станется?

Рассказал Рукха притчу:

ЦАРЬ И СМЕРТЬ

Жил некогда царь, и поклялся он:

— Не дамся я смерти, раньше ее убью!

Чтобы дать смерти должный отпор, он всегда держал наготове боевые доспехи: панцирь, меч и щит.

И вот, когда пришел его час и одолела болезнь, он положил оружие возле себя. Когда ему стало совсем худо, он схватился за меч, потянул его из ножен, но вынуть уже не было сил.

Он стал ругать смерть и сказал ей:

— Какое же это геройство? Сначала отнимаешь у человека силу, а потом убиваешь его. Сразись со мною открыто, грудь с грудью, если ты в самом деле храбрая!

— Леон подобен этой смерти, а теперь, когда он привлёк еще сына моего повелителя,— как же нам с ним спорить?!

Рассказал Джумбер притчу:

ВЕРБЛЮД И ОСЕЛ

ЦАРЬ БАСРОВ И ВРАЧ

ВЛАСТЬ ВИНА

Султан Салим спросил своего визиря:

— Зачем некоторые люди пьют вино? Ведь от вина и опьянения происходит всякое зло.

Визирь отвечал:

— От вина происходит не только зло, но и добро. От излишне выпитого вина у слепого открываются глаза, безногий начинает ходить, нищий становится богачом.

Падишах приказал привести трех таких калек. Их посадили друг против друга и дали им вина.

Упившись, слепец сказал:

— Господи, возвеличь повелителя, каким чудесным красным вином потчует он нас!

Безногий рассердился и сказал ему:

— С кем это ты разговариваешь? Клянусь солнцем повелителя, я тебя так толкну ногой, что переломаю все ребра.

Нищий сказал:

— Убей его, я заплачу за его кровь.

И обратился визирь к падишаху:

— Видишь, о счастливейший, все это сделало вино. Иначе как мог бы один увидеть, другой ударить, а третий заплатить за кровь?

— И ты, Рукха, такой же калека, как они, и, сдается мне, так же пьян. Иначе что побудило бы тебя так разговаривать?

Рассказал Рукха притчу:

ЗЛАЯ НЕВЕСТКА И ЕЕ ДЕВЕРЬ

Жил на свете некий достойный жалости человек, и была у него злая, сварливая невестка. Она бранила его и говорила:

— Поди укради что-нибудь и принеси домой.

Деверь отказывался, умолял, но женщина не давала ему покоя.

Однажды невестка избила его, и он, плача, ушел из дому. Видит, стоят без хозяина семь навьюченных шелком верблюдов. Он увел их, спрятал в лесу и вернулся домой.

После этого повстречался ему человек, искавший этих верблюдов. Он сказал:

— У меня пропали семь верблюдов, если ты что-нибудь о них узнаешь, я отдам тебе выюк с одного из них.

Тот человек ответил ему так:

— Я их не видел, но я прорицатель, и такой, что ни одному магу со мною не сравниться.

А дело было в том, что он когда-то нашел старую, истрепанную книгу и носил ее в кармане на груди. Он извлек эту книгу, заглянул в нее и сказал:

— Я знаю, где они.

Повел его окольной дорогой и все время по пути приговаривал:

— Вон какие-то люди ведут их.

И еще плел то одно, то другое.

Когда они приблизились к месту, где стояли верблюды, он сказал:

— Те люди почуяли опасность, бросили верблюдов и убежали — так говорит моя волшебная книга.

Привел его наконец в лес, показал верблюдов и получил выюк с шелком.

Отнес он этот шелк домой. Невестка поблагодарила его и сказала:

— Ты хороший деверь, поступай так же и впредь.

Как раз в это время у царя пропал камень, которому не было цены. Искали его повсюду и всех допрашивали. Тот погонщик верблюдов пришел к царю и сказал:

— Недавно у меня пропали ваши верблюды, и один прорицатель нашел их.

Послали за ним и тотчас же привели во дворец. В большой палате сидело множество прорицателей, и этого нового прорицателя посадили в сторонке, самым последним. Книгу он спрятал.

Слуга обходил их с золотым ларчиком в руках и говорил:

— Тот, кто угадает, что в этом ларце, найдет и драгоценный камень.

Все пытались угадать. Одни говорили, что в ларце — драгоценный камень, другие — что жемчужина, третьи — еще что-нибудь. Когда слуга подошел к новому прорицателю, несчастный, не зная, что называть, вздохнул и сказал:

— О, горе мне, ни за что ты, невестка, меня погубила.

Он сказал это от чистого сердца, но царь рассмеялся:

— Он угадал, это иносказание!

В ларце, оказывается, был кузнечик, и сказанное прорицателем приняли за иносказание¹.

¹ По-грузински *ма* и *мкали* означает: ты меня убила (погубила), а *мкали* — кузнечик.

Вывели его, одели в царскую одежду, уложили спать в царской опочивальне, дали ему царскую постель, поставили вокруг царевичей. Вот какие почести ему оказали. Но прорицатель надумал бежать, как только царевичи уснут.

Оказывается, драгоценный камень украл у царя один из слуг. Когда все уснули, вор с мольбой припал к его ногам:

— Это я украл, не выдавай меня.

Прорицатель очень обрадовался и сказал ему:

— Я знал об этом еще утром, но пощадил твою юность, пожалел тебя и ничего не сказал. Теперь ступай в царский птичник, дай гусю проглотить этот камень, перебей крыло и ложись спать.

Едва рассвело, новый прорицатель весело вышел на середину площади. Прибыл царь со своим войском. Спросили прорицателя о драгоценном камне. Он вынул книгу, заглянул в нее и сказал:

— Пригоните сюда всех царских гусей.

Взглянул на гусей, но меченого среди них не было, его оставили в птичнике.

Тогда он сказал людям, которые пригнали гусей:

— Нет еще одного, с перебитым крылом.

Все удивились и стали восхвалять его.

Пригнали и того гуся. Прорицатель сказал:

— Вспорите ему желудок, он проглотил драгоценный камень.

Вспороли гуся и вынули драгоценный камень.

Обрадовался царь, щедро наградил его и подарил своего верхового коня с золотой сбруей. Тот человек ни разу в жизни не садился на коня; а конь привык к тому, что царь, доехав до конца площади, обычно поворачивал обратно. Прорицатель сел на коня, но едва доехал до другого конца площади — конь повернул и поскакал обратно. Тот человек не мог его сдержать, испугался и стал кричать:

— Помогите! Помогите!

Конь прискакал к конюшне и остановился, но в это самое время конюшня обрушилась, и все царские кони погибли.

Тут новый прорицатель сказал:

— Когда я был на том краю площади, я уже знал, что это случится, и стал звать на помощь, но никто из вас не пришел.

Он отдал царю того коня, а царь подарил ему несметные сокровища.

Возвратясь домой, он поспешно собрался и бежал неизвестно куда. Он знал, что рано или поздно его обман откроется, и таким образом спасся.

— Точно так же, о царевич, было бы лучше и твоему Леону спастись бегством теперь же, не то откроется обман и придется ему от этого худо.

Рассказал Джумбер притчу:

ВРАЛЬ И НЕВЕЖДА

Жили два брата. Один состоял при дворе, другой трудился дома. Тот, что состоял при дворе, был искусный враль, и царь щедро платил ему за всякие выдумки. Тот, что оставался дома, был человек невежественный и часто говорил брату:

— Не хочу я больше кормиться твоим враньем! Если царь награждает тебя за это, неужели я не могу придумать небылицу и рассказать царю, чтобы он и мне оказал милость?

Враль отвечал:

— Ему нравится то, что я рассказываю. И тебе я много всего приношу. Благодаря мне у тебя нет никаких забот, ведь я же не попрекаю, сиди себе дома.

Однако тот не послушался, пошел к царю и сказал:

— А я слышал, в небе лаяли собаки.

Царь хотел его казнить: «Как посмел он мне так солгать!»

Пришел враль, его брат, и сказал царю:

— Это мой брат, он пастух и невежда, но, возможно, сказанное им вовсе не ложь: орел, должно быть, подхватил щенка, унес ввысь, и брат услышал его визг; по глупости своей он не уразумел, в чем тут дело, и донес тебе, будто слышал в небе собачий лай.

Понравилось это царю, он помиловал глупца и подарил ему одежду.

Возвратясь домой, враль сказал брату:

— Я спас тебя от смерти, теперь сиди дома, ты не умеешь как подобает разговаривать с царем.

Но, когда брат вряля нарядился в подаренную одежду, ему захотелось соврать еще раз, да почище. Он пошел к царю и сказал:

— Я метнул стрелу в оленя и отсек ему сразу ухо и ногу; он упал, сам собою изжарился в кислой подливке, и я съел его.

Царь снова приказал казнить глупца — весьма обидела его такая ложь.

Вралю стало жалко брата, он явился к царю и сказал:

— Уже в прошлый раз я осмелился доложить вашему величеству, что он грубый невежда и не умеет сказать, как надо. Он метко кидает стрелы. Олень, оказывается, чесал ногою ухо. Брат метнул стрелу и отсек ему разом и ухо и ногу. Олень упал. У стрелы же был стальной наконечник. Невдалеке от того места лежал камень. Стрела ударилась о камень и высекла искру. От искры загорелась сухая трава и опалила оленя. Тут же рос куст смородины, весь осыпанный ягодами. Падая, олень раздавил ягоды. Брат мой отведал его мясо, и ему показалось, что оно под кислой подливой.

Так он спас брата и отослал его.

— Даже если Леон лжет, царю приятны его речи. Какое тебе до этого дело? Пословица гласит: «Если твой господин любит змею — носи ее за пазухой».

Тот, кто состоит при царе, должен обладать тремя качествами:

первое — не доносить на человека, которого любит царь; любя его, царь не поверит доносу, и ты пострадаешь;

второе — хвалить того, чьи слова нравятся царю; если ты станешь его порицать, царь все равно будет милостив к нему, и ты потерпишь поражение;

третье — попытаться привлечь к себе того, кто пользуется любовью царя, иначе дни твои сочтены.

Рассказал Рукха притчу:

ТРИ ТОВАРИЩА

Встретились три товарища: один был родом из Испагани, другой из Гиляна, третий из Ганджи. Каждый из них восхвалял свою страну. Тот, что был из Испагани, сказал:

— Вот каков мой край: положи прошлогоднюю и свежую дыни рядом, ни за что не угадаешь, которая из них прошлогодняя, которая свежая.

Тот, что был из Гиляна, сказал:

— А мой край таков: положи в одну постель покойника и живого человека, и когда тот уснет, ни за что не угадаешь, какой из них живой, какой мертвец.

Тот, что был из Ганджи, сказал:

— А мой край таков: человек умрет и еще шесть месяцев ходит по свету и только на седьмом укладывается в могилу. Заболеет горячей весною, а умирает осенью.

Ни одна из этих стран не была хороша, но каждому нравится свое.

— Этот твой Леон тоже очень дурной человек, но его дурные и хорошие свойства кажутся тебе равно хорошими. Отчего ты не даешь мне поговорить с ним, а сам говоришь со мною?

Джумбер сказал:

— Почему, когда тебя оскопили, у тебя выпали усы и борода и ни волоска не выпало вокруг оскопленного места?

Рукха ответил:

— Леон обворожил тебя и околдовал.

Рассказал Джумбер притчу:

ЗРЯЧИЙ И СЛЕПОЙ

Шел по дороге некий зрячий человек, было у него двадцать марчили. Попался ему в пути слепой нищий без поводыря, он шел, нащупывая дорогу палкой.

Зрячий сказал:

— Испытаю-ка я, что за человек этот слепой.

Он двинулся прямо на него, столкнулся с ним и закричал:

— Кто ты такой, что толкнул и оглушил меня, слепца, у которого нет даже поводыря? Бога ты не боишься, если так поступаешь со мною.

Тот слепец ответил:

— Я тоже слепой, хожу с палкой и толкнул тебя нечаянно, извини меня.

Они сели и стали мирно беседовать. Зрячий сказал:

— Я насобирав двадцать марчили и не разберу, какие чистого серебра, какие фальшивые.

Слепец ответил:

— Я был серебряником и чеканил монету, пока не ослеп. Дай потрогаю, узнаю на ощупь и скажу.

Тот передал ему все монеты. Слепец засунул их в кушак, крадучись ушел от зрячего и залег в борозду. Думал, что спрятался.

Прождав некоторое время, зрячий стал звать:

— Где деньги, что ты с ними сделал и куда сам запропал? — И стал умолять его: — Не отнимай у меня, слепого, я добыл их с таким трудом, сколько мне пришлось бродить по миру, не бери греха на душу.

Но слепой, уверенный, что тот и вправду не видит, продолжал прятаться.

Зрячий перестал его умолять, взял камень и сказал:

— О господи, если тот человек несправедливо отнимает у меня деньги, пусть этот камень попадет ему в ногу.

Он кинул камень и попал в ногу. Слепой встал и улегся на другое место, полагая, что его уже не найти.

Зрячий взял камень побольше и воззвал к богу:

— Он украл у меня, слепого, то, что я скопил подаянием; если я прав, пускай поражу его в плечо.

Он кинул камень и попал ему в плечо. Слепой стерпел, не отозвался и на этот раз, потихоньку перебрался подальше и залег.

Зрячий взял третий камень и сказал:

— Господи, дай мне поразить его этим камнем в лоб.

Слепой подумал:

«Дважды он попадал в то место, в которое целил, если теперь попадет в лоб, я умру, и кому же достанется это серебро?»

Он крикнул:

— О брат, чего ты беспокоишься, я только хочу отделить настоящие монеты от фальшивых и тогда отдам.

Зрячий осыпал его бранью и сказал ему так:

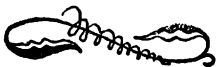
— Дурной ты человек. Ты, слепой, хочешь обокрасть меня, зрячего?

— Подобно ему, око твоего разума ослепло, и ты воображаешь, будто все подобны тебе.

Рукха сказал:

— Ты дитя и неразумен. Ты поддаешься соблазнительным речам Леона, не подвергая их испытанию. Но тот, кто не испытывает, неизбежно попадает в беду.

Рассказал Рукха притчу:

ОСЕЛ, ТИГР, ЛИСА И ВОЛК

Измученный, худой осел, принадлежавший одному бедному человеку, убежал от своего хозяина. Поселился он в некоей гористой местности.

Вот какое было это место: поблизости протекала большая река, по берегам ее росли прекрасные деревья, высились крутые скалы, зеленые луга пестрели цветами. Здесь же, оказывается, обитал тигр. Тут-то и поселился осел.

Тигр был на охоте; возвратившись, увидел осла, очень изумился и не меньше того испугался. Осел же, увидев тигра, принял его за вестника смерти, поднял торчком уши и во все горло заревел. На тигра напал такой страх и ужас, что он, не разбирая дороги, кинулся вниз со скалы и скрылся.

Повстречался он с лисой. Она увидела, что тигр чем-то озабочен, низко склонилась перед ним и сказала:

— О царь зверей, куда держишь путь и чем ты так опечален?

Тигр отвечал:

— В моем царстве объявился некий великан. Из страха перед ним я уже не мог остаться и покинул те места. Вот отчего я так печален.

Лиса стала его расспрашивать. Тигр все рассказал: какой у великана вид, какого он цвета, у него четыре ноги, огромные уши, громкий голос, и обо всем, что его отличало.

Лиса сказала:

— Да это же осел! Не убегай, я его прогоню, и ты опять заживешь спокойно и беззаботно.

Тигр не послушался. Они вместе отправились дальше.

Попался им по дороге волк. Он склонился перед тигром и спросил лису:

— Почему он такой печальный и куда направляется?

Лиса рассказала волку все, как было:

— Он испугался осла и спасается от него бегством. Я отговаривала, да он не послушался.

Волк сказал тигру:

— Не тревожься, это же готовый для меня обед, я сильно проголодался, пойдем вместе, и ты увидишь, как я с ним расправлюсь.

Тигр сказал им:

— Если вы не задумали предать меня и говорите правду, достаньте веревку, и мы обвяжемся — я посередине, а вы по сторонам; пойдем вместе, и, что бы ни случилось, пусть случится со всеми тремя.

Лиса украла где-то веревку, принесла, все трое обвязались и пошли.

Когда осел увидел их вместе, им овладел еще больший ужас, и он стал вопить и реветь.

Тигр испугался, не стал слушать своих советников, потянул веревку, задушил обоих, а сам убежал куда глаза глядят.

Прошло время, и тигр сказал:

— Не могу я нигде жить, кроме тех мест. Пойду-ка к великану и попрошусь, чтобы принял меня в подданство. Авось пошадит, и я снова увижу родные места.

Он пришел к ослу с великим трепетом и умолил принять его в подданство. Осел боялся тигра, но еще сильнее тигр боялся осла.

Осел приказал тигру:

— Раз ты стал моим подданным, я буду тебя хорошо содержать, назначу управителем моих владений, а если в чем провинишься, прошу до двух раз, но остерегайся провиниться в третий раз.

Так и зажили они безмятежно.

Прошло некоторое время.

Однажды осел спал, тигру захотелось порезвиться, он перепрыгнул через речку, хлестнул хвостом по воде и обрызгал осла.

Осел проснулся, рассердился на тигра и крепко разбранил его.

В другой раз ослу захотелось искупаться. Вода поднялась высоко, осел упал и стал тонуть. Тигр кинулся на помощь и вытащил своего господина. Осел искал подходящего повода, чтобы избавиться от тигра, и гневно сказал:

— Я хотел наловить форели, зачем ты вытащил меня?

Тигр испугался, как бы не провиниться в третий раз, и убежал. Осел завладел той страной.

— О царевич! Эту притчу я рассказал тебе вот почему: смотри, как бы ты, подобно тому тигру, не удавил своих советников; не подчиняйся негодному человеку; не принимай решения, не вникнув в дело, не то потом придется раскаиваться.

Рассказал Джумбер притчу:

ИНДИЙСКИЙ ЦАРЬ И ЦИРЮЛЬНИК

Царь индийский купался в бане. Цирюльник брил ему голову. Он поднес бритву к горлу царя и сказал:

— Отдай мне в жены твою дочь.

Царь изумился, но пообещал исполнить его просьбу.

По выходе из бани царь спросил своих визирей:

— Как дерзнул он добиваться руки моей дочери?

Те ответили:

— Видно, под ногами у него был клад, вот почему он решился сказать.

Разобрали пол в бане, и оказалось, что под ним полно золота и серебра.

— Рукха, либо и у тебя под ногами клад, либо господь осудил тебя на смерть — иначе зачем ты ведешь столь неподобные речи?

Рассказал Рукха притчу:

ПАХАРЬ, ТКАЧ И ПОРТНОЙ

Жили три брата — пахарь, ткач и портной. Старший из братьев, пахарь, был уже старик. У него умерла жена, и он задумал жениться снова. Братья отговаривали, однако он не послушался. Ничего не поделаешь, привели ему подходящую по возрасту старую женщину. Отпраздновали свадьбу.

В ту самую ночь они увидели у своих ворот навьюченного драгоценностями верблюда. Братья убили верблюда, кинули его в яму, а выюки припрятали. И сговорились: «Если кто придет искать верблюда, напле-тем ему что-нибудь».

Свадебный пир окончился; пришел хозяин верблюда, старший брат пахал в это время землю.

Он сообразил, что это хозяин верблюда.

Тот сказал:

— Здравствуй, пахарь!..

Пахарь ответил:

— Сею полбу.

Погонщик удивился, но сказал:

— У меня пропал верблюд, если ты что-нибудь о нем знаешь, скажи, я щедро тебе заплачу.

Тот ответил:

— Будь сейчас лето, можно бы и побольше под озимые вспахать.

Погонщик сказал:

— Я тебя о верблюде спрашиваю, а не о пахоте.

Тот ответил:

— Бурый бык совсем отбился от рук.

Погонщик верблюда рассердился и ушел. Дошел он до околицы, видит — ткач трудится над основой. Подошел к нему и спросил о том же:

— Пропал у меня верблюд, не скажешь ли ты о нем что-нибудь?

Ткач ответил:

— Тку я быстро, могу за день два куска вы ткать.

Погонщик сказал:

— Я про верблюда тебя спрашиваю, а не про ткань.

Ткач ответил:

— Чужая, не то продал бы тебе.

Погонщик впал в тоску и сказал:

— Что это за страна, куда я попал! — и побрел дальше.

Пришел в деревню и стал расспрашивать портного.

Тот ответил:

— Зарабатываю шесть шаури.

Погонщик сказал ему:

— Я о верблюде спрашиваю. Слышишь, о верблюде!

Портной сказал:

— Я очень занят, отдай пошить другому.

Оставил и его в покое погонщик и пошел дальше. Спустился к реке и повстречался с только что обвенчанной старухой. Стал ее расспрашивать, она все ему рассказала и указала приметы.

— Так и так, к нам пристал какой-то верблюд, мой муж и деверь закололи его, а добро припрятали.

Погонщик спросил:

— Когда же это случилось?

Старуха ответила:

— Как раз в ночь моей свадьбы.

Тот человек сказал:

— Все с ума посходили в этой стране, и мужчины и женщины. Верблюд у меня пропал вчера, а старуха рассказывает мне историю своей свадьбы.

Ушел и с пустыми руками возвратился домой.

Старуха-то правду сказала, да он ей не поверил.

— Я тоже говорю правду. Но моя правда представляется тебе величайшею из всех неправд. И мое доброе слово ты принимаешь за самое дурное из дурных слов. Ты — юноша, а притязает на мудрость. Ты — повелитель, а ненавидишь евнухов. Ты — сын царя, но не признаешь

никого, кроме одного-единственного человека. Если ты считаешь себя таким мудрецом, загадаю тебе загадку, разгадайте ее ты и твой Леон.

Джумбер спросил:

— Какую?

Рукха сказал:

56

ВОЛК, КОЗА И СЕНО

— Я перекину узкий мосток, а ты переправь через него поодиночке на другую сторону волка, козу и вязанку сена, да так, чтобы волк не растерзал козу и коза не съела сена.

Царевич согласился.

Перекинул Рукха мосток. Привели волка и козу, принесли вязанку сена. Тогда пришел Джумбер, взял козу, перевел через мосток и оставил козу на той стороне. Возвратился, взял волка, перешел мост, оставил волка на той стороне и перевел обратно козу. Оставил козу, взял сено, перешел мост и сложил сено на земле рядом с волком.

Возвратился еще раз, взял козу и перевел ее на ту сторону.

И сказал он:

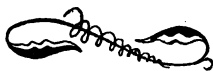
— Рукха, вот решение твоей мудрой загадки, а теперь выслушай меня. Я разрешил твою загадку на деле, а ты сделай то же на словах.

Рукха сказал ему:

— Какова же твоя загадка?

Джумбер ответил:

— Поскольку ты евнух, ты создан охранять женщин, и разрешить эту загадку — прямое твое дело.

57

МЕЛАС, МЕТУР И МАРАСАН

Трое незнакомых людей встретились на берегу большой реки. С каждым из них была его жена. У реки они нашли только одну маленькую лодку, которая могла вместить всего двух человек.

Так вот, перевези всех шестерых через реку так, чтобы ни один из мужчин не оставался наедине с женою другого и не мог ею овладеть.

Когда Рукха увидел, до чего трудна загадка, он очень огорчился, так как ничего не мог сообразить.

И вот между царем, визирем и евнухом завязался большой спор.

— Это так! Нет, должно быть этак! — говорили они, но ни один из них не находил разгадки.

Рукха сказал:

— Клянусь, он придумал нечто неподобное! Ни один мудрец не перевезет их.

Джумбер сказал ему:

— О ты, заяц среди зверей, коршун среди птиц! А кто ты среди людей, про то знаешь сам и не заблуждаешься.

Рукха твердил свое.

Тогда Леон стал заклинять Джумбера:

— Перевези их сам, и как бы ему не пришлось каяться!

Рукха не стал спорить.

Джумбер сказал:

— Звали этих трех мужей: Мелас, Метур и Марасан. Мелас притянул лодку, сел, посадил свою жену, переправился на другую сторону, высадил ее на берег и возвратился обратно. Двое остальных посадили в лодку своих жен, и те переплыли к женщине, которая была уже на том берегу. Жена Меласа уселась в лодку и, переправившись обратно, вернулась к своему мужу. Метур и Марасан сели в лодку и переправились к своим женам. Метур сел в лодку, взял свою жену и возвратился к Меласу. Метур и Мелас оставили своих жен на том берегу, а сами сели в лодку и переправились к Марасану. Жена Марасана села в лодку и переправила на другой берег жену Меласа. Тогда лодку взял Метур, перевез свою жену, и все отправились дальше.

Засмеялся царь и сказал:

— Не думал я, что этих женщин можно перевезти через реку.

Седрак, визирь, почтительно доложил царю:

— Итак, Леон — дурной человек. Что ж, не оставляй его в живых, убей его! Он воспитал твоего сына невеждой. Отец — родитель подобного сына, сына, вымоленного с величайшим смирением и обретенного благодаря милости божьей, а воспитатель его — наставник, предуказанный тебе в сновидении, отмеченный мудростью Леон. Нет Джумбера без Леона и Леона без Джумбера!

ДЕЛЕЖ КОЗ

Пришли в это время к царю три брата с жалобой. Они решили зажить врозь и поделили между собою все, кроме тридцати коз; насчет этих коз никак не могли сговориться.

Доложили они царю об этих козах:

— У десяти из этих тридцати коз по козленку, у десяти других по двое козлят, у десяти остальных по три. Мы хотим разделить их так, чтобы ни одному из братьев не досталось больше других и чтобы не отнимать ни одного козленка у матки.

Начался спор, один говорил одно, другой — другое. Никак не могли поделить коз. Спросили Джумбера, и он сказал:

— Всего у них тридцать коз и шестьдесят козлят. Те десять коз, у которых по двое козлят, отдайте старшему брату — это составит десять коз и двадцать козлят. Из тех коз, что имеют по трое козлят, отдайте пять вместе с козлятами среднему брату и пять младшему, что составит по пяти коз и по пятнадцати козлят на брата. Из тех десяти коз, что имеют по одному козленку, отдайте каждому из тех же двух братьев по пять коз вместе с козлятами, и будет у каждого всего по десять коз и по двадцать козлят. Ни один из братьев не получит больше других, и ни один козленок не будет разлучен со своей маткой.

Царь остался очень доволен тем, что Джумбер разделил коз, изъяснил благодарность Леону, одел его в царские одежды, посадил на своего собственного коня и подарил ему много сокровищ.

Рукха сказал:

— Леон научил Джумбера делить коз и овец, и за это царь оказывает ему такие почести. Если бы Леон обучил его тому, что надлежит знать царям и отважным воинам, царь отдал бы ему свое царство.

Рассказал Рукха притчу:

ЦАРЬ, ПОЧИТАВШИЙ СЕБЯ БОГОМ,
И ЕГО ВИЗИРЬ

Был некий царь. Он почитал себя божеством, и никто не дерзал сказать ему, что он вовсе не бог.

Был у него умный, хороший визирь. Визирь сказал:

— Если ты бог, дозвожь мне состоять при тебе в ангелах!
Царь пожаловал его в ангелы. Прошло некоторое время. Бог соизволил приказать своему ангелу:

— Давай сотворим чудо.

Ангел ответил:

— Если послушаешься меня, я помогу тебе совершить замечательное чудо.

Царь внял ему.

Ангел приказал вынести из царских палат все, что в них было, и наполнить их навозом, коровьими и овечьими потрохами; затем он запер двери. Время было летнее.

Выждали десять дней. На одиннадцатый пошли посмотреть на сотворенное ими чудо.

Отворили дверь и увидели — все полно червей, личинок и навозных жуков, и стоит нестерпимое зловоние.

Царь сказал визирю:

— Какое же это чудо?

Визирь ответил:

— Для такого бога, как ты, и для такого ангела, как я, даже это — великое чудо, большего чуда нам с тобою не совершить.

— Для такого царевича, как Джумбер, и такого наставника, как Леон, и то много, что Леон научил его, как обращаться с козами и козлятами, и всякому из нас надлежит выразить свое одобрение. Если мы осудим Леона, он устыдится и уже не сможет обучить его, как управляться с коровами и буйволами.

Царь рассказал ему притчу:

ЧЕРЕПАХА И СКОРПИОН

Черепаха и скорпион побратались, отправились вместе в путь-дорогу и пришли к реке, через которую им надо было переправиться.

Скорпион опечалился, что ему не переплыть. Черепаха сказала ему:

— Садись мне на спину, я тебя перевезу.

Сел скорпион ей на спину. Как только черепаха вошла в воду, скорпион ужалил ее в шею. Черепаха спросила:

— Что ты делаешь, братец?

Скорпион ответил:

— Как мне быть? Мне и самому не хочется, да порода у нас такая, жалим и друзей и врагов.

Черепаша нырнула, скорпиона подхватило течением, и она сказала:

— Мне, братец, тоже не хочется, но порода у нас такая, если не обмоешь ужаленное место, распухнешь и помрешь.

— Все, подобные тебе, Рукха, жалят и друзей и врагов. Но послушайся меня хоть в одном: кусай только тех, в кого ты можешь вцепиться зубами и не утонуть в реке.

Лисица — бессловесная тварь, но и то понимает, что если у нее на теле заведется много блох, они будут ее беспокоить; поэтому она берет в пасть кусок ветхой кожи и опускает хвост в воду; когда блохи переберутся с хвоста на туловище, она погружается в воду по горло, когда же они, спасаясь, перейдут с туловища на голову, а с головы на кусок кожи, она погружается с головою и кидает кожу вместе с блохами в воду.

Если животное страдает от множества блох, то посуди сам, какое зло может причинить человеку вражда множества людей? Великое несчастье не иметь ни одного друга среди столь многих людей.

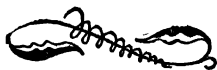
Рукха сказал царю:

— Не держи при своем дворе дурного человека, и я никому не буду врагом.

Царь сказал:

— Если бы я решил не держать при себе ни одного дурного человека, то прежде всего принужден был бы изгнать тебя. Знай одно: царям известны дела евнухов и других людей, но царских дел никто не уразумеет, пока сам не станет царем, потому что царский трон стоит высоко, снизу его не видать.

Царь рассказал своему сыну притчу:

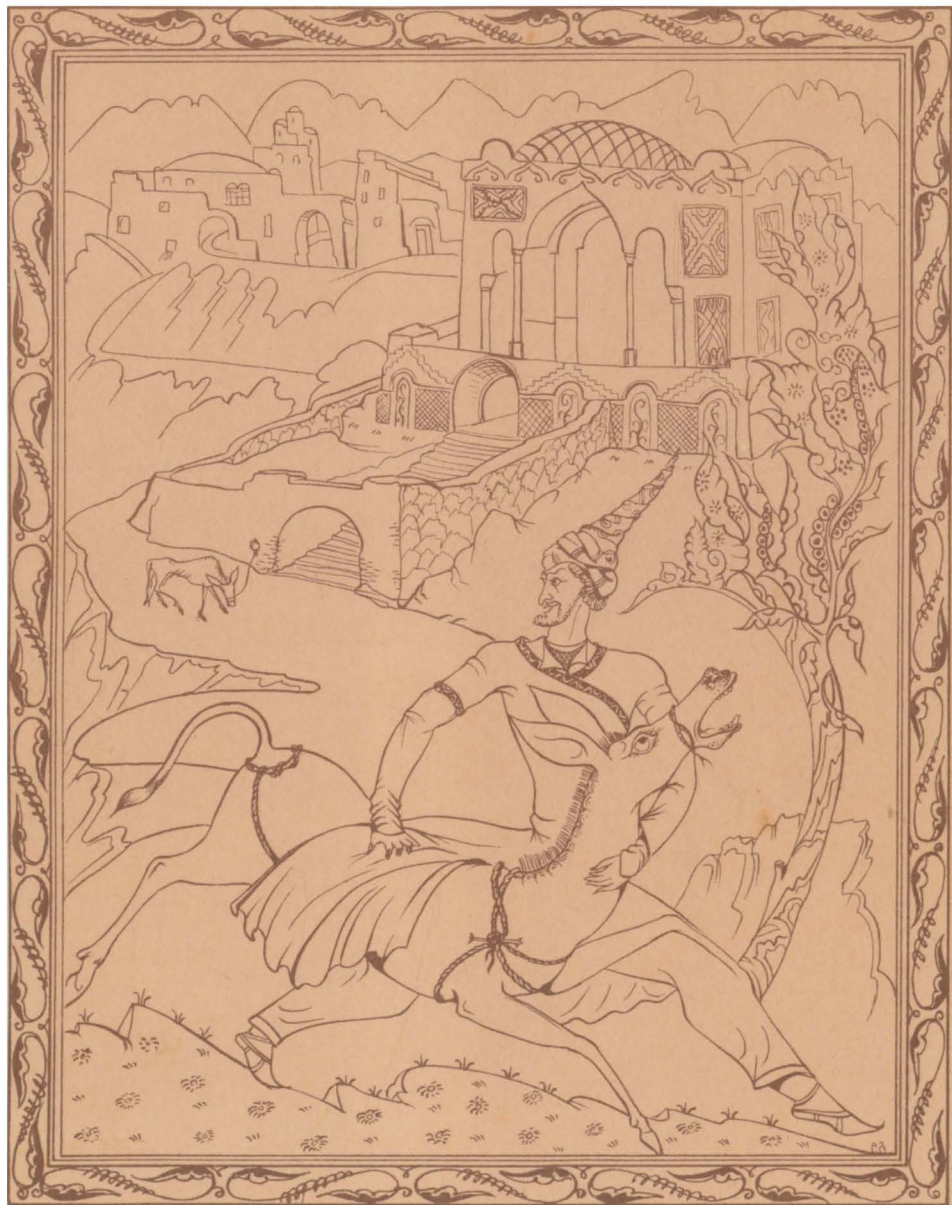
МУДРЕЦ И БОГАЧ

Жил на свете один мудрый человек, потерпевший в торговых делах неудачу.

Пустился он в путь, обошел все страны мира и прибыл в Индию. Стал он спрашивать, кто тут самый богатый и среди богатых самый бо-

ДЖИЗИ-ГУРГЕН

ЖИТЕЛЬ ПОЛУНОЩНОЙ СТРАНЫ И КАДЖИ

гобоязненный человек. Когда ему назвали такого богача, он запомнил, где его дом, пошел к нему и сказал:

— Брат, недавно ты занял у меня сорок литр серебра, сейчас я в крайней нужде, именем бога умоляю, верни мне это серебро.

Богач отказал. Зачем давать, когда он ничего не должен? И сказал ему:

— Когда я у тебя занимал, кто был твоим свидетелем, где расписка? Тот человек ответил:

— Ты был тогда занят и сказал: «Некогда мне, приходи завтра, и я дам тебе расписку». Я поверил тебе и согласился. Было у меня другое дело, я забыл об этом и ушел. Но теперь прошу, отдай мне долг. Если я неправ, поклянись именем господя, что ты ничего мне не должен, и я уйду восвояси.

Тот богобоязненный богач подумал:

«Зачем из-за такой малости клясться именем божьим? Бог даровал мне столько, что хватило бы на многих. Дам я этому человеку сорок литр серебра, все прочее добро останется при мне, да не прогневаюсь на меня господь!» И не стал он клясться, а дал тому человеку столько, сколько тот требовал.

Человек, взявший серебро, сказал в сердце своем:

«Боже истинный и справедливый, ты знаешь, что я поступил так только по бедности своей. Если благодаря этому моя торговля пойдет успешно, я отдам тому человеку всю прибыль и во всем ему признаюсь».

Он отправился в страну Мачин, торговал успешно и разбогател так, что не было купца богаче его.

Спустя несколько лет он пришел в тот самый город, стал разыскивать богача, нашел его и позвал к себе. Купец узнал богача, но тот не узнал его. Купец повел его в свою сокровищницу и показал все, что у него было. Тот дивился его богатству и множеству его сокровищ. Все ему понравилось, и все он похвалил. Тогда взял тот человек ключ от своей сокровищницы, поднес ему, поцеловал руку и сказал:

— Все это твое, владей с божьей помощью.

Оказалось, богач позабыл о том, что произошло несколько лет тому назад, и стал его расспрашивать, кто он и что это значит. Тот рассказал ему все, как было.

— Бедность меня принудила, ты ничего мне не был должен. Я потерял все, что у меня было, а это принадлежит тебе, бери и владей.

Восхитился богач благочестием и добротой того человека, но взял себе только пояс да еще ткани на одну рубашку и сказал ему:

— Я и это беру только затем, чтобы тебя не обидеть, владей себе с богом. А так как я познал, сколь ты добр, да будет твоим и то, чем я владею.

— Дитя мое! И бог так определил и я решил передать тебе престол и царство мое. Владей и властвуй над всем, и да не будет у тебя врагов. Рассказал Рукха притчу:

ХОЗЯИН И ЕГО ПОДРУЧНЫЙ

Хозяин винного погреба спустился в погреб взглянуть на свое вино. Он заметил стоявшую возле кувшина с вином чашу и спросил своего подручного:

— Зачем здесь эта чаша?

Тот ответил:

— Всякий раз, входя сюда, я пью вино из этой чаши.

Хозяин погреба рассердился и подумал: «Он выпьет все мое вино».

И поставил над ним другого человека — присматривать, чтобы подручный не пил так много вина.

В следующий раз, зайдя в погреб, он заметил, что возле кувшина стоят две чаши.

Он спросил подручного:

— Что это значит?

Тот ответил:

— Одна чаша моя, а другая понадобится моему товарищу, которого ты поставил надо мною.

— О царь, ты дал своему сыну прекрасное царство, придется тебе поискать еще такое же для Леона, а то одного твоего царства на двоих мало.

Джумбер оскорбился его речью и рассказал притчу:

ЛУДИЛЬЩИК И ОСЕЛ

Жил на свете лудильщик. Он нагрузил на осла зерно для помола, отвез на мельницу, смолот и пустился в обратный путь. По пути осел остановился. Когда оказалось, что лудильщик не может сдвинуть осла с

места, он вынул из кармана нашатырь, истолок на камне и насыпал ослу под хвост — авось нашатырь начнет жечь и осел побежит дальше.

И в самом деле, осел побежал так быстро, что лудильщик не мог его догнать. Обеспокоился он, что кто-нибудь уведет осла, как бы его не потерять. Поэтому тоже слегка натерся нашатырем, рассчитывая таким образом догнать осла. Однако его стало жечь так неистово, что он не только перегнал осла, но пробежал мимо деревни и мимо собственного дома. Обернувшись, лудильщик крикнул жене:

— Нашатырь очень крепкий, не могу остановиться, присмотри за ослом!

— Ты тоже, Рукха, натерся нашатырем и несешься очертя голову. Иначе как посмел бы ты или кто другой так забыться перед царем!

Затем Джумбер поклонился, пал ниц перед отцом, поцеловал землю и сказал:

— Благословен создавший тебя, да пошлет он тебе удел высокий и счастливый, незабвенным веками да будет твое имя! Речь твоя проистекает от величия твоего смиренного сердца, я недостойн не только такой милости, недостойн созерцать тебя. Даже слышать твои милостивые повеления я почитаю величайшей из почестей. Если есть во мне что доброе, то только от тебя, ибо не бывало еще, чтоб человек, посеяв просо, пожал пшеницу, посадив терновник, собрал хурму! Хорошее дерево приносит хорошие плоды, потому что хорошие плоды не рождаются сами по себе без хорошего дерева. Дрянное дерево не станет лучше от поливки и ухода. Пословица гласит: «Ястреб выводит ястреба, коршун — коршуна». Не позволяй мне хвалиться тем, что есть во мне доброго, и не приписывай его мне. Если каменщик построил прекрасный дом, чья это заслуга: дома или строителя? Если наездник хорошо объездил жеребенка, кого следует похвалить: жеребенка или наездника? Я плоть от плоти твоей и воспитан Леоном. Не во мне источник моих достоинств. Природа моя от тебя, а образовал ее Леон. Не затем я говорю, что Леон недостаточно вами награжден или не удостоился высоких милостей, — он недостойн и десятой их доли, — но у него много врагов, как бы его не оклеветали при дворе вашего величества.

И рассказал отцу притчу:

ЕВРЕЙ И ХРИСТИАНИН

Жили в Стамбуле христианин и богатый еврей.

Они враждовали друг с другом. Еврей бывало подкупал турок, они хватали христианина, иногда избивали его, а то связывали, и жилось ему очень тяжело.

Однажды христианин спросил еврея:

— Сколько было пророков?

Еврей ответил:

— Двадцать четыре.

Христианин сказал:

— Напиши их имена.

Еврей написал.

Христианин спросил:

— Почему ты пропустил Магомета?

Еврей сказал:

— Когда же он числился в пророках?

Христианин из вражды к нему заранее позвал турка, чтоб он был свидетелем этого разговора. Тот пошел и донес кадию.

Еврея схватили и удавили.

— Каждый враг неустанно ищет случая погубить своего противника.

Перед сильным врагом человек либо склоняется, либо бежит от него. Равному врагу человек дает должный отпор либо избегает столкновения с ним.

Мелкого и подлого врага человек должен остерегаться. Мелкий враг подобен скрытому под золою огню. Его не видно, но, как разроешь золу, обожжешь руку.

Мелкий враг подобен смерти: он подкрадывается незаметно, и уже не избавиться от него ни подкупом, ни силой, ни мольбою. Мелкий враг, уловив минуту, не выпустит противника из рук, пока не прикончит его.

Мелкий враг подобен неприметной, прикрытой сеном яме. Ступишь и провалишься. Поэтому должно остерегаться мелкого врага, именно он и вовлечет в беду.

Погибнуть от руки подлого человека так же позорно, как быть им облагодетельствованным, но и то и другое почетно, когда исходит от хорошего человека, потому что, если ты сам не дурной человек, ты не дашь дурному себя одолеть, и если ты не подлее его, не будешь просить о пощаде. Равным образом, если ты сам хороший человек, то хороший воздаст тебе добром, так как от доброго всегда родится доброе. Если же он

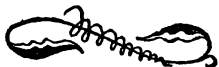
причинит тебе зло, то это произойдет потому, что он, очевидно, превосходит тебя и добродетелью, и умом, и силой, оттого и победит тебя.

Однако высшая добродетель человека в том, чтобы не помнить зла и погашать его добром.

Рукха сказал:

— О царевич! Ты тратишь силы и слова только для того, чтобы погубить меня, а облагодетельствовать Леона. Но из-за упорной неприязни ко мне с Леоном случится то же, что случилось с одним человеком.

И рассказал он притчу:

65

ДАРБАНДСКИЕ КОСАРИ

В деревне Дарбанди начался сенокос. Косари выехали верхом с косами в руках. Заспорили о том, кому где косить. То тот, то другой втыкали косы рукоятками в землю и говорили:

— До этого места — мое!

— Нет, это мое, вот межа.

Один из них ни за что не хотел уступить, косарище у него было короткое, и когда он, наклонившись с коня, воткнул его в землю со словами: «До этого места — мое!» — острое косы скользнуло по шее и отрезало ему голову. И досталось его сено другому.

— Как бы и богатства твоего Леона не достались мне; смотри, как бы и он не кончил дурно.

Джумбер рассказал ему притчу:

66

МУЛЛА И КАБАН

Жил в Гиляне мулла. Было у него рисовое поле, но его опустошали дикие кабаны. Мулла вырыл большую яму поперек тропы, протоптанной кабанами, прикрыл ее тростником и ушел. Когда кабаны, повадившиеся

ходить в эти места, пришли снова, на пути у них оказалась яма. Тростник подломился, и большой кабан упал в яму.

Пришел мулла и увидел в яме кабана. Взял ярмо и, осыпая проклятьями, принялся бить кабана сверху.

Деревянный шкворень ярма зацепился за шею муллы, он свалился в яму. Кабан стал кусать его и терзать своими клыками, да так, что не осталось на мулле живого места. Чем больше взывал он о пощаде, тем злее кидался на него кабан.

— Так и ты упадешь в тобою же вырытую яму, и тщетны будут твои мольбы.

Рукха сказал Джумберу:

— Ты уподобил своего Леона свинье и этим доставил мне такую радость, как будто исполнились все мои заветные желания.

Рассказал Рукха притчу:

ДВА БОГАЧА

Жил на свете один очень богатый человек, но дошла до него молва о необычайном богатстве другого человека.

Тогда первый богач, обладавший столь многим, сказал:

— Я не знаю счета своим сокровищам, даже цари не имеют столько, сколько я, неужели тот человек обладает большим богатством? Пойду взгляну на его сокровища, чем же он владеет?

Прибыл он к тому человеку и попросил его показать свою сокровищницу.

Тот повел богача, показал ему несчетное множество житниц, переполненных пшеницей и ячменем, и радостно сказал:

— Вот как щедро одарил меня господь!

Богач стал бранить его и тех, кто его так прославлял, и сказал ему так:

— У меня жемчуга столько, сколько у тебя пшеницы, но и это я не почитаю богатством.

И ушел.

В следующем году выпал такой неурожай, что хлеба не было и в помине. Голодали все.

Богач послал к человеку, владевшему хлебом, слугу с дарами, жемчугом и драгоценными камнями, и просил продать ему зерно. Но тот ничего не ответил.

Не видя спасения, богач послал в оплату зерна караван верблюдов, навьюченных несметным количеством драгоценностей.

Обладатель зерна снова вернул драгоценности и приказал передать:

— Я не продам тебе хлеб ни за какую цену, на это не рассчитывай, но пришли мне свою жену и тогда бери, сколько хочешь.

Тот, услышав это, очень опечалился и сказал:

— Если отдам жену, то что скажу моим друзьям и для кого же мне тогда покупать хлеб? Если же этого не сделаю, он не даст зерна и дети мои умрут голодной смертью.

Но, так как другого исхода не было, посадил жену на коня и отослал ее.

Когда тот человек увидел прибывшую к нему жену богача, он сказал ей так:

— Ты — мать мне. Вижу, что твой муж, так высокомерно поносивший меня раньше, теперь совсем смирился, поэтому возьми сколько угодно хлеба и отправляйся обратно.

Он дал ей много хлеба и отпустил.

— Если ты, о Джумбер, презираешь своего Леона так, что уподобляешь его собакам и свиньям, что же может отныне убить меня?

Джумбер рассмеялся и сказал ему так:

— Да обернется горем твоя радость! Чем скверный мулла лучше свиньи? И если тебе это так приятно, я могу, согласно твоему желанию, назвать его еще фаз свиньей. Но какой тебе от этого прок?

Рукха ответил:

— Назови только Леона свиньей, и я буду ему другом.

Джумбер сказал:

— Почему у тебя, получеловека, тщеславия и гордыни на двадцать человек? Вот и крапивник — до того глуп, что, когда в небе грохочет гром, он кидается на спину. «Подпереть бы, — думает, — лапкой небо, чтобы не обрушилось и не погиб под ним мир». И журавль из гордости никогда не поставит на землю обе ноги разом — боится, как бы под его тяжестью не провалилась земля. Что же ты мнишь о нечистой своей особе, кто ты таков?

И рассказал ему Джумбер притчу:

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса позвала к себе журавля, сварила чечевичную похлебку и вылила ее на медную тарелку. Начали есть. Лиса лизала языком, но как есть с тарелки журавлю? Ему едва удавалось клевать по зернышку.

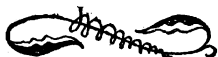
На следующий день журавль позвал лису, сварил гороху и налил в горшок с узким горлышком. Начали есть. Журавль сунул клюв в горшок и ест. Но лисе не удалось всунуть морду в узкое горлышко, что ей было делать? Обиделась лисица, и навоняла, чтобы насолить журавлю. Журавль тоже обиделся и напакостил ей прямо в глаза.

Какова же цена их любезностям и благоволению друг к другу или этой злобе и вражде?

— Подобно сему, какая цена вашей дружбе и любви или вашей вражде и соперничеству? Иные люди приписывают милости, оказанные господином, не величину господина, а собственным заслугам. Ты — евнух, и надлежит тебе быть верным царю и, не шадя сил, служить ему денно и нощно. А тот юноша состоит при мне. Ему надлежит покорствовать царю и воспитывать меня.

Из-за чего тебе враждовать с ним или из-за чего ему спорить с тобою?

Рассказал Рукха притчу:

КАДИЙ И МУЛ

Шли по дороге два человека. Один из них споткнулся о камень и помянул нехорошим словом черта. Другой сказал ему:

— Что тебе сделал черт? Не он же посоветовал тебе оступиться! Все, как и ты, ругают его зря.

Когда спутники расстались, черт пришел к своему заступнику и сказал:

— Ты за меня вступился, и я хочу вознаградить тебя. Я обернусь добрым мулом, садись на меня и поезжай в город Халаб. Тамошний кадий собрался в Каабу, и ему нужен мул. Не продавай меня до тех пор, пока он не заплатит сто плури, а как получишь деньги, иди своей дорогой.

Черт обернулся мулом. Человек сел на него верхом и проехал мимо ворот кадия. Мул был холеный, в ярких пятнах, иноходец. Слуги кадия окликнули всадника. Тот сказал, что готов продать мула. Слуги тотчас же пошли и доложили кадию. Заплатили тому человеку сто плури и забрали у него мула. Кадю мул очень понравился, до того ему полюбился, что кадий приказал привязать его тут же, перед домом.

Спустя два или три дня разошлись как-то слуги по своим делам. Кадий с восторгом поглядывал на своего мула. Мул скинул недоуздок и оказался на свободе. Поблизости стоял рукомойник, и мул влез в кувшин.

Кадий стал кричать. Сбежались слуги, он все им рассказал. Те стали говорить:

— Кадий, видно, чего-то испугался и сошел с ума. Что он тут болтает? Как может мул влезть в кувшин, как может поместиться в нем?

Схватили кадия, долго его мучили и посадили на цепь.

Кадий клялся:

— Не безумец я, говорю правду.

Но кто стал бы его слушать?

Сорок дней не давали ему спать. То заставляли плясать, то гоняли. Выбившись из сил, он сказал:

— Теперь я здоров.

Его отпустили. Сидел он как-то один, а мул высунул из кувшина уши и тряхнул ими. Кадий закричал:

— Помогите! Он опять здесь.

Сбежались люди, схватили кадия, измаяли его еще пуще, чем в прошлый раз. Он снова сказал:

— Я здоров, теперь уже совсем здоров.

Его отпустили. Кадий сидел спокойно. Мул снова выставил уши из кувшина и тряхнул ими. Кадий сказал:

— Видеть-то я вижу, но ничего не скажу: боюсь, как бы не начали меня снова терзать.

— Тот кадий говорил правду. Он в самом деле видел мула, но никто ему не верил.

И я, подобно ему, вижу и говорю правду, но никто из вас меня не слушает. Что же мне делать?

Рассказал ему Джумбер притчу:

КУЗНЕЦ И ЧЕРТ

Был в городе Шами кузнец, который то и дело ругал черта. Черти обиделись и подстроили кузнецу ловушку. Один из чертей явился к нему в образе старика, привел с собою юношу, сына своего, дал кузнецу двадцать плури и сказал:

— Научи его твоему ремеслу.

Кузнец обрадовался, принял юношу в подмастерья и пообещал хорошенько его выучить.

Спустя два месяца черт обернулся хилым стариком, пришел к кузнецу, принес двести плури и сказал:

— Я совсем одряхлел; силы мои на исходе. Вот тебе плата, возьми ее, переплавь меня и сделай из меня тридцатилетнего человека.

Кузнец помянул нехорошим словом черта и спросил:

— Разве человек может сделать такое?

Но подмастерье сказал ему:

— Возьми деньги! Я сын литейщика и могу его как следует переплавить.

Черт — мастер на всякую чертовщину. Скрутили они старца, обложили углями, развели огонь и стали раздувать мехи.

Старик кричал что есть мочи:

— Ой, горю, не сожгите меня!

Однако они продолжали раздувать мехи. Разве черта сожжешь? Прошло еще некоторое время, и вышел из огня мужчина лет тридцати.

Все очень изумились, и пошла молва:

— Этот кузнец такой мастер, он может переплавить двухсотлетнего старца в двадцатилетнего юношу.

Прослышал об этом и шамский кадий, который был очень стар. Он принес кузнецу двести плури и сказал:

— Переплавил бы ты и меня.

Кузнец обещал, так как думал, что в самом деле может его переплавить. Согнули старика в три погибели, сунули в огонь и стали раздувать мехи. Когда разрыли золу, то даже костей его не нашли — сгорел кадий дотла.

Схватили бедного кузнеца и повесили. Вот как хитро провели его черти.

— Черт черта чует и может переплавить. Ты и есть черт и видишь черта. Незачем в этом клясться, и без того всякий поверит.

Рассказал ему Рукха притчу:

ПЕРС И ИНДИЕЦ

Некий купец, перс, отправился в Индию и прибыл в город Кашмир. Пошел он к тому дому, в котором обычно собираются богатейшие купцы, проследовал прямо через всю палату, сел выше всех, снял чалму, положил ее рядом с собою и закинул ногу на ногу. Он сидел с таким гордым видом, будто был здесь самым важным человеком.

Вы, верно, тоже слышали о том, как богаты индийцы.

Какой-то человек наблюдал за всем этим со двора — один из тех людей, которые не устаивались чести не только сидеть рядом с богачами, но даже входить в этот дом. Увидев, как расселся перс, он подошел к нему слугу: «Выпроси-де, сколько у него казны?»

Спросили перса, и он хвастливо ответил:

— У меня триста туманов.

Услыхав это, индеец, стоявший во дворе, возмутился и сказал:

— У меня триста домов из янтаря, не говоря о других богатствах; у моих дверей валяется восемь слитков серебра вместо камней, чтобы прохожие могли присесть, и я все же не удостоился чести войти в этот дом и приветствовать его хозяев. А этот бродяга вошел и сидит выше всех. По какому праву, чем он заслужил?!

Когда перс выходил, индеец встретил его у дверей и сказал ему так:

— Ты не знаешь, как у нас торгуют. Если хочешь, я дам тебе ровно столько, сколько ты сам определил для торговли; будем торговать вместе и делить поровну барыши и убытки.

Перс обрадовался и согласился. Дал он триста туманов, и еще триста дал индеец. По совету индийца они купили на шестьсот туманов чесноку и луку, сняли склады и свалили туда свой товар.

Индеец сказал:

— Месяца через три все вздорожает, и мы выручим вдесятеро больше.

Прошло три месяца, но товар их сгнил. Перс сказал:

— Погибло все наше добро.

И снова по совету индийца они взяли деньги в долг, наняли рабочих, отобрали гнилые луковицы, а уцелевшие продолжали хранить. Индеец сказал персу:

— Благодаря мне у тебя будут хорошие барыши.

Прошло еще три месяца, и все сгнило, да так, что не уцелело ни одной головки. Тогда перс стал плакать и обвинять индийца. Индеец сказал ему:

— Что ты болтаешь? Ведь убытки и барыши мы делим пополам, пропало поровну и мое и твое.

Перс до того обнищал, что ему не на что было купить хлеба. Тогда индеец пришел к нему, взял его к себе, дал еще триста туманов и сказал:

— Я потерял эти шестьсот туманов, брат, от досады, что ты сидишь в собрании богатейших купцов.

— Подобно этому индийцу — и я, досадуя на Леона, совершу такие дела, что все будут удивляться.

Рассказал ему Джумбер притчу:

72

АИСТИНЫЙ СУД

В одном месте водилось много белых аистов. Некий человек украл у аистихи яйца и подложил ей в гнездо гусиные. Аистиха вывела и вырастила птенцов, полагая, что это ее собственные. Когда они подросли, пришел аист-отец и увидел, что они совсем на него не похожи. Он собрал всех аистов, сколько их было в тех местах, и показал им птенцов. Они схватили невинную аистиху, убили ее и высосали у нее мозг.

— Чем обидел тебя Леон? Разве он — твоя жена и изменил тебе? Или враг и убил твоего сына? Или была у тебя жена и он наслаждался ею? Или он причинил тебе увечье? Что он тебе сделал? Скажи! Я его не защищаю и не предпочитаю тебе, клянусь головою царя! Но говорю тебе истинную правду: между вами нет ничего, из-за чего стоило бы враждовать.

Враждовать надлежит в трех случаях:
с соседом, когда он хочет переступить межу;
когда чьим-нибудь имением завладел другой и, не погубив его, нельзя получить имение обратно;
когда человек нанесет другому позорящее его оскорбление.

Рукха сказал:

— Не скрываю, я враг Леону.

Джумбер сказал:

— В трех случаях не следует враждовать:

плывущему на корабле — с кормчим;

жителю долины — с жителем укрепленных мест;

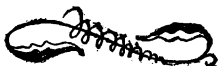
тому, кто живет у нижнего течения ручья, с тем, кто живет у его истока.

Рукха сказал:

— Ты ведь царский сын, так будь же ласков и услаждай нас.
Джумбер сказал:
— Услаждать надлежит в трех случаях:
тем, кто совместно владеет крепостью;
тому, кто обладает многочисленным родством;
участникам пиршества.
Рукха сказал:
— Тщетны все мои труды!
Джумбер сказал:
— Тщетными бывают труды:
трусливого стража;
того, кто хотел бы заставить мула рожать;
того, кто гонится за ветром.
Рукха сказал:
— Он упражняется в многословии.
Джумбер сказал:
— Многословными надлежит быть троим:
беззащитному нищему;
бродячему проповеднику;
спорщику и драчуну.
Рукха сказал:
— Убегу от руки твоей куда глаза глядят!
Джумбер сказал:
— Бежать следует:
тому, кого осудил народ на посмеяние;
мужу своенравной жены;
тому, кто изменил своему господину.
Рукха сказал:
— Хоть бы мне умереть!
Джумбер сказал:
— Смерть призывают:
тот, кто жил порочной жизнью;
тот, кто болен продолжительной и неизлечимой болезнью;
тот, кто наверняка рассчитывает попасть в эдем.
Рукха сказал:
— Ты, видно, хочешь меня изгнать?
Джумбер сказал:
— Изгнанию подлежат трое:
виноградарь, крадущий виноград;
врач-невежда;
отшельник, не приносящий утешения.
Рукха сказал:
— Вижу, гневаешься ты на меня.

Джумбер сказал:
— Прогневить могут трое:
упрямый, непослушный сын;
сварливая женщина;
болтливый раб.

Рассказал Рукха притчу:

73

ФИЛОСОФЫ

Был великий, обладавший всей глубиной мудрости философ. Он отрекся от мира, ушел в далекую пустыню, поселился там и молился в одиночестве. И было еще шесть других философов, ученых и превеликих любителей науки. Они заспорили из-за какого-то слова, не могли прийти ни к какому решению и отправились к тому отшельнику.

Спросили его, но тот долго не отвечал. Они повторили свой вопрос, и он ответил им так:

— Вы расточили все свое состояние, чтобы выучиться многоглаголанию, я же отказался от своего состояния и от мира, чтобы пребывать в молчании, не разговаривать.

Он не сказал больше ни слова, и возвратились они посрамленные, без всякого ответа.

— Так же и я: хоть бы мне избавиться от вас, ради этого отрекусь не только от мира сего, но и от того, вечного, и успокоюсь.

Рассказал ему Джумбер притчу:

74

МЕДВЕДЬ И ОХОТНИК

Охотились два товарища. В том месте был овраг, и они шли — один по эту, другой по ту сторону оврага. На одного из них напал медведь и подмял его. Тогда товарищ крикнул:

— Брось медведя, иди сюда, пора взяться за дело!

Тот закричал в ответ:

— Медведь не пускает, а то бы я и сам давно его бросил!

— Ты сам не отстаешь и не даешь никому покоя, а между тем никому не приятна беседа с тобой и ни у кого нет охоты продолжать ее.

Рассказал Рукха ему притчу:

СИРОТА И ЕГО МАТЬ

Жил на свете ребенок, сирота. Когда он подрос, то спросил свою мать:

— У всякого человека есть отец, почему у меня его нет?

Мать ответила:

— Дитя мое, у тебя тоже был отец, да он утонул в реке.

Ребенок спросил:

— Разве не было моста на той реке, которую ему нужно было перейти?

Мать ответила:

— Был, да очень далеко.

Ребенок сказал:

— А если бы он до сих пор шел, неужели не дошел бы до того моста?

Мать рассмеялась и сказала:

— Он бы, верно, не утонул, если бы столько обдумывал.

— Эту притчу я рассказал тебе к тому, что, если ты столь взыскателен к слову, почему разговариваешь с человеком неприятным, почему до сих пор не догадался замолчать?

Тут Леон раскрыл свои мудроглаголющие уста и сказал Джумберу сладкоречивым своим языком так:

— О царевич, ты — дитя, ты ищешь пути для слова и от чрезмерного желания найти все более теряешь его, подобно тому царю, который потерял то, что искал...

Царь спросил:

— Как это случилось?

Рассказал Леон притчу:

ЦАРЬ И КУЗНЕЦ

Был в стране Лангарути царь, который долго и тщетно пытался отыскать в своем царстве философский камень или найти искусника, знающего его состав.

В том городе жил один кузнец. Он изготовил топор и продал его. Человек, купивший топор, пошел нарубить дров. Занес топор и, промахнувшись, ударил о камень. Лезвие топора зазубрилось. Оказалось, что это и был философский камень. Стоит только прикоснуться таким камнем к железу, и оно превращается в золото. Человек посмотрел на топор, увидел, что он пожелтел, а лезвие все в зазубринах, рассердился и сказал:

— Кузнец обманул меня, продал медный топор.

Он пошел к кузнецу и вступил с ним в перебранку.

Кузнец был человек умный. Он спросил:

— Отчего зазубрилось лезвие? Обо что ты ударил?

Тот человек взял кузнеца с собой, показал пень и сказал:

— Я хотел расколоть этот пень, а ударил вон по тому камню.

Он выискал с кузнеца уплаченные за топор деньги, отдал ему топор и ушел.

Взял кузнец этот камень. Стоило ему прикоснуться камнем к куску железа, как оно превращалось в золото. Кузнец до того разбогател, что потерял счет своим богатствам.

Царь сказал:

— Бог благоволит к этому кузнецу, много у него всякого добра, соватаю я его дочь за моего сына.

Царь сосватал девушку, справили свадьбу. Кузнец подумал:

«Что могу дать ей в приданое ценнее и лучше этого камня?»

Положил камень в золотой ларец, запечатал и отдал ей. И никакого другого приданого не дал.

Балкон царского дворца возвышался над морем. Царь сидел на балконе. Он сказал:

— Покажите мне приданое моей невестки, хочу посмотреть, что она принесла с собою.

Подали ему ларец и сказали:

— Ничего, кроме этого, она не принесла.

Царь открыл ларец, в нем лежал обыкновенный булыжник; царь оскорбился и сказал:

— Я сватал дочь крестьянина, чтобы он, обладая многим, дал ей богатое приданое.

И кинул камень в море.

Пришел к нему кузнец и все рассказал. Стали искать камень, но где же его найти?

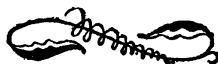
Как страстно желал его царь, как легко приобрел и как легко и безрассудно лишился!

— Если ищешь мудрости, не утомляй свой язык беседой с ним. Если хочешь учиться — вот Седрак, визирь твоего отца, нет равного ему в мире. Если хочешь усвоить царские обычаи и нравы — вот царь царей, отец твой, подобный ему еще не рождался на свет. Если хочешь слушать рассказы о приключениях, то никто больше меня не видел радостей, горя и чудес в чужих странах. Зачем ты беседуешь с таким глупым, невежественным, мерзким, потерявшим человеческий образ человеком? Что нравится тебе в нем? Как бы ты ни беседовал с ним, любя или ненавидя, все равно оставь его в покое.

Царь сказал Леону:

— Ты прав! Давно хотелось мне расспросить тебя о твоей жизни. Откуда ты родом, чей ты сын? Как прибыл сюда? Что видел в пути? Расскажи мне все.

Леон рассказал ему:

НЕЛОВКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

Я уже докладывал вашему величеству, что не знаю, ни где родился, ни кто были мои родители.

Направляясь сюда, я попал в одну деревню. Пятеро товарищей сидели и перекидывались шутками. Позвали и меня, усадили с собой.

Им вздумалось обрить головы. В той деревне был плохой цирюльник, но он выдал себя за хорошего мастера и пришел к нам.

Он начал брить одного из этих людей, причиняя ему изрядные страдания.

Против того места, где мы сидели, заревел верблюд. Человек, которому брили голову, сказал:

— Видно, его тоже бреют, вот он и ревет так горестно.

Мы засмеялись и заставили бриться еще одного. Измученный до крайности неловким цирюльником, он вынул пять бисти, дал ему и сказал:

— Знаю, живым мне от тебя не уйти. Не хочу, чтобы плата за твой труд осталась за мною и чтобы этот долг тяготел надо мною на том свете.

Цирюльник принялся за третьего. Он до крови порезал ему голову и приложил вату, чтобы остановить кровь. Порезал еще в одном месте и снова приложил вату. Примерно в десяти местах изрезал он ему голову

и всюду прикладывал вату. Когда цирюльник обрил половину головы, тот человек не позволил ему трогать другую половину и сказал:

— На одной половине моей головы ты посеял хлопок, оставь мне другую под дыни.

Мы смеялись и насильно заставили бриться всех, кто отказывался.

Цирюльник принялся брить четвертого. Когда тот дошел до крайнего изнеможения, я спросил:

— Сколько вас, братьев?

— Шестеро нас, если этот человек отпустит меня живым, а если нет, останется пятеро.

Пятого он изрезал во многих местах и всюду прикладывал вату. Тот дал ему два гроша. Цирюльник оказался человеком остроумным и сказал ему так:

— Одной только ваты я истратил на твою голову на пять бисти, а ты даешь мне два гроша.

Мы смеялись, рассказывали друг другу пережитые приключения.

Цирюльник принялся брить меня; мне тоже пришлось нелегко, но я и виду не показал. Когда он кончил, я дал ему сколько следовало и поблагодарил:

— Пусть души твоих родителей успокоятся так же, как я был спокоен во время бритья.

Товарищи стали меня упрекать:

— Сухая ослиная шкура заревела бы от боли, а ты еще благодаришь.

Я ответил им:

— Если бы я отказался бриться, вы бы все равно меня заставили. Этот человек сохранит ко мне признательность, а я ведь проклял его родителей.

Они спросили меня:

— Как так?

Я ответил:

— Если души его родителей успокоятся так же, как я был спокоен во время бритья, какие же страшные муки предстоят им в аду?

Мы выпили вина, попиrowsали всласть, и я отправился дальше.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ЖИВОПИСЦЫ

Пришел я в один итальянский город. Увидел меня некий живописец и позвал к себе. Он был старшим среди всех живописцев. Прожил я у него месяц. Приглашали нас всюду вместе.

Раз позвал нас один живописец. Он нарисовал на косяке окна чернильницу и в ней тростниковое перо. Всякому могло показаться, что там и в самом деле стоит открытая чернильница.

Был там еще один очень хороший, гордый своим мастерством живописец. Хозяин сказал ему:

— Потрудись, брат, подай чернильницу, в другой раз и я тебе услужу.

Живописец встал,— он думал, что перед ним настоящая чернильница,— протянул руку, коснулся стены и очень смутился. Мы засмеялись.

В другой раз нас позвал к себе этот самый живописец. Тот, у которого мы были в прошлый раз, позабыл о происшествии с чернильницей. А нынешний наш хозяин нарисовал на стене раскрытую настежь дверь. Могло показаться, будто эта дверь ведет в другую комнату.

Мы пили вино, живописцы заспорили из-за какого-то слова. Хозяин сказал тому, который нарисовал чернильницу:

— Бросьте спорить, об этом правильно сказано в моей книге.

Тот спросил:

— Где эта книга?

Хозяин указал на дверь и сказал:

— В той комнате, возьми скорее и посмотри.

Живописец поспешно встал, хотел войти в ту комнату, но натолкнулся на стену и ушиб голову.

Хозяин сказал ему:

— Плоховато я тебя угостил, но выучиться рисовать такие чернильницы, как твоя, можно вот в такой комнате, как эта.

Мы выпили еще вина и разошлись.

Позвал нас еще один живописец. Усадил нас, а рядом была у него еще другая комната. Там он нарисовал на жести водоем. Взглянув, гость мог подумать, что он полон воды.

Хозяин подзывал живописцев одного за другим, совал стакан в руку и говорил:

— Поди, брат, зачерпни воды и дай сюда.

Входя, они думали, что перед ними и в самом деле вода. Стаканы ударились о железо и разлетались вдребезги, а они, смутившись, тайком ускользали в другую дверь.

Был среди них один живописец, человек большого ума. Хозяин протянул ему стакан и послал за водою, но тот догадался, что за этим кроется какая-то хитрость. Потрогал рукою, оказалось — жечь. Тут же поблизости лежали кисти и краски живописца, и он нарисовал на жести собаку, будто бы утонувшую в водоеме.

Художник возвратился и сказал хозяину:

— Кто-то бросил в водоемдохлую собаку. Воду нельзя пить, поэтому я не зачерпнул.

Мы пошли, посмотрели, полюбовались. Пили вино. Мне очень понравилось их искусство.

Потом нас позвал еще один живописец. Он как-то увидел жену своего товарища и нарисовал ее портрет, да так, что его нельзя было отличить от нее самой. Мы уселись возле портрета. Затем он позвал ее мужа. Вошел тот и увидел — жена его сидит с нами. Человек он был вспыльчивый, подумал, что это в самом деле его жена, и, не долго думая, кинулся в ярости, чтоб ее ударить. Размахнулся и попал кулаком в стену. Мы много смеялись.

И так мы провели там целый месяц.

— Покинул я эти места. Повстречались мне какие-то три человека. Они сидели среди поля на перекрестке. Оказалось, они тоже впервые повстречались друг с другом и побратались. Они плакали и ругали своих жен. Я подошел к ним и спросил:

— Какая с вами приключилась беда?

Они ответили:

— Сойди с коня, присядь, мы тебе расскажем.

Первый из них рассказал:

ЗАВИСТЛИВАЯ НЕВЕСТКА

Был у меня брат, любимый, послушный, милый моему сердцу. Его жена была красивее моей. Из-за этого моя жена стала злиться и враждовать с нею: «Зачем-де она красивее?»

Пристала она ко мне:

— Заставь брата прогнать жену или разделись с ним.

Но брат не захотел отпустить жену, и мы расстались, и теперь я скитаюсь, как нищий.

Второй рассказал:

ХЛЕБ С ХЛЕБОМ

Нас было четверо братьев, все мы были женаты. Привязалась ко мне жена, говорит:

— Если ты разделишься с братьями, я приготовлю тебе хлеб с хлебом, вот какая я жена!

Ни днем, ни ночью не давала она мне покоя. Я отделился от братьев и сказал:

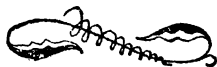
— Теперь подай мне хлеб с хлебом.

Она сварила пшеничную кашу, поставила передо мною, сунула мне в руку хлеб и сказала:

— Вот тебе хлеб с хлебом.

Возненавидел я семью и ушел.

Третий рассказал:

ОГОНЬ «СЕЛ ДА ПЕРЕСЕЛ»

Было нас восемь братьев. Пристала ко мне жена:

— Разделись с братьями, и я тебя так возвеличу, что разведу тебе огонь «сел да пересел».

Не мог я больше ей противиться, отделился от братьев. Дело было зимою. Усадила меня жена и разожгла огонь. Принесет соломы и кинет в огонь, солома разгорится, я отодвинусь, а как станет холодно, снова сяду поближе. Так она со мной поступила.

Спросил я ее:

— Что же это такое?

Она ответила:

— Я же тебе сказала, что разведу огонь «сел да пересел», вот он и есть.

И теперь я скитаюсь, не зная радости.

Сказали они мне:

— Расскажи-ка и ты про свою жену и братьев.

Я ответил:

— Нет у меня ни братьев, ни жены.

Они обругали меня и прогнали:

— Зачем же ты слушал про наш позор?

Покинув те места, я пришел в город Муками. Увидел меня один врач, главный над всеми врачами. Он приютил меня, устроил пир в мою честь. Пригласил других врачей и сказал им:

— Кому из вас пришлось лечить или видеть тяжелейшую болезнь, расскажите моему гостю, может быть, это его позабавит и будет ему приятно.

И первый рассказал:

82

ВРАЧ, КОТОРЫЙ КУСКОМ МЕДИ ПОЧИНИЛ ЧЕРЕП

Враги окружили в бою одного человека и так раздробили ему череп, что кость уже не могла срастись. Я вынул разбитую кость и заменил ее кусочком меди. Все срослось, и этот человек долго жил.

Второй рассказал:

83

ВРАЧ, КОТОРЫЙ ИСЦЕЛИЛ КРОВОПУСКАНИЕМ

Дядя мой был очень искусный врач. Сидел он как-то на балконе, внизу перед домом была площадь. Проскакал мимо какой-то юноша. Врач только взглянул на него сверху и тотчас же послал вдогонку человека, приказав сказать так:

— Вскрой себе на руке жилу, не то тебя задушит кровь.

Юноша осыпал посланца бранью и подосадовал на врача. Но едва он приехал домой, как у него случился прилив крови, и он был на волосок от смерти.

Мой дядя подоспел к нему как раз вовремя. В доме стоял плач. Дядя

вошел, удалил плачущих; вскрыл больному жилы на обеих руках и выпустил много крови. Тот человек выздоровел и с тех пор превозносил его мудрость и знания.

Третий рассказал:

84

ВРАЧ, КОТОРЫЙ ВСТАВИЛ ЧЕЛОВЕКУ ОСЛИНУЮ ГОЛЕНЬ

Один из моих соседей был очень искусный костоправ. Другой сосед сломал себе голень, да так, что раздробил на мелкие кусочки и кость уже не срасталась. Костоправ разрезал мясо, вынул кость и вложил ослиную голень. Стал больной прикладывать лекарства, все срослось, и он исцелился.

Четвертый рассказал:

85

МУДРЫЙ ВРАЧ

Мой учитель был знаменитый врач, исцелявший от всех болезней, но случилось так, что он сам тяжело занемог. Его навещало много врачей. Когда врач входил, чтобы его полечить, больной всякий раз поднимал палец. Врачи не понимали, что это значит, и он не позволял им себя лечить.

Прошло много дней, слух об этом разнесся повсюду. Прибыл откуда-то издалека еще один врач и посетил его. Больной поднял палец, прибывший показал ему два. Больному это понравилось. Он подозвал его ближе и дал пощупать пульс.

Врач принялся его лечить и вылечил. Я спросил:

— Почему ты не позволял лечить тебя другим врачам?

Он ответил:

— Я испытывал их, но оказалось, что ни один из них не обладает мудростью, а врач, не обладающий мудростью, готовит больному отраву.

Я спросил:

— Почему ты показывал палец, что это означало?

Он ответил:

— Показывая один палец, я давал понять врачу, что он — не совершенный врач, если не исцелил сто человек. Другие этого не понимали, а тот врач показал мне два пальца в знак того, что он исцелил двести человек. Мне понравилось, что он меня понял, и вот я исцелился. Если что-нибудь очень приятно сердцу больного, он непременно выздоровеет.

Пятый рассказал:

ЦАРЬ БАСРОВ И ВРАЧ

У царя басров во время еды застряла в горле кость. Ни один врач ему не помог. Позвали моего деда. Он пришел, увидел, что случилось, и все понял. Спросил он царя:

— Есть у тебя сын?

Царь сказал:

— У меня есть сын, ему едва исполнилось девять лет, он подобен солнцу.

— Ты исцелишься, если позволишь зарезать его и съешь его печень, нет другого средства помочь тебе.

Царь не хотел об этом и слышать. Врач же настаивал на своем. Когда оказалось, что нет другого выхода, то и визири посоветовали царю:

— Если ты умрешь, враги все равно разорят царство и убьют твоего сына. Если же выздоровеешь, будет у тебя еще сын.

Царь велел позвать сына, посадил его к себе на колени, поцеловал и сказал:

— О дитя мое, мне говорят, что я должен зарезать своего сына и съесть его печень и тогда выздоровею.

Сын ответил ему так:

— Если это тебе поможет, то пусть я умру за тебя. Зарежь меня. Отец рождает сына, а не сын отца.

Отдали его врачу на заклатие. Врач сказал:

— Повесьте ковер, чтобы царь не увидел, как будут резать его сына.

Он приказал поместить за ковром козла так, чтобы царю не было видно. Когда он вонзил козлу в горло нож, тот отчаянно взревел. Царь

подумал, что это кричит его сын. Скорбь обожгла его сердце, и он воскликнул: «Горе мне, сын мой!» — так громко, что кость выскочила сама собою и отлетела далеко.

Царь выбежал и увидел, что сын его жив. И сказал он врачу:

— Что ты со мной сделал?

Врач почтительно ответил ему:

— Если бы я не прибег к этой уловке, ты не закричал бы так, что кость вдруг выскочила сама собою.

И царь тот исцелился.

Шестой рассказал:

ВРАЧ, КОТОРЫЙ ИСЦЕЛИЛ СКРЫТУЮ В ТЕЛЕ ОПУХОЛЬ

Пришел к моему старшему брату больной. Все врачи дивились его болезни. Брат сказал им:

— В теле у этого человека скрытая опухоль. Опухоль сама собой не рассосется, ножом ее не достать, лекарства на нее тоже не положишь, что же нам делать?

Никто из них не мог придумать средства. Брат приказал принести пять пиявок и заставил больного проглотить их. И стал тот человек совсем как мертвец. Пиявки впились в опухоль, и она вскрылась. В нужное время брат дал больному какое-то лекарство, пиявки вышли, вылилось много крови и гноя, и больной исцелился.

Седьмой рассказал:

СЫН КИРМАН-ШАХА

Сын Кирман-шаха тяжело заболел. Созвали к нему много врачей, но они ничем не могли помочь. Привели Абдул-Джаффара. Он лечил больного всякими лекарствами, но тоже ничего не достиг. Тут он стал всматриваться в лицо юноши, в его родителей, сравнивая их черты. В душу

его закралось сомнение: между отцом и сыном не было никакого сходства.

Он тайно вызвал мать юноши и сказал ей:

— Если хочешь, чтобы твой сын остался жив, скажи, от кого он у тебя? Я знаю, что он не сын шаха.

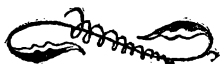
Сначала она долго клялась и отрицала, но, так как выхода не было, призналась врачу:

— Мой супруг был бездетен, нет у него и родни, и кровное наследие досталось бы чужому. Тогда я, чтобы никто не догадался, взяла себе одного мельника, и ребенок этот от него.

Узнав все это, врач не стал больше показывать юношу родителям. Он вытащил из-под него постель, постлал немного соломы и не стал давать ему лекарств. Когда больной просил есть, врач бранил его и давал небольшой кусок черствого хлеба. Дело было, оказывается, в том, что у больного была отцовская натура и дорогие лекарства не шли ему впрок.

Он выздоровел. Абдул-Джаффар привел его, здорового, к родителям, и все стали восхвалять искусство врача.

Восьмой рассказал:

ВРАЧ, КОТОРЫЙ ИЗЛЕЧИЛ ОТ ЛЕТАРГИЧЕСКОГО СНА

Мой зять, врач, был дружен с одним старым человеком, они любили друг друга.

Ушел он однажды в деревню навестить больных. Пока он отсутствовал, этот человек умер.

Врач возвратился домой в тот самый день, когда похоронили старика. Услышав о его смерти, он долго плакал, затем спросил, от какой болезни тот умер. Ему рассказали все, как было. Тогда он, прихватив с собой человека с заступом, отправился тайком на кладбище, раскопал могилу и вынул из нее покойника.

Оказалось, что старик уснул летаргическим сном и его похоронили заживо. Человек, захворавший этой болезнью, походит на мертвеца, поэтому и не могли распознать. Врач раздел его донага, исколот ему ланцетом тело в тех местах, где проходят жилы. Могилу он снова засыпал, как была, а старика отнес к себе в дом. Выпустил много крови, стал лечить и, вылечив, продолжал укрывать в собственном доме.

Сын того старика все еще горевал и каждый раз, справляя поминки, приглашал также и врача. Но врач уже не плакал, а был весел. Тот удивлялся и говорил: — Этот человек и отец любили друг друга, почему же он теперь так радуется его смерти?

Когда сын справлял сороковины по отцу, врач сказал ему:

— Мне приснилось, будто твой отец убежал из могилы.

Тот не поверил. Пошли, разрыли могилу и не нашли в ней покойника. Сын стал плакать и сокрушаться. Врач повел его к себе домой, говоря:

— Какой тебе прок от мертвеца, не все ли равно, в могиле он или нет? И ему самому какой от этого прок?

Но сын заплакал еще горше. Тогда врач ввел его в дом, показал ему отца и сказал:

— Вот какой я врач.

Сын, увидев отца, предался великой радости.

Девятый рассказал:

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ИСЦЕЛИЛА ЗЛОБА

Мой сосед заболел. Он потратил все свое состояние на врачей, но никто не мог его исцелить. Дошел до него слух:

— В городе Ширазе есть один врач, стоит ему увидеть больного, он тотчас же распознает болезнь. Если больной не безнадежен, он прописывает лекарства и велит их принимать, и тот, кто принимает их, непременно выздоравливает. Но, если больной безнадежен, врач скривит лицо и не скажет ни слова.

Услыхав об этом, мой сосед взял с собою слугу, отправился в путь и пришел к врачу. Врач, увидев его, скривил лицо и не промолвил ни слова. Больной совсем обессилел и сказал слуге:

— Ты и сам знаешь, чего я только не перепробовал, но нет мне исцеления, придется умирать. Ступай купи кислого молока, душа просит, поем и умру.

Слуга отвел больного в какой-то сад и уложил. Потом купил кислого молока, дал ему, но больной не мог всего съесть. То, что осталось, он велел слуге сохранить. Слуга поставил молоко тут же под деревом. Больной уснул, слуга же бодрствовал.

В это время приползла ехидна, сунула голову в миску с молоком и съела все дочи́ста. Слуга со страху не решился ее прогнать. Ехидна

изрыгнула все обратно и скрылась. Слуге этому надоел больной хозяин, и он подумал: «Умрет, если поест, и я буду свободен».

Проснувшись, больной спросил кислого молока. Слуга подал. Он съел все, что было, и даже облизал миску, потом лег и уснул. Ударило его в пот, и он исцелился. Как проснулся, встал здоровый, все у него прошло. Он сказал слуге:

— Пойдем-ка, надо побранить того врача. Он считал, что я умру, а я выздоровел без лекарства.

Когда они пришли к врачу, тот сразу, не дав ему открыть рот, осыпал бранью и сказал так:

— Да ты же поел змеиной блевотины, оттого и выздоровел. Кто тебе ее дал?

Тот человек ответил:

— Что ты болтаешь? Ты просто невежда и не угадал моей болезни.

Стали они спорить. Тогда выступил вперед слуга и во всем сознался. Врач сказал:

— Я тотчас же понял, что исцелить тебя можно только блевотиной ехидны. Но что было мне делать, брат? Не мог же я поймать ехидну, и, если бы даже поймал, как заставить ее блевать? Но вот бог по милосердию своему послал ее тебе, и ты выздоровел!

Десятый рассказал:

ВРАЧ, КОТОРЫЙ ИСЦЕЛИЛ ОТ ГРИБКА

Позвал меня повелитель Курдистана. Его мать была старая женщина, к тому же мне сказали: «Она больна уже двадцать лет, и ни один врач не мог ее исцелить».

Пошел я к ней и увидел, что больная очень слаба. Она была истощена, силы иссякли, плоть опала, она пожелтела, не переваривала пищу, не могла ходить, и даже говорить ей было тяжело, но была еще в сознании и все понимала. Я исследовал ее и сильно призадумался. После долгих размышлений я нашел источник болезни: на печени у нее пророс грибок, он и довел ее до этого. Я не знал, что делать, был озабочен и сказал им:

— У нее болезнь, которую трудно излечить, даже если бы она и не была в летах. Но я попробую свое искусство, и да поможет нам бог!

Они согласились. Тогда я обил баню войлоком, завесил изнутри коврами, чтобы не проникало ни малейшее дуновение и чтобы не уходил пар. Ввел туда больную, дал ей снотворное средство и уложил. Разрезал

живот, вынул внутренности. Срезал грибки на печени и повсюду в теле, где они были, смазал лекарствами и влил различные масла. Затем вложил внутренности обратно, на свое место, зашил живот и крепко перевязал. Когда она пробудилась, я стал давать ей укрепляющие лекарства. Она выздоровела, пополнила, пришла в силу. Все восхваляли мое искусство и превозносили меня.

Все то время, которое я там оставался, они увеселяли меня, устраивали пиры и развлекали приятными рассказами. И вот я отправился дальше.

ЧЕЛОВЕК С КАМНЕМ

Шел я по знойной долине. Миновав ее, увидел крутой склон. Какой-то человек спустился, взвалил на спину большой круглый камень, поднялся на гору и скатил камень вниз. Потом снова спустился, взял камень, втащил наверх и опять скатил вниз. Втаскивая камень на гору, он тяжело вздыхал, скатывая же под гору, громко смеялся. Я спросил его:

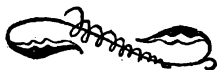
— О брат, зачем ты так надрываешься и чему смеешься?

Он ответил:

— Этот камень приносит мне и горе и радость. Я владею всего-навсего ничтожным камнем, а мои горе и радость безмерно велики. Многие владеют тысячами золотых слитков с этим камнем, но они лежат втуне, не принося им ни горя, ни радости.

Мне это понравилось. Как прекрасно он сказал такими скупыми и простыми словами!

Затем я покинул его.

УГОЩЕНИЕ ДВУМЯ ХЛЕБАМИ

Пришел я к источнику. Двое каких-то людей пили воду. Увидев меня, они обрадовались. Сели они поесть. Еды у них было всего два хлеба. Посадили и меня с собою. Каждый взял себе по хлебу. У меня же ничего

не было. Один отломил мне половину хлеба, и другой отломил половину своего. Таким образом, хлеба у меня оказалось больше, чем у них. Мы поели, однако они не насытились и рассердились на меня.

— Он нас провел! Нам на двоих достался один хлеб, а он съел целый.

Как было двоим не одолеть одного! Они схватили меня, связали и дали сто палочных ударов. Откуда мог я ждать помощи? Я то умолял их, то уговаривал, но они не вняли моим мольбам. Я сказал:

— Пусть так же поступит с вами тот, у кого вы будете в гостях!

Они бросили меня связанным и поспешно скрылись.

Подошел какой-то сердобольный человек и спросил, что со мною приключилось? Я рассказал все, как было. Он начал так:

— О брат, я дам тебе в поучение пять заповедей, запомни их:

не доверяйся сердцем невежественному человеку;

не проявляй слабости перед дерзким;

будь всегда осторожен, даже в собственном доме;

не ходи в гости к голодному;

не принимай подарков от бедняка.

Я сердечно поблагодарил его. Он развязал меня и сказал:

— Многих еще обманули эти люди.

Снабдив меня едой, он удалился. И мне тоже незачем было оставаться там дольше.

ДЖИЗИ-ГУРГЕН

Покинул я те места и пришел к морю. Сел на корабль. Поднялась буря, корабль разбился, все утонули вместе со своим добром. Один я спасся на доске, и носило меня по морю семь дней и семь ночей.

На восьмой день волны выкинули меня на берег.

Истомленный, разбитый плаванием по бурному морю, я встал и побрел дальше. Взошел на холм, огляделся. Была зима, лежал глубокий, по колено, снег. Добрался я до места, где надеялся найти жилье, хотелось мне есть.

Вижу, идет человек редкой красоты, могучий, статный. На нем были только исподние и рубаха из тонкого полотна, и ничего больше. Он шел с обнаженной головой, босой, с засученными до локтей рукавами. Рубашку стягивал золотой пояс, за поясом торчали две стрелы. В руках был

лук. Он подошел, взглянул на меня и догадался, что я чужестранец. Стал расспрашивать, и я обо всем ему поведал. Он сказал:

— Зовут меня Джизи-Гурген, ступай по тропе, по которой я пришел, и дойдешь до поселения. Скажи от моего имени: «Примите как следует этого человека, пока я не возвращусь».

И пошел своей дорогой.

Я направился по той тропе и пришел в большой красивый город. Как только я назвал имя Джизи-Гургена, жители вышли мне навстречу и внимали мне так, как если бы я был их господином. Они хорошо приняли меня, обогрели, угостили и всячески услаждали.

Вечером возвратился Джизи-Гурген. Он убил оленя и принес его на спине; сбросив тушу у двери, вошел в дом, облачился в нарядную одежду. И, когда он уселся рядом со мною, я увидел, что это человек именитый, достойный уважения. Две недели покоил он меня и услаждал; затем сказал:

— Следуй за мною, я покажу тебе мой дом и весь его распорядок.

Я встал и пошел за ним. Он водил меня по разнообразным покоям, каждый из них был искусно убран.

Он провел меня открытыми галлереями к большому водоему. В нем была холодная вода и лежал лед. В этом водоеме я увидел детей — были тут младенцы месячные, трехмесячные и постарше, дети годовалые, двух- и трехлетки. Одни ходили, другие лежали. Когда мы вышли, я спросил его:

— Не погибли ли дети от холода?

Он ответил:

— Смерть в руке божьей. Если им суждено умереть, они умрут даже в бане. Предки наши учили закалять тело и мы поступаем так же. Кто умрет, пускай умирает, а кто выживет, тот станет таким вот юношей, каким ты меня давеча увидел.

Я изумился.

Мы вышли оттуда, и он ввел меня в другую палату. Поистине прекрасна была эта палата. Посредине стоял серебряный столб. Золотая цепь была прикреплена одним концом к этому столбу, а к другому ее концу был прикован какой-то старец. Цепь была такая длинная, что узник мог свободно передвигаться по всей палате и переходить в соседнюю. В той, другой, палате стояли в одном месте кровать, в другом стол, уставленный всякого рода яствами, в третьем вино, шахматы и нарды. Тот человек мог делать все, что ему вздумается, — пить, есть, спать, развлекаться.

Я спросил моего хозяина:

— Кто это?

Он ответил:

— Мой отец.

Я сказал:

— Зачем же ты посадил его на цепь?

Он ответил:

— О брат, когда человек старится, разум его слабеет, и он склонен обижать людей.

Люди в этой стране злые, никто отцу не уступит, и я тоже не уступлю противнику — последует ссора, ссоры приводят к убийствам. Отец окружен всяческим баловством, он только прикован к месту. А тут пускай делает все, что ему угодно!

Повел он меня оттуда в другой роскошный покой и усадил; позвал — и вошла прекрасная женщина, подобной мне в жизни не приходилось видеть; поистине она была необычайно красива и станом схожа с кипарисом. На ней было много драгоценных камней и жемчуга. На золотой цепочке, украшенной драгоценными камнями и жемчугом и смыкавшейся вокруг головы, она волочила по полу что-то круглое.

Я уже не спрашивал, кто она, — понятно, что близкая ему. Он сказал мне:

— Это моя жена, а волочит она человечесью голову.

Я спросил:

— Зачем же она ее волочит?

Он ответил:

— Однажды я неожиданно вошел к ней. Она держала в объятиях этого человека и говорила ему: «Хоть бы никто не разлучил меня с тобой»¹. Предать ее смерти я не мог — сам видишь, как она прелестна. Красота ее совершенна, но еще совершеннее разум, знания и умение себя вести — ни одна женщина не сравнится с нею! Я ее пощадил, но тому человеку отрубил голову, оправил в золото и приковал к ней, исполнив ее желание. Да не разлучит их господь! Да будет эта голова на всю жизнь прикована к ней!

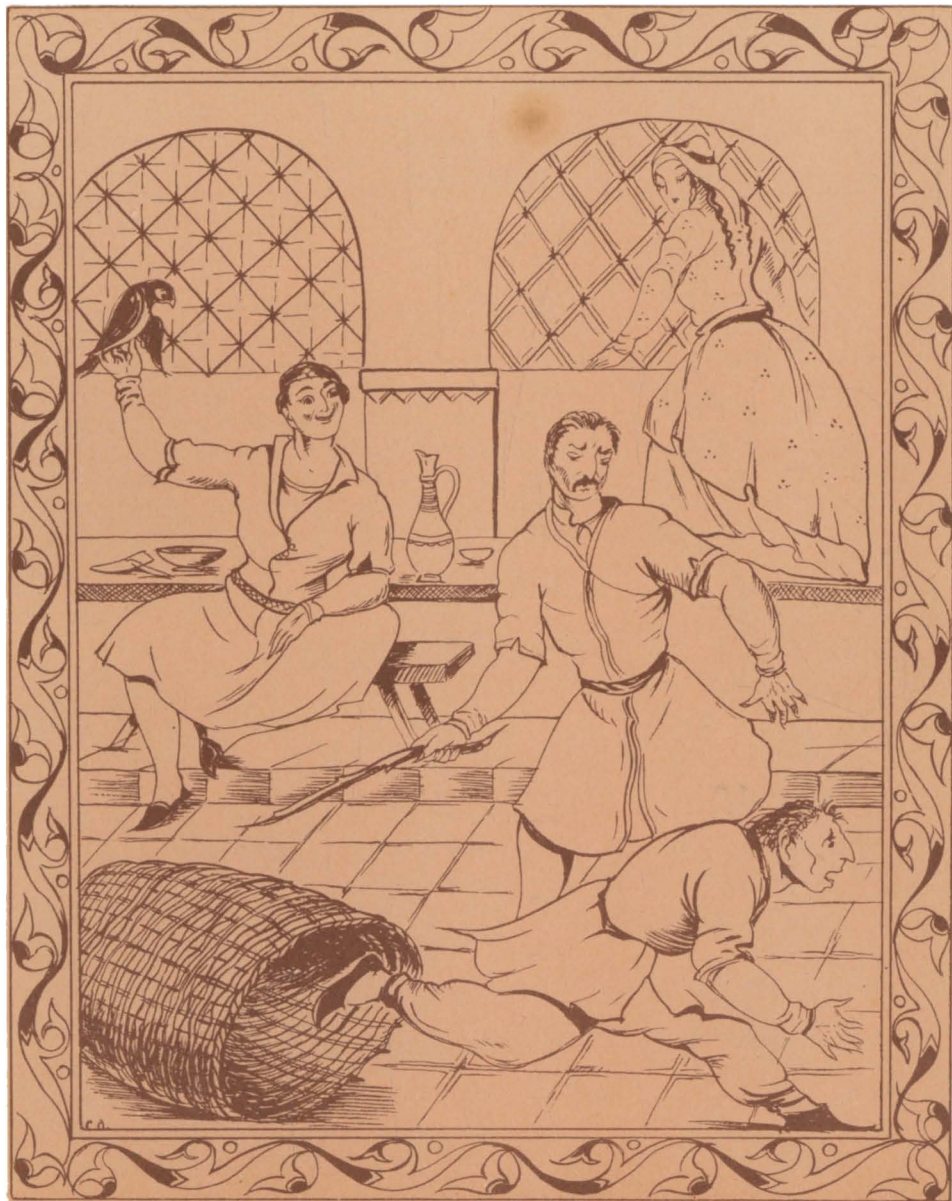
Затем он сказал мне:

— Не осуждай меня за то, что я открыл тебе свой позор. Если бы я не открылся, ты, чужестранец, не мог бы рассказать в чужой стране о чужих делах и нравах.

Он дал мне пятьсот плури и проводника, посадил на корабль и отпустил. Я отправился дальше.

Прибыл я в страну — там обитает очень хороший, добрый народ, но в этой стране никто не говорит правды, все там лжецы — и стар и млад. Привели меня к царю. У него я и остался. Никто не смел говорить правду, а если ее кто-нибудь говорил, это считалось превеликим позором.

¹ В оригинале буквально: с твоей головой.

ВОРОНА-ВЕЩУНЯ

ЧЕЛОВЕК И ЗМЕЯ

Царь устроил нам пир, и пирующие стали рассказывать охотничьи истории.

Рассказал один вельможа:

95

СОКОЛ И ЖУРАВЛЬ

Спустил я сокола на журавля. Сокол схватил журавля и сбил его на землю. Подбежал я, вижу — сокол без головы, и сказал:

— Неужели журавль оторвал ему голову?

Стал искать — и не нашел; заглянул в колпачок сокола — голова была в колпачке. Оказалось, подкидывая сокола, я забыл распустить завязки колпачка и так сильно размахнулся, что сам же оторвал ему голову. Но мой сокол был так хорош, что, и лишившись головы, сбил журавля и только после этого умер.

Другой рассказал:

96

СЛЕПОЙ ГЕПАРД

Был у меня гепард, доставшийся мне от отца. Он без промаха брал какую угодно дичь. Случилось, что гепард заболел и ослеп. Меня это очень огорчило, но вылечить его никак не удавалось. Тяжело мне было терять его, нигде нельзя было найти подобного. Один человек сказал мне:

— Посади ему на голову кошку, привяжи и натрави на дичь. Кошка будет смотреть, а гепард ловить.

Я послушался, и с тех пор не было случая, чтобы дичь ускользнула от него.

Третий рассказал:

ОСА И ОВОД

А я могу натаскать осу так, что она схватит на лету не только журавля, но и пеликана.

Сначала это вызвало всеобщее одобрение, но затем стали спрашивать:

— Как же это так?

Он отвечал:

— Я их сначала натаскиваю, затем сажаю в камыши и спускаю, как только послышится журавлиный крик. Две осы разом взвиваются в высоту. Одна жалит журавля в один глаз, другая в другой. Журавль слепнет и падает наземь.

Визирь рассердился и дерзнул заявить царю:

— Разве пристало тебе слушать такие речи? Это же и в самом деле невозможно. А вот есть такая муха — овод; она может одолеть журавля — доведет до изнеможения, точно быка на току, и собьет на землю.

Клянусь твоей головой, тебе не следовало бы терпеть при себе подобного человека.

Следующий рассказал:

ФАЗАН С ПЛЕТЬЮ

Как-то я охотился. Взлетел фазан-самец; я спустил на него сокола. Потом взлетела самка. У меня ничего не было под руками, и я швырнул в нее плетъ. Фазаниха угодила головой в петлю, что у рукоятки, и улетела вместе с плетью.

В следующем году бродил я по тем же местам и увидел фазаниху; она учила птенцов летать, и у каждого из них на шее болталась маленькая плеточка.

Врач рассказал:

СКОВОРОДЫ ВМЕСТО ГОЛОВ

В охоте я ничего не смыслю. Но случилось вот что... Был я врачом при армянском царе. Однажды, когда я сидел у него, привели какого-то преступника. Царь приказал отрубить ему голову. Я попросил обождать: приготовил тут же лекарство и, когда тому человеку отрубили голову, влил лекарство в глотку и прикрепил к шее сковороду.

Человек не умер, но вместо головы у него была сковорода. После обезглавливания он произвел на свет не то троих, не то четверых детей — все безголовые, а вместо головы у каждого была маленькая сковородочка.

Визирь рассказал:

ЖИТЕЛЬ ПОЛУНОЩНОЙ СТРАНЫ И КАДЖИ

Жил я у самой границы полунощной страны. Был я убог и беден. Была у меня жена, был дом — и больше ничего.

Однажды я бесцельно бродил по полю. Вижу, бежит волк, несет в пасти ребенка. Закричал я на него; волк выронил ребенка и убежал. Я поднял малыша, спросил:

— Чей ты?

Он ответил:

— Я сын каджи. Волк утащил меня. Теперь, раз ты спас меня, то спрячь: отец пустится на поиски, придет к тебе, посулит столько драгоценных камней и жемчуга, сколько во мне весу. Но ты не возвращай меня до тех пор, пока он не даст ключей от подземелья. Этого тебе будет предостаточно.

Я спрятал его в дупло и прикрыл своей одеждой. Пришел каджи и сказал мне:

— Волк утащил моего сына, если ты знаешь, где он, укажи, я дам тебе столько золота, что его хватит на всю твою жизнь.

Но я под всякими предложениями не соглашался возвратить ему сына до тех пор, пока он не отдал мне ключ от своего подземелья. Он дал его мне очень неохотно и обвинил сына, говоря: «Как же иначе ты мог узнать о ключе?»

Он указал на скалу:

— Коснись скалы ключом — и откроется дверь.

И ушел.

Я направился к той скале, открыл дверь, вошел, но там ничего не оказалось, стоял только осел на привязи. Мне стало досадно, я сказал:

— Разве мог каджи не обмануть! Он предлагал так много, а на что мне этот ключ?

Рассердившись, я ударил осла палкой. Тогда сзади из него посыпались серебро и плури. Увидев это, я обрадовался и увел осла домой. Поделился радостью с женой, ввел осла в дом и привязал.

Мы подставляли корыто к задним ногам осла и били его, а он сыпал нам золото и серебро.

Прошло некоторое время. Загордился я. Вздумалось мне проехаться на этом осле в баню.

Жена отговаривала:

— Не бери осла.

Я не послушался, сел и поехал. Привязал осла к дверям бани, а сам вошел. Хозяин бани, как оказалось, был в отлучке. Возвратился он и, как увидел осла, ударил его палкой, а меня обругал. Осел открыл свою сокровищницу. Увидев это, хозяин бани обрадовался, увел осла и привязал другого, похожего. Искупавшись, я вышел, сел на осла и уехал. Сколько потом я ни бил его палкой, из него ничего не сыпалось, кроме помета.

Жена стала укорять меня и ругать. Снова отправился я к подземелью, рассчитывая найти еще что-нибудь. Пришел и увидел ручную мельницу. Больше там ничего не было. Огорчился, но взял ее, подумав: «Пригодится».

Возвратился домой. Стоило ее завертеть направо, из нее сыпались всевозможные яства, какие только ни пожелаешь. Этим и стал я жить.

Снова я возгордился, задумал позвать царя в гости. Жена отговаривала:

— Не зови.

Не послушался я, позвал царя. Можно и не клясться, угостил его на славу. Проведали, в чем дело, отняли у меня мельницу. Снова впал я в печаль. Отправился к подземелью — так меня к нему и тянуло. Вошел, вижу — висит тыква. Ничего нет, кроме нее. Взял тыкву, пошел домой.

Утомленный и грустный, уселся я на дороге; досадно мне было, стал я себя упрекать:

«Зачем я так поступил? На что мне были баня и царская милость! Потерять такого осла и такую мельницу! Заслужил я, чтоб меня отодрали,— пришли бы хоть четыре человека да избili до полусмерти палками!»

Вылезли из тыквы четыре человека, избили меня до полусмерти. Когда я отдышался, мне это дело очень понравилось. Взял я тыкву с собой, подошел к городской окраине и сказал:

— Пусть выйдут двенадцать тысяч человек, отнимут осла у хозяина бани и мельницу у царя!

Вышло ровно столько людей, сколько я назвал, отняли и возвратили мне и осла и мельницу. Жена сказала:

— Уйдем-ка в чужие края, нельзя нам здесь жить.

Мы ушли и сели на корабль. Море взволновалось, корабль разбился. Я один спасся, уцепившись за доску. Волны выбросили меня на берег. Пришел я сюда из тех мест и достиг вот какого величия.

Царь рассказал:

101

ДЕРВИШ АБДУЛ-АЗИМ

Отец моего отца, Абдул-Азим, был дервиш, он обошел все страны мира и был такой искусный волшебник, что не нашлось бы дела, которого он не мог бы совершить; и действительно совершил много удивительных и необыкновенных дел. Стоило ему только приметить в земле или в стене клад, он обязательно добывал его; как бы ни был могуч талисман, он уничтожал его силу, а клад раздавал беднякам.

Однажды он увидел волшебные знаки над входом в одну пещеру и решил исследовать ее.

Много необыкновенных талисманов попало ему на пути. Прежде всего он увидел: сами собой взвивались и опускались перед ним мечи — он их убрал с помощью волшебства. Прошел глубже, увидел кипящую реку, через нее невозможно было перебраться, — он ее осушил. Тут же была медная обезьяна, которая вступила с ним в ожесточенную схватку, — он уничтожил и ее. Пошел дальше и увидел наполненное ртутью озеро. Скалистая тропа вела от талисмана к талисману, он не мог обойти ни одного. Трудно одолеть озеро ртути. Миновал и его. Перед ним оказалась маленькая келья, в ней — запечатанный сундучок. Поднял его, вскрыл и увидел шапку, сплетенную из волос и соломы, низенький сапожок и подсвечник. Он удивился и сказал:

— Что бы это могло быть? Большая, верно, цена этим вещам, если их охраняют такие необыкновенные, такие могучие талисманы.

Он ушел из тех мест и прибыл в какой-то город. На нем была эта шапка. Спросит о чем-нибудь, а ему не отвечают. Он очень удивился. Снял шапку, и тотчас же все стали с ним разговаривать. Оказалось, когда на нем шапка, ничей глаз его не видит — таково уж свойство этой шапки.

Дед мой сказал:

— Какая тайна в шапочке, я понял. Но что делать с другими вещами?

Вошел он в дом, вынул подсвечник и зажег свечу.

Появился высокий черный человек, поцеловал ему руку и стал перед ним. Дед спросил:

— Какую службу можешь ты мне сослужить?

Тот ответил:

— Я раб этой свечи и обязан служить тому, кому она принадлежит.

Дед снова спросил его:

— Какую службу можешь ты мне сослужить?

Тот ответил:

— Я все исполню, чего бы человек ни пожелал. и как бы трудно это ни было.

Дед поручил ему множество дел. Все, что он приказал добыть, тот добыл, все, что он приказал совершить, совершил. Тогда он приказал:

— Я хочу побывать в Индии, немедленно отнеси меня туда.

Тот ему ответил:

— Я раб этой свечи и могу совершить дела, подобные тем, что совершил, и еще более трудные, но отнести тебя в другую страну — дело и обязанность сапожка. Надень его, топни ногою и можешь отправляться, куда пожелаешь.

Дед надел шапку, спрятал за пазуху подсвечник, сунул ногу в сапожок, топнул ногой об землю и приказал:

— Быть мне в Индии! — И в одно мгновение очутился в Индии, у дверей своего друга.

Узнав таким образом назначение сапожка, подсвечника и шапки, он обошел всю землю.

В той стране царствовал могущественный царь, дед наслал на него раба той свечи, уничтожил царя и утвердился на его престоле.

— Обезумел я от их лживости. Я слышал еще много всяких небылиц, но всего запомнить не мог, да и непристойно пересказывать их царям. И отправился я дальше.

ВОРОНА-ВЕЩУНЬЯ

Пришел я в страну Елатскую и никак не мог раздобыть себе пищи. Там живут скупые, безбожные и злые люди. Два дня ходил я голодный. И придумал такую уловку: кинул палкой в ворону, перебил ей крыло, сунул ее за пазуху, приучил каркать и занялся гаданием.

Подошел я к какому-то дому, была в нем одна только женщина. Она не отворила двери и не впустила в дом. Застигла меня ночь, я очень устал и присел у порога. Женщина вынула из очага белые хлебцы и убрала их в ларь. Прошло немного времени, в комнате появился старшина той деревни, он принес кувшин вина и жареного гуся и положил их на подоконник. Сели они рядом и немного полюбезничали. К дверям подъехал всадник. Когда до них донесся конский топот, женщина спрятала старшину под стоявшей тут же корзиной, а сама прилегла. Я все это видел. Всадник оказался мужем той женщины, он уезжал по делу, и дома его не ждали.

Он подъехал ко мне и спросил:

— Кто ты таков?

Я ответил:

— Гость божий, меня не впустили в дом.

Мужчина окликнул жену, но она отозвалась не сразу, притворяясь, будто спит. Он вошел, зажег свет, ввел меня в дом. Оба мы были голодны, и он попросил жену дать нам поесть. Женщина неохотно вынесла две кукурузные лепешки и сказала:

— Уже полночь, где я возьму вам еды?

У меня за пазухой сидела ворона, я прижал ее рукой, и она каркнула. Тот человек спросил меня:

— Что у тебя такое?

Я ответил:

— Это ворона-вещунья. Она все знает и угадывает, я хорошо понимаю ее язык.

Тому человеку это очень понравилось, и он спросил меня насчет предстоящего урожая. Я ответил удачно. Потом я снова заставил ворону каркнуть, и он спросил:

— Что она сказала?

Я ответил:

— Она сказала: «Зачем вы едите кукурузные лепешки? В ларе лежат два белых пшеничных хлеба, ешьте их».

Потом я сказал о гусе, и пришлось женщине подать гуся. Еще раз заставил я каркнуть ворону, женщина принесла вино. Тот человек разобрал жену:

— Почему ты не подала нам все это, если у тебя было?

Женщина стала оправдываться:

— Я собиралась сходить к родным и приготовила себе на дорогу.

Я снова заставил ворону каркнуть. Хозяин спросил:

— Что она сказала?

— Она говорит: «Вы тут едите и пьете, а голодный старшина сидит под корзиной. Почему вы так невежливы, угостите же и его!»

Как услышал это старшина, скинул с себя корзину и выскочил за дверь. Хозяин погнался за ним, а я пошел своей дорогой.

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ И ВЕЛИКАНЫ

Пришел я в незнакомую страну. Удивительные нравы и обычаи были в той стране. Вошел я в город, почувствовал, что голоден, и хотел купить на пять бисти мяса. Те люди ответили мне так:

— Ты, верно, чужестранец, ведь мяса на пять бисти не хватит и соколу.

Привели меня к старшему над ними, он сидел на золотом раскладном стуле. Доложили ему, как и что я покупал. Тот спросил меня, откуда я пришел. Я ему кое-что рассказал и добавил, что я чужестранец. Он ответил:

— Похоже, хороший ты человек. У меня нет сына, нет наследника, есть только дочь. Женись на ней и владей всем моим добром и имением.

Я согласился и пошел посмотреть на его дочь. Она была очень красива. Он выдал ее за меня, отпраздновали свадьбу. Сам он остался дома, меня же посадил на свой золотой стул и поручил наблюдать за торговлей мясом.

Спустя десять дней жена моя заболела и в четыре дня умерла.

Надели на меня необычайно пышные одежды, лучшие, какие у них были, украсили жемчугом и драгоценными камнями. Так же богато обрядили и мою покойницу жену.

Я сказал:

— Что вы делаете? Мне бы плакать над ней, убиваться, а вы меня наряжаете.

Откуда мне было знать, что они собирались со мною сделать?

Они ответили:

— Таков наш обычай, и мы не можем его нарушить.

Пришли с трубами, литаврами, барабанами и бубнами, заиграли и торжественно понесли умершую, а меня повели за нею.

Поднялись мы на высокий холм, на нем стояла большая крепость. В крепости был глубокий и обширный склеп шириною около двух стадий.

Покойницу опустили в склеп, меня посадили туда же, дали мне на семь дней пищи, убрали лестницу, и я остался один.

Встал я, обошел склеп, осмотрел его. Этот склеп служил кладбищем для жителей того города. В нем было свалено самое драгоценное оружие и самые драгоценные украшения, какие только водились в той стране. Оказалось, что с женщиною опускают в могилу все то, чем пользуется женщина; с мужчиною — то, что нужно мужчине. Все это показалось мне удивительным.

Пробыл я там четыре дня. Вдруг до меня донеслись барабанный бой и трубные звуки. Подошли ближе. Оказалось, что умер какой-то знатный человек. Следом шла недавно обвенчанная с ним жена.

И покойника и его жену опустили ко мне в склеп. Женщине, как и мне, оставили на семь дней пищи. Женщина была очень удручена и все же так прелестна, что я дивился ее красоте. Убрали лестницу и ушли. Я спросил женщину:

— Что все это значит? Почему с нами так поступили?

И рассказал ей о том, что со мною произошло.

Женщина ответила:

— Таков уж обычай в этой стране: если жена умрет, муж должен вместе с нею сойти в могилу; если умрет муж, жена должна последовать за ним. Дают на семь дней пищи, а затем им суждено уйти из жизни вслед за усопшим. Переживший близкого своего не должен жить, не должен больше видеть дневного света.

Мне стало очень тяжело, и я сказал ей от всего сердца:

— Горе мне! всю жизнь не имел я пристанища, на что нужны были мне жена и богатство, если это счастье так скоро обернулось бедою?

Я раздумывал долго и горестно, но затем отбросил овладевшую мной слабость — какой от нее прок? — и заговорил с женщиною по-другому. Я сказал ей:

— Помрет человек, и что же! Видишь, сколько тут лежит истлевших мертвецов? Бог хотел, чтобы мы с тобою соединились, осуществим же влечение наших сердец.

И еще много такого наговорил я ей. Когда мы сблизились, усладились друг другом, увидел я ежа ростом больше свиньи. Оказалось, что он подрыл крепостную стену, проделал ход в склеп и повадился пожирать мертвецов. Увидев его, я обрадовался и сказал той женщине:

— Вот господь избавил нас от ада.

Там валялось много шелковых веревок. Я отыскал отверстие норы и устроил западню. Поймал ежа, привязал по веревке к задним ногам

и отпустил его. Еж полез в нору, а я потащил его обратно. Еж начал загребать землю лапами. Много раз заставлял я его проделывать это, и он расширил нору так, что мы могли в нее влезть. Я выгреб землю и расчистил ход. Мы взвалили на себя столько золота и жемчуга, сколько можно было унести, и выбрались наружу.

Выйдя на волю, мы днем скрывались, а ночью шли. Так странствовали мы целую неделю, затем купили двух лошадей, сели на них и прибыли в страну Систанскую.

Тут увидел я человека безмерно большого роста. Он подошел ко мне и спросил:

— Кто ты? Куда идешь?

Со страху я не мог произнести ни слова.

Он понял, что я испугался, и сказал мне так:

— Не бойся, я не причиню тебе зла! Если отдашь мне эту женщину, обойдусь с тобою ласково, как с сыном, а не отдашь — отниму насильно, и тогда придется тебе худо.

Я подумал: «Можно бы и еще чем-нибудь пожертвовать, только бы благополучно отделаться от него».

И отдал ему женщину.

Он обрадовался, расположился ко мне, сунул меня за пазуху и унес с собою.

Как мне объяснить, до чего он был велик?

Когда он взошел на гору, там спорили два великана. Они были побольше меня, но меньше его. Вот из-за чего они спорили: один из них нес на спине бурдюк с вином, ему тяжело было идти в гору; другой догнал его и сказал:

— Если тебе тяжело, взвали на меня, донесу до вершины, но зато разреши выпить глоточек.

Владелец вина сказал ему:

— Если дотащишь до вершины, дам тебе не глоточек, а хоть целый глоток.

Взойдя на вершину, он припал к бурдюку и одним глотком выпил все вино.

Владелец вступил с ним в перебранку:

— Зачем ты выпил все вино?

А тот требовал:

— Ты обещал мне глоток, а мне не хватило и на глоточек.

Мой великан, не дав им сказать ни слова, схватил обоих и сунул одного за одно голенище, другого — за другое.

Пришел он домой. Навстречу ему вышла жена. Она была высока ростом и некрасива. Муж сказал ей:

— Сними с меня сапоги.

Она сняла один — в нем сидел человек, сняла другой — в нем тоже сидел человек. Он вынул меня из-за пазухи и, похваляясь, сказал жене:

— Видала ты человека такого, как я?

И передал ей женщину, которую отнял у меня. Оказывается, он и жену свою похитил и никогда не бывал на ее родине.

Жена ответила:

— Не сравниться тебе с моим отцом.

Великан обиделся, сунул меня обратно за пазуху и отправился посмотреть на тестя.

Как же мне описать, до чего был велик этот тесть? Он поливал пашню, зять хотел переправиться через хлынувший в поле поток, однако коня с седоком захлестнуло водой и понесло. Когда поток принес нас к тестю, тот подхватил заступом и коня и седока и поставил на сухое место. Затем он спросил:

— Кто ты такой?

Мой великан поведал ему о себе. Тесть сказал:

— Экая досада! Ты, оказывается, приходишься мне зятем, а я чуть было не убил тебя.

И усадил его пообсохнуть.

Спустя некоторое время пришла жена того великана, принесла ему обед. Они пообедали, попотчевали и меня. А ростом я был едва ли не с мышь, какие водятся в их стране.

Теща отправилась домой, позвала зятя в гости и увела с собою. Женщина шла пешком, на спине у нее была корзина, в которой она принесла обед. Зять погонял коня и все-таки не мог за нею угнаться. Теща оглянувшись, увидела, что зять отстает, остановилась, подхватила его вместе с лошастью, посадила в корзину, взвалила на плечо и понесла.

Дома она нас хорошо угостила. Когда стемнело, появился какой-то слепой на один глаз человек, — как оказалось, любовник этой женщины. Он стал ходить по кровле дома. Женщина, стесняясь зятя, не вышла к нему. Тот человек не мог сдерживать своего нетерпения и спустился с крыши. Он презрительно покосился на зятя и стал целовать женщину. Зять обиделся, выдернул столбы, на которых держался дом, желая обрушить на них, а сам вышел за дверь. Женщина подняла ноги, подперла ими кровлю вместо столбов и лежала так до тех пор, пока любовник не насытился ее ласками. Потом он поставил столбы на место, чтобы дом не обрушился, и погнался за нами. Мы скрылись.

Видим, какой-то человек сеет горох. К ноге его привязана борона, и он одновременно и сеет и боронит. Горох был у него в подоле. Он брал горсть, совал в рот и приговаривал: «Вот это — да». Потом брал другую горсть гороха, сеял ее и приговаривал: «А вот это — либо да, либо нет». Мой великан стал умолять его:

— Кривой за мною гонится, спаси меня!

Тот взял его вместе с конем и спрятал в подол с горохом. Но когда он кинул в рот следующую горсть гороху, то прихватил заодно и нас с конем. У него был выбит нижний зуб, мой великан поставил в эту ямку коня и таким образом спасся.

Появился тот кривой и спросил сеятеля, не видал ли он нас? Он ответил:

— Здесь они не проходили.

Кривой повернулся и ушел. Сеятель заглянул в подол, нас там не оказалось. Он подумал, что проглотил нас, и выразил сожаление. Однако мой великан отозвался изнутри:

— Я здесь, жив-живехонек.

Он вынул нас и поставил на землю. Мой великан попросил его рассказать:

— Кто тебе выбил этот зуб?

Тот поведал, как это случилось:

— Собралось нас двенадцать товарищей. Все они были еще больше меня. Пошли мы разбойничать. Вдруг поднялась буря, разыгралась метель. Полю конца-краю не видно, укрыться там негде. Видим, лежит на земле иссохший человеческий череп — такой большой, что в нем поместились все мы двенадцать. Отдохнули немного, вдруг видим, гонится за волком пастух — волк, оказывается, утащил у него козленка. Пастух кидал в него то палкой, то камнем. Поравнявшись с нами, он схватил череп, в котором мы скрывались, все двенадцать, — вот какой он был великан! — и запустил им в волка. Можно не спрашивать, что случилось с волком, ничего от него не осталось! Одиннадцать моих товарищей разбились насмерть, у меня же сломался зуб.

Даже мой великан дивился росту и силе тех людей, обо мне и говорить нечего.

Воротился он домой, пришел к жене и сказал:

— Ты все правильно говорила.

Он дал мне мула, одел, снабдил едой на дорогу, проводил до самой Индии, чтобы меня никто не обидел, и ушел обратно.

ИНДИЙСКИЕ АКРОБАТЫ

Добрался я до Индии и увидел там много чудесных деревьев, животных и птиц. Но коротко обо всем этом не расскажешь, а длинно — наскучит царю.

Прибыли как-то к государю замечательные акробаты. Было их много,

но особенно удивительным и примечательным показалось мне искусство трех акробатов.

Вышел человек и стал перед царем. Вслед за ним вышли сорок его учеников. Один из них вскочил на плечи своему учителю, поставив правую ногу на одно, левую на другое плечо. Ему на плечи стал другой, на того еще один — все сорок взобрались друг на друга. И ни один не упал, ни один не согнулся; казалось, тот, кто стоит совсем внизу, даже не чувствует тяжести — он то прогуливался взад и вперед, то садился, то вставал. В конце концов он пустился бежать, подскочил и сбросил с плеч на землю всех акробатов. Ни один не упал на спину, все стали на ноги.

После этого выступил второй акробат. Были у него с собою крылья, наподобие птичьих, выстроганные из тонких досок, он привязал их и стал летать: то носился над горою, то реял над полем — все принимали его за птицу. Орел не летает так, как он летал.

Потом выступил третий акробат. Он принес с собою клубок конопляной веревки, зажал ее конец в руке и подбросил клубок в воздух. Клубок взвился, и, когда размотался до конца, его не стало видно. Акробат потянул веревку, но она не поддавалась. Потянул еще раз, опять тщетно. Он сказал:

— Взберусь-ка по этой веревке!

И полез: подымался все выше и выше, скрылся и больше не появлялся. Немного спустя послышались крики, шум, стрельба, оглушительный грохот. С вышины падали где человечья голова, где отрубленная рука или нога, где рассеченное на части человечесьё тело. Смотрим, падает и наш акробат, тоже разрубленный пополам.

Царь огорчился, и все мы опечалились. Пришли жена и двое детей акробата, вошли на костер, сгорели, а пепел их развеяли, — так принято у индийцев.

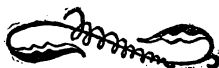
Однако мгновение спустя в воздухе снова мелькнул акробат и соскользнул по веревке на землю. Ему рассказали обо всем, что произошло, и о том, что его жена и дети преданы сожжению. Он ответил:

— Я не видел никакого сражения и не слышал криков.

Царь выразил соболезнование, облачил его в царские одежды и накинул ему на плечи соболью шубу. Акробат подошел, чтобы склониться перед царем, тряхнул полою — и оттуда выпала живехонькая его жена, тряхнул другой полый — и выпали дети. Все были поражены и сказали:

— Такого акробата и свет не видывал!

Царь щедро одарил его и отпустил.

ТУНИДЖАРСКИЕ ВОЛШЕБНИКИ

Покинул я те места и пришел в страну Туниджари. Тамошние люди — искусные волшебники и чародеи. И, как бы ни был умен человек, пришедший в их страну, он ничего у них не выведает.

В незапамятные времена кто-то выломал скалу в большой горе, пробил во мраке сводчатый ход длиною в один день пути, пристроил у входа большие железные ворота и наложил на них такое заклятье: открываться им только один раз в году, оставаться открытыми шесть часов и снова закрываться. В глубине пещеры положил он переплетенные книгой пергаментные листы, на которых записаны были на арабском языке заклятья и волшебства.

Тот, кто хочет изучить их, должен взять с собой годовой запас пищи и свечей и стать перед дверью. Когда дверь раскроется, он войдет и останется на целый год в пещере. Каким бы могучим заклятьем человек ни хотел обладать, он найдет его там и перепишет; какому бы волшебству ни хотел выучиться — познает его там. Через год, когда дверь откроется, он выйдет из пещеры и совершит все, что захочет.

Я был в тех краях и слышал обо всем этом, но своими глазами не видел.

ВРАЧ-ЧАРОДЕЙ

Некий врач воспитал ученика. Врач этот, оказывается, побывал в той волшебной пещере, потом в нее проник и его ученик и выучился еще более удивительным чародействам.

Оба врача были индийцы. Ученик отправился в столицу. Увидел он там юношу, и тот ему очень понравился: он был хорош собою, статен, но при этом худой и желтый, красота его утратила свой блеск, розы превратились в шафран. Ученик врача спросил его:

— Что с тобою, брат, чем ты болен? Скажи, я тебя вылечу.

Тот человек ответил:— Созови хоть всех врачей мира, им и то меня не вылечить. Оставь меня и ступай своей дорогой.

Врач поклялся:

— Не может быть у тебя такой болезни, от которой я бы не вылечил.

Тот человек ответил:

— Как можешь ты меня исцелить? Однажды царская дочь шла в баню, и я увидел ее в окно. Я полюбил ее, она унесла с собою мое сердце, вот почему я стал таким. Разве ты в силах мне помочь? Ты не можешь ни привести ее, ни сосватать нас, ни обвенчать, а без нее я не излечусь.

Врач сказал:

— Поклянись, что ты не дерзнешь ни на что, кроме объятий и поцелуев, и я скоро излечу тебя.

Тот человек поклялся. Врач произнес какое-то заклинание, поколдовал, и вот, когда наступила ночь, девушка, закутавшись в покрывало, пришла к тому человеку. Он усадил ее рядом, обнимал и ласкал ее.

Когда стало светать, девушка ушла. Возвратившись домой, она опомнилась, начала плакать и кричать. Посетили ее царь и царица, стали расспрашивать, что с нею случилось. Дочь им все рассказала, и они очень опечалились. Царь просил совета у своих визирей, и они почтительно сказали:

— О царь, тот человек, верно, чужеземец, пришел к нам неведомо откуда. Твою дочь он выманит, должно быть, и нынче ночью. Научи ее, чтобы она обмакнула руку в чернила и, как придет, толкнула дверь рукою. На двери останется отпечаток. Мы поищем завтра; и там, где на двери окажется отпечаток ее руки, найдем того человека. Мы его схватим, и ты можешь поступить с ним, как тебе будет угодно.

Так и сделали. Девушка ушла и в ту ночь и оставила на дверях чернильный отпечаток. Настало утро. Врач сказал юноше:

— Сын мой, худо нам будет, если узнают о том, что мы сотворили. Выйди во двор, погляди, нет ли вокруг каких-нибудь следов.

Юноша вышел, увидел на двери отпечаток руки, возвратился и сказал врачу. Тот произнес какое-то заклинание, и на всех дверях в городе появились такие же отпечатки.

Визирь собрал множество паличников и повелел им разыскать отпечаток руки. Вышел — и увидел отпечаток на дверях собственного дома. Удивился визирь, испугался. Подошел к царскому дворцу и опять увидел ту же руку. И, мимо какой бы двери он ни проходил, повсюду была та же рука. Он пришел к царю и доложил:

— Ваша дочь обошла минувшей ночью весь город.

Собрали совет и решили:

— Пускай в эту ночь она возьмет проса в платок и рассыпает его на ходу, пока не дойдет до места. Завтра мы пойдем по следам и найдем того человека.

Так и сделали.

Наутро вышел юноша, увидел просо и сказал врачу:

— У наших дверей просыпано просо.

Врач произнес заклинание: прилетело множество воробьев, и они поклевали все просо.

Ничего не добившись и на этот раз, визирь нарядили девушку юношей, приставили к ней двадцать человек и стали ее водить по рынкам, сказав:

— Ты ведь узнаешь того человека, где бы ни увидела, скажи этим людям, они его схватят.

Пошли они и увидели того юношу на базаре.

Врача поблизости не было. Схватили и отвели к царю.

Царь приказал:

— Подвесьте его к столбу, и пусть все, кто мне предан, приходят и стреляют в него из ружей и луков, пока не растерзают в клочья.

Все собрались, пришел и врач. Увидел врач висящего на столбе юношу, пожалел его и прибег к волшебству: пули отскакивали и перебили всех, кто стрелял в него из ружей. То же случилось с теми, кто метал в него стрелы из луков. Погибло множество войска.

Визирь доложил царю:

— Нам не одолеть этого человека! Испытаем другое средство. Заточим его на некоторое время в темницу, а там поступим так, как найдем правильным.

Царь приказал отвязать юношу и отвести в темницу.

Пришел врач, дал тюремщику один плури и сказал:

— Этот человек — мой должник, отвори дверь, я повидаю его, чтобы не пропал мой долг, а затем уйду.

Тюремщик впустил врача, запер дверь снаружи, а сам пошел по делу.

Возвратившись, отпер дверь и видит — вся тюрьма превратилась в сад. Снова врач совершил волшебство. В саду было много превосходных плодов, цвели редкие цветы, повсюду разливалось благоухание, бассейны были полны воды. На высокой золотой тахте сидели двое. Тюремщик затворил дверь, пошел и рассказал обо всем визирю. Визирь доложил царю:

— Всего можно ожидать от этих людей, пойдем посмотрим.

Отправились царь и визирь, вошли и увидели сад превыше всяких похвал. Осмотрели его. Возле бассейна росло персиковое дерево. Царь сорвал персик и хотел съесть. Прежде чем царь успел очистить персик, визирь умыл лицо водою и превратился вдруг в женщину, и был он будто женой какого-то человека.

Пришел муж, разбил жену и увел с собою. Женщина забеременела и родила мальчика. Мальчик подрос, стал ходить. Женщина все-таки по-прежнему сохраняла нрав, природу визиря и пришла вместе с сыном в тюрьму. И тут визирю возвратился его прежний, мужской облик. А царь все еще снимал с персика кожуру. Визирь спросил его:

— Персик этот нынешнего урожая или прошлогоднего?

Царь ответил:

— Что ты болтаешь? Ведь мы только что вошли сюда.

БЕДНЯК И БОГАЧ

ДВА ОХОТНИКА И МЕДВЕДИЦА

Визирь стал спорить и рассказал, как он превратился в женщину и родил сына.

Царь удивился. И сказали они:

— Нам, видно, его никак не одолеть, поэтому выдадим царскую дочь за того юношу, а дочь визиря за врача.

Справили свадьбу и пировали на славу.

Прошло некоторое время, но визирь не забыл о своем позоре. Выдавая дочь за врача, он сказал ей:

— Когда врач, ложась с тобою в постель, приготовит теплой воды для омовенья, дай мне знать, прежде чем он умоется.

Врач согрел воду, но жена пролила ее и сообщила отцу. Пришли, застали врача врасплох — он уже не мог прибегнуть к волшебству, и схватили его. Визирь пошел к царю. Они решили убить обоих. Царь спросил свою дочь. Она не согласилась и сказала:

— Хоть ты и выдал меня за дурного человека, но я не унижусь до того, чтобы сменить его на другого.

Так как царская дочь не позволила убить своего мужа и так как о враче иные говорили, будто его убили, а иные — будто не убили, то пошел слух о еще более удивительных чародействах, совершенных им, но я склоняюсь к тому, что его убили. Ни один человек неспособен на такие чародейства; когда же молва прославит кого-нибудь, все начинают преувеличивать его деяния. Так случилось и с врачом, если его не убили. Те, что утверждают, будто он уцелел, говорят: не убили, но изгнали, слухи о его смерти — ложь, а правда, мол, то, что он был изгнан.

Учитель этого врача, услышав о совершенных им чародействах, рассердился и пустился в путь, намереваясь убить врача, чтобы тот не натворил еще худших дел.

Когда он прибыл, врачу сказали:

— Твой учитель здесь, он очень сердит на тебя.

Врач испугался, обернулся голубем и улетел. Учитель обернулся соколом и погнался за ним. Когда учитель стал его догонять, тот обернулся короной и опустился на голову китайскому императору, который в то время охотился. Все обрадовались и сказали:

— Корона ниспослана небом!

Учитель обернулся скрипачом и пришел к царю. Царь сидел на пиру. Скрипач играл и пел необыкновенно сладкие песни. Его спросили:

— Откуда ты?

Он сказал:

— Откуда эта корона, оттуда и я.

Все обрадовались еще больше. Тогда скрипач стал заклинать царя:

— Так как я прибыл из тех же мест, откуда ниспослана корона, то позволь мне поцеловать ее.

Царь позволил ему поцеловать корону, тогда она превратилась в гранат, гранат упал и раскололся.

Скрипач обернулся петухом и стал клевать гранатные зерна.

Все изумились. Из-под корки граната выскользнул человек и припал к коленям государя:

— Спаси, это — мой учитель, он хочет убить меня.

Стали допытываться. Учитель тоже превратился в человека. Царь узнал все. Ученика заставили поклясться, что он впредь не будет прибегать к волшебству. Я же считал, что он достоин казни, чтобы больше никогда не занимался таким колдовством.

Когда Леон окончил свой рассказ о чародеях, Рукха, не дав ему начать следующую притчу, сказал царю:

— Нехорошо я поступал донине, враждуя с Леоном. Он постиг столь многое, он искусен в столь многих превосходных вещах, видел так много стран, что его необходимо удержать. Не отпускай же его — он в силах совершить все, что скажет, он доказал это здесь.

Рассказал Джумбер притчу:

БЕДНЯК И ГОРШОК С ЗОЛОТОМ

Жил один очень бедный человек. Каждый день молил он бога даровать ему богатство.

Прошло некоторое время, человек этот заболел: случился у него понос. Как выйдет за нуждой, так и схватят боли. Однажды он до того изнемог, что стал царапать землю ногтями. Когда он разгреб ее, показался кувшин, полный плури.

Он возблагодарил бога и сказал:

— Поистине ты полон милосердия, но ничего не даешь человеку, пока не заставишь его заплатить своей кровью.

— Эту притчу я рассказал тебе к тому, что, пока ты трижды и четырежды чуть не обрек Леона на смерть, ты не хотел содействовать ему, а теперь столь милостив!

Леон сказал Джумберу:

— О царевич, ты еще юн и полагаешь, что он готов мне содействовать. Но как раз теперь он совсем меня зарезал. Когда враг не может повредить враждой, он прикидывается другом и так осуществляет свой замысел.

Рассказал Леон притчу:

108

ДВА ВРАГА

Были два врага. Ни одному из них никак не удавалось нанести ущерб другому.

Прошло некоторое время, они подружились, очень сблизились и отправились вместе в путь, взяв с собой еще четырех товарищей.

Зашли они по дороге отдохнуть в дом к какому-то человеку и заночевали у него. Гости улеглись по одну сторону, хозяин с женою по другую. Когда погас огонь, один из гостей прокрался к той женщине и хотел усладиться ею. Женщина закричала и разбудила мужа.

Тот человек тихонько возвратился на свое место и улегся в постель.

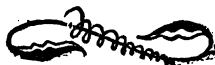
Хозяин встал, подошел к гостям, обшарил их, сунул каждому за пазуху руку,— было темно, и никак нельзя было иначе узнать,— у виновного сильно билось сердце. Хозяин положил ему на грудь шапку, сказал про себя: «Разведу огонь и узнаю, кто этот человек».

Пока он разводил огонь, человек взял шапку и переложил ее на прежнего своего врага, нынешнего друга. Тот спал глубоким сном и ничего не почувствовал.

Хозяин развел огонь и увидел шапку на груди у того несчастного, ни в чем не повинного человека. Думая, что он виновник, хватил топором по голове и убил человека, который ни в чем перед ним не был грешен.

— Всякий враг поступает так же. В чем и как содействовал мне Руха? Он обвинил меня в чародействе и дьявольских деяниях.

Леон рассказал еще одну притчу:

195

БЕЗДЕЛЬНИК

Жил некий бездельник. Ничего он не хотел и не умел делать. Вдруг взбрело ему в голову копать землю и веять ее. Три, четыре месяца он только это и делал, ничем больше не занимался.

Пришел к нему человек от управителя и позвал на жатву. Но тот отказался идти:

— У меня и дома достаточно работы, зачем мне работать на стороне?

Пришел к нему человек от соседа, у которого помер отец, и передал приглашение: «Приходи оплакать и справить тризну». Не пошел он и к соседу.

Пришли к нему еще — звать на свадьбу, и он ответил так:

— Мне едва удалось наладить одно дело, пока я не окончу его и не освобожусь, некогда мне ни во дворец ходить, ни хоронить, ни пировать,— а вот кончу, тогда все сделаю!

Подобно сему, пока Рукха не покончит со мною, он и слышать не хочет ни о свадьбах, ни о несчастьях, ни о царе, ни о народе. Потом он, может быть, и займется чем-нибудь другим, а ныне все его помыслы обращены на меня, нет у него других радостей и печалей.

Рукха сказал:

— В этом нет ничего нового, исстари говорится: «Никто не воздаст добром за добро, за добро всегда платят злом». Иначе зачем Леону питать ко мне вражду? Пришел сюда какой-то скиталец, не находивший нигде пристанища, я приблизил его к царю, царь оказал ему великую милость. А теперь что он задумал со мною сделать?

Рассказал Рукха притчу:

ЧЕЛОВЕК И ЗМЕЯ

Шел по дороге человек. Видит — горит куст терновника, а на нем змея. Некуда змее ускользнуть, нет ей спасения, она мечется и шипит. Увидев это, человек сжалился и сказал:

— Спасу-ка я эту змею, сделаю доброе дело.

Он подошел ближе и протянул конец копыя. Змея обвилась, сколь-

знула с копы на плечо, сомкнулась кольцом вокруг шеи человека и крепко ее сдавила. Человек спросил:

— Чем я тебя обидел, за что ты так со мною поступаешь, ведь я спас тебя от смерти?

Змея сказала ему:

— Никто не воздаст добром за добро, так же и я поступаю с тобою.

Человек стал умолять:

— Погоди, пойдем хотя бы к той чинаре, спросим ее. Если дерево из жалости ко мне заговорит и скажет, что ты неправ,пусти меня, если же нет, делай со мной, что хочешь!

Змея чуть-чуть разжала свои кольца. Подошли к чинаре, и человек сказал ей:

— Я спас эту змею от смерти, и вот как она со мною поступает.

Чинара ответила ему так:

— Я расту одиноко среди этой знойной долины, единственное дерево, в тени которого может отдохнуть путник. И вот приходят ко мне, спасаясь от зноя, и я дарю им прохладу и тень. А потом ломают мои ветви, одни сжигают, из других делают ларчики и приговаривают при этом: «Какое же это хорошее дерево!» Никто не воздаст добром за добро. Души его, змея!

Змея сдавила человеку горло. И снова он стал умолять:

— Отпусти немного, вон там пасется бык, спросим его.

Пошли, спросили быка. Бык сказал:

— Я пашу, бороню, молочу, работаю зиму и лето на людей, а они за это валят меня на землю и режут: гости, мол, пожаловали. Никто не воздаст добром за добро. Души его, змея!

Змея сдавила человеку горло.

Взмолился он:

— Повремени еще немного, вон там лиса, спросим ее.

Подошли, спросили лису. Человек принес ей свою жалобу, змея изложила суждения чинары и быка. Лиса сказала змее:

— Лев, царь царей, назначил меня судьбою. Ты обвинила шею этого человека и в таком виде требуешь от меня правосудия,— разве это допустимо? Освободи его, и станьте оба предо мною на колени — и ты и этот человек.

Едва только змея отпустила человека и соскользнула на землю, лиса ударила ее лапой по голове, убила и сказала:

— Вот праведный суд над змеею!

Но человек не пожалел лису, а задумал пронзить ее копьем: «Хорошая, мол, у нее шкура».

Лиса сообразила и убежала, укоряя себя:

— И ошиблась же я, что спасла его.

— Так и ты, Леон, душишь меня, подобно той змее. Что же мне делать? Теперь за тобою слово, Леон.

Рассказал Леон притчу:

111

ДОБРАЯ ЗМЕЯ

Шел по дороге бедняк. Видит — борются две змеи, одна черная, другая красная; и черная одолевает красную. И сказал тот человек:

— Красная змея нуждается в помощи, помогу-ка я ей.

Подошел, ударил черную змею палкой и убил. Подползла к нему красная змея, поклонилась до самой земли, затем ухватила зубами за полу и потянула за собою. Человек последовал за змеею. Она привела его к пещере среди скал и указала ему клад — такие сокровища, каких не бывало и у царей. И разбогател этот человек.

— Каков ты сам, о Рукха, такова и змея, о которой ты рассказывал, а на самом деле разве воздаст кто-нибудь злом за добро?

Рассказал Рукха притчу:

112

БЕДНЯК И БОГАЧ

Бедняк сидел дома и мечтал вслух:

— Дай мне, боже, пятьсот марчили, но только ровно пятьсот. Я не приму, если ты мне дашь хоть одним меньше.

Какой-то богач ходил в это время по кровле, услышал он мольбу бедняка и сказал:

— Принесу-ка я ему деньги, испытаю, что этот человек сделает.

Пошел, отсчитал пятьсот марчили, отделил от них десять, запечатал остальные и кинул ему с кровли.

Бедняк сосчитал — десяти марчили не доставало. И сказал так:

— О боже, да будет благословенно имя твое! Если бы ты дал мне всего только один марчили, я и за то был бы тебе благодарен, а тут уж обижаться не приходится.

Спустился к нему богач и сказал:

— Я хотел испытать тебя, это мое серебро, отдай его обратно.

Бедняк и слышать об этом не хотел:

— У тебя я ничего не просил, я просил у бога, и он даровал мне.

Поспорили и пошли жаловаться к кадию. Дорогою бедняк сказал богачу:

— Я совсем раздет, а ты наряжен так богато, дай-ка мне шубу, тогда пойду с тобою.

Богач оказал ему и это благодеяние — дал ему временно шубу. Надел тот человек шубу, пошли они дальше. Стали жаловаться кадию. В конце концов бедняк сказал:

— Этот человек такой сутяга. Увидите, он будет оспаривать у меня и эту шубу.

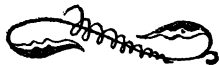
Богач сказал ему:

— Ведь я только что ссудил ее тебе!

Услыхав это, кадий рассердился. Богача изрядно избили палками и прогнали. Вот как великодушно отплатил ему бедняк: обобрал и опозорил.

Никто не воздаст добром за зло. Не споры

Рассказал Леон притчу:

ХАЛИФ И АРАБ

Багдадский халиф знал толк в лошадях и щедро платил за хорошего коня. Разнеслась об этом молва. Какой-то араб привел к нему коня и оценил его в две тысячи марчили. Халиф тотчас же послал за серебром.

Араб сказал:

— Насыпьте серебро в мешок, иначе как мне взять его?

Всыпали в мешок и отдали ему. Араб схватил вдруг серебро, вскинул мешок коню на спину, вскочил сам и умчался. Все войско халифа погналось за ним на отборных конях, но его и след простыл. Опечаленные, воротились обратно.

На третий день араб пришел снова и привел коня.

Его спросили:

— Зачем ты это сделал?

Он ответил:

— Живу я далеко, со мною не было вьючного животного, серебро тяжелое, мне его не донести — я и отвез его на коне, а теперь привел коня обратно.

Тогда ему сказали:

— Но ведь за тобою никто уже не гнался, тебя никто не знает, зачем же ты привел коня?

Араб засмеялся и осудил тех, кто нарушает слово.

— Если бы я так воздал за добро, что сделал бы со мною господь?

— Если араб воздает добром за добро, кто же другой не сделает этого? Кто станет воздавать злом, если только он не грешник перед богом? Да и какое добро сделал тот богач бедняку или тот бедняк богачу? Бог отнял у богача и дал тому бедняку.

Рассказал Рукха притчу:

ПУТНИК И РАЗБОЙНИКИ

Ехал человек, молодой, смелый, сильный; у него была прекрасная сабля, да и все вооружение было превосходное. Он вез с собою жену, очень красивую и добрую женщину. Проехав часть пути, он очутился в местах, где водились разбойники. Их было там пятеро, и они уже многих ограбили. Тот путник ехал беззаботно и ни о чем не подозревал, пока его не схватили. Разбойники ограбили его, связали руки и повели.

Одному из разбойников понравилась его сабля, и он сказал пленнику потихоньку:

Я устрою так, что ты сам поделишь между нами свое оружие и прочее добро; если мне достанется твоя сабля, я верну тебе жену и отпущу вас.

Путник поклялся разбойнику:

— Если ты предоставишь мне дележ, я сделаю так, чтобы сабля досталась тебе¹.

¹ В грузинском тексте игра слов: «чтобы сабля досталась тебе» звучит так же, как «чтобы тебе досталось саблей».

Отвели его в башню, стоявшую на холме, чтобы удобно было наблюдать за окрестностями,— там было, оказывается, их убежище. В башне лежало еще десять человек со связанными руками и валялось множество награбленного добра.

Тот разбойник, что сговорился с путником, сказал своим товарищам так:

— Путник, которого мы схватили сегодня, по-видимому, человек благочестивый, пускай он сам разделит между нами добычу.

Они согласились и развязали пленнику руки.

Он приступил к дележу. Вот одна доля — жена, вот другая доля — щит и сабля, и он положил на щит обнаженную саблю.

Тут он внезапно схватил саблю и щит, ударил прежде всего того разбойника, которому обещал саблю, и убил его. Убил еще одного, а трое убежали. Тогда он развязал тех людей, что лежали связанными, роздал им сабли, они погнались за разбойниками и перебили всех до единого.

Тот человек взял свою жену и свое оружие, а все прочее добро отдал тем людям: мне и этого, дескать, достаточно.

— А ведь тот разбойник сделал ему столько добра: доверился, развязал ему руки, возвратил жену — за что же было его убивать? За добро никогда не воздавали добром. Ты все лжешь и придумываешь небылицы.

Леон сказал ему:

— Так ты осуждаешь того человека за то, что он причинил зло разбойнику? Прекрасно. Они отняли у него жену, ограбили, и, когда он, уловив минуту, убил разбойника, ты говоришь, что он поступил дурно? Но я порицаю его за то, что он вначале так оплошал. Если бы он и потом ничего не сделал, то был бы подобен тебе.

И рассказал Леон притчу:

БОГАТЫЙ КУПЕЦ И СОДЕРЖАТЕЛЬ КАРАВАН-САРАЯ

У подножия Болнисской горы, на дороге, ведущей к перевалу, стоял просторный караван-сарай, и тут же жил хозяин этого караван-сарая. Он давал ночлег всем проходящим мимо путникам, кормил их и поил,

отпускал ячмень и солому для коней и наутро, не взяв никакой платы, провожал в путь-дорогу — вот какой это был человек.

Проходил однажды большой караван и остановился там на ночь. Хозяин хорошо принял гостей. А ночью выпал такой снег, что завалил все горные проходы. Караван не мог ни перевалить через гору, ни возвратиться назад и остался зимовать в том караван-сарая.

Хозяин не брал никакой платы и содержал людей и верблюдов за свой собственный счет. И подружился купец, которому принадлежал караван, и хозяин караван-сарая.

Однажды купец спросил хозяина:

— У тебя есть сын?

Хозяин ответил:

— Нет у меня сына.

Сын-то у него, оказывается, был, но он его не показал, потому что юноша был болен проказой. «Как бы не стало гостю противно и не омрачилось его радостное и веселое у меня пребывание», — думал он и не выпускал сына из дому до тех пор, пока у него гостил купец.

Настала весна, открылись горные проходы. Богатый купец уехал. Он сохранил великую признательность к хозяину и жаждал воздать за гостеприимство.

Едва он отбыл, как хозяин караван-сарая выпустил своего сына. Сын, возмутившись, сказал отцу:

— Ты ненавидишь меня. Лучше я уйду отсюда!

Он пошел вслед за караваном и догнал его. Купец спросил:

— Кто ты такой?

Тот ответил:

— Я сын хозяина караван-сарая. Он сказал тебе, будто у него нет сына, чтобы ты не пожелал меня увидеть: урод, мол, отравит гостю радость. Теперь я возмутился против отца и ушел, может быть, спасусь, а нет — так пропаду.

Купец поклялся ему:

— Если можно еще помочь как-нибудь, я тебе помогу. — Взял его с собой и отправился дальше.

Едва прибыв домой, купец призвал врача, но тот не знал никакого средства против той болезни. Другой врач сказал купцу:

— Его возможно вылечить, если найдется человек, который добровольно отдаст на закланье единственного своего сына, двух лет от роду, красивого и здорового, больного надо обрызгать кровью этого младенца.

Купец опечалился. Кто пожертвует сыном? Оказывается, у него самого был такой сын, один-единственный, и сказал купец так:

— Если я не отдам на закланье своего сына, то чем же отплачу за оказанное мне благодеяние?

Купец обманом отослал из дому свою жену, заколол сына и обрызгал прокаженного его кровью.

И тотчас же, словно древесная кора, отпали струпья, и больной выздоровел; мертвого же сына купец положил в колыбель и прикрыл простыней.

Жена купца почувствовала вдруг боль в сосцах и во чреве, прибежала домой и сказала мужу:

— У меня горят сосцы, не случилось ли что с младенцем?

Муж сказал ей:

— Что могло случиться? Спит спокойно.

Мать подошла, дала младенцу грудь, тот взял грудь и стал сосать! Вынула она из колыбели здорового младенца, он смеялся и ласкался к матери. Только на шее у него виднелась отметина, похожая на золотой ободок. Она позвала мужа и спросила:

— Что это?

Муж, увидев ребенка живым, пал ниц, вознес благодарение богу и рассказал жене все, как было.

— Ты говоришь, будто за добро никто не воздает добром, так посмотри, что сделал этот человек, чем он пожертвовал ради исцеления другого и какую милость оказал ему господь. Злой человек полагает, что все люди подобны ему. Иначе как понять твои слова?

Рассказал Рукха притчу:

ТРИ СЛЕПЦА

Жил на свете бедный юноша. Пошел он по свету просить милостыню, ходил год, собрал девять плури и к концу года воротился в свою страну.

Невдалеке от города протекала река. Подойдя к ней, он разделся, искупался и, одевшись, пошел дальше, а свои плури забыл у реки.

Вспомнил юноша о деньгах, но их при нем не оказалось. Тогда он дал обет богу: «Если я найду свои деньги, то один плури, во имя твое, отдам нищему».

Он воротился и увидел их там, где давеча купался.

Пошел он в город, повстречался ему нищий, и рассказал ему юноша все, как было:

— Я дал такой обет богу, вот тебе плури.

Тот нищий был слеп на оба глаза. Он сказал:

— Если ты даешь мне его по обету, то покажи все девять, я сам выберу монету, какую захочу.

Юноша доверился ему и отдал все девять плури.

Слепой положил все монеты в карман. Юноша стал умолять, но нищий поднял крик:

— Помогите! Что этот человек хочет со мною сделать!

Свидетелей у зрячего не было, и слепец отнял у юноши все его золото. Опечалился несчастный юноша и пошел следом за слепым: «Посмотри-ка, куда слепой прячет мои плури».

Нищий вошел к себе в дом, достал горшок, полный золота, кинул в него отнятые у юноши монеты и сказал:

— О мои пятьсот плури, вот вам еще девять!

Он трижды подбросил горшок и трижды поймал его. Когда он подбросил его в четвертый раз, зрячий перехватил горшок на лету и спрятал. Слепой долго искал горшок, но как мог он найти! Он вышел на улицу и стал плакать. К нему подошел еще один слепой и спросил:

— Отчего ты плачешь?

Тот рассказал, что с ним приключилось.

— Так и пропали мои пятьсот плури!

Второй слепец сказал ему:

— Разве так прячут золото? Вот в этой моей кривой палке спрятано семьсот плури; где бы я ее ни выронил, всякий, кто подымет, мне же и подаст.

Первый слепец попросил:

— Покажи мне свою палку.

Но взял ее не слепец, а зрячий бедняк, стоявший тут же. Второй слепец подождал некоторое время и стал требовать свою палку у первого. Тот возразил:

— Разве ты мне что-нибудь давал?

Они поссорились. Подошел к ним еще третий слепец и спросил:

— Из-за чего вы ссоритесь?

Один рассказал ему о пропаже горшка, другой о палке.

— До чего вы оба глупы, хорошо же вы хранили свое золото! Вот в этой старой чохе у меня спрятана тысяча плури; где бы я ее ни кинул, всякий мне принесет.

Тот несчастный бедняк стоял рядом с ними. Услышав это, он пошел, купил меду и обмазал медом чоху слепого. Налетели на слепца пчелы. Он снял чоху и повесил. Бедняк унес и чоху. Все три слепца стали плакать и кричать.

Дело дошло до царя. Царь велел глашатаям объявить:

— Пусть тот, кто сделал это, явится ко мне и расскажет, как было, иначе никому не будет пощады.

Несчастный юноша испугался: «Как бы царь не казнил по моей вине другого». Пришел к царю и рассказал ему все, как было.

— Вот какое благодеяние оказал я ему, и вот как он отплатил мне за добро!

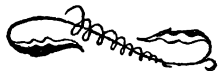
Царь приказал ему так:

— Никто не воздаст добром за добро. Отдай по сто плури, чтоб они молились за тебя. Все же остальное возьми себе, и с божьей помощью да пойдет оно тебе на пользу.

Леон сказал:

— Но это вовсе не значит воздать злом за добро! Тот несчастный бедняк исполнил обет, данный богу, слепой же проявил жадность. Все, что те слепцы имели, было приобретено неправдой, и бог отдал тому несчастному человеку.

Рассказал Леон притчу:

117

МАГИСТРОС КЕСАРЯ

Жил некий магистрос, приближенный кесаря, человек молодой, знатный и очень добрый. Кесарь послал его послом во Францию. Магистрос был великий благотворитель, но благотворил он обычно втайне.

Пустился магистрос в путь, проехал немного и видит — валяется на земле нагой мертвый человек. Он отъехал немного и сказал слугам:

— Следуйте дальше, не ждите меня.

Удалив слуг, он возвратился, снял с себя платье; а рубашек на нем было две. Одной из них он прикрыл мертвеца, оделся и догнал слуг.

Прибыл он в какой-то город и видит — посреди площади, в грязи, стекавшей со всех сторон, валяется нищий с разбитыми параличом ногами. И не нашлось никого, кто бы вытащил нишего из грязи и подал ему что-нибудь. Сошел магистрос с коня, вывел калеку, посадил на сухое место и дал ему вдобавок один плури.

Сел магистрос на корабль и отплыл во Францию. Поднялась на море буря, корабль разбился, и магистрос стал тонуть в пучине.

Вдруг подплыл какой-то человек, подхватил его, помог достигнуть берега и сказал:

— Я тот нищий, которого ты вытащил из грязи,— и так я отплатил тебе.

Магистрос исполнил все, что поручил ему кесарь, отправился обратно и прибыл в Константинополь. Проезжая через площадь, он пустил коня вскачь, конь упал и разможил ему голень. Выбежал на площадь царь и с ним все его воины, подняли магистроса, внесли в дом, уложили и приставили врачей. Но врачи не помогли ему.

Был у магистроса преданный раб, который всегда спал в его опочивальне. Магистрос подослал его к костоправам подслушать, что о нем говорят.

Вышли врачи от больного, и раб последовал за ними. Костоправы сказали:

— Придем завтра; если он даст отнять ногу до колена, станем его лечить, и он выздоровеет; а иначе умрет, и не стоит нам трудиться.

Раб вернулся к магистросу и все ему доложил.

Выслушав его, магистрос сказал:

— Лучше умереть, чем жить без ноги.

Он долго плакал и уснул. А раб тот лежал у его ног.

В полночь проник через окно какой-то человек в белой рубашке, сел около магистроса, приветствовал его и стал расспрашивать, что с его ногой; затем сказал магистросу:

— Покажи мне ногу, посмотрю, что с нею.— Снял с ноги повязку, вынул из-за пазухи коробочку — в ней лежало какое-то лекарство, взял его на палец и натер магистросу ногу; затем сказал:

— Пошевели ногой!

Он не давал больному покоя до тех пор, пока не заставил его согнуть и разогнуть ногу. Больной свободно двигал ногой. Пришелец еще раз натер ему ногу мазью и сказал:

— Встань, обопришь на меня!

Магистрос стал отказываться, но пришелец не отставал и заставил его, наконец, встать и опереться на него. Затем он уложил магистроса, помазал ему ногу в третий раз и сказал:

— Встань и иди — ты здоров.

Тот встал, прошелся, и оказалось, что он совсем здоров.

Пришелец сказал ему:

— Я тот мертвец, которого ты увидел на дороге и прикрыл рубашкой,— и так я отплатил тебе за благодеяние.

— Вот, брат Рукха, все воздают добром за добро, великий и малый. Так поступили и нищий, и купец, и мертвец, и параличный. Почему же ты говоришь, будто за добро воздают злом или никак не воздают?

Рассказал Рукха притчу:

ЦАРЬ АНАКОПИЙСКИЙ

Был в Анакопии царь, много народу было ему подвластно, и он любил каждого из своих подданных. О верном слуге он говорил обычно так:

— Как бы я его ни обидел, он все равно, будучи верным по своей природе, не изменит мне; неверного же я сделаю верным, осыпая его милостями.

Время шло. Неверный не стал верным, а верный стал неверным. Поднялись враги против царя. Царь не мог больше оставаться в своем наследственном царстве и бежал в чужую страну. Бежали с ним оба — и верный слуга и неверный.

Царю долго пришлось пребывать на чужбине, он впал поэтому в крайнюю нужду; и стоило ему поручить что-либо неверному слуге, как тот начинал его укорять:

— Что мне твои милости, я покинул свой дом и отечество, сопровождая тебя, а ты еще заставляешь меня бегать, куда тебе вздумается.

Но стоило царю приказать что-либо верному слуге, тот все исполнял беспрекословно.

Прошло еще некоторое время, и дела царя обернулись так худо, что, казалось, нет уже ему никакого спасения.

Верный слуга доложил:

— Ты вынужден жить на чужбине, богатства твои иссякли, ничего у тебя не осталось. Продай меня и на то, что выручишь, корми остальных.

Опечалился царь и не согласился на это. Однако у него не было другого выхода, и он все-таки продал верного слугу и потратил вырученные за него деньги. А верный слуга, что дал себя добровольно продать и был разлучен с царем, бежал и пришел обратно к своему властелину. И каждый раз, когда царь бывал в нужде, он продавал верного слугу по доброй его воле, а тот убегал и снова приходил к своему властелину.

Времена переменчивы: царь возвратился в свое царство и стал править. Верному слуге он не оказал никаких почестей и даже отнял у него имение, а неверного щедро одарил, «потому что,— сказал он,— тот ведь мужественный и деятельный человек, а этот слаб и малодушен».

— Итак, знай, за добро никто не воздает добром.

Леон ответил Рукхе:

— Как с тобою говорить? Ты до того обезумел, что заявляешь прямо

в лицо царю, будто он не в состоянии воздать добром за добро и злом за зло. Клянусь головой царя, отныне я тебе уже ничего не скажу!

Тогда визирь Седрак, красноречивый собеседник, владевший столь плавной и сладостной речью, стал наставлять Рукху:

— О Рукха, с тех пор как я вступил под покровительство могущественного, превознесенного выше облаков государя и узнал тебя, я предпочитаю тебя брату и сыну, и не было у меня лучшего друга, чем ты. Одно я скажу тебе в поучение: когда человек начинает враждовать с кем-нибудь, вражда его ослепляет. Тебе это не подобает. Как бы ни был ты ядовит и злоязычен, тебе следует все же высказывать любовь каждому, иначе, враждуя со всеми, ты не устоишь и будешь побежден.

Рассказал визирь притчу:

119

ТАТВАЛИ

В Индии водится птица, которую зовут татвали. Она больше сокола и питается птицами, если они ей попадутся. В тот день, когда ей не удается поймать птицу, она идет отыскивать кости съеденной накануне, перебирает их клювом и сует одну за другой себе под хвост. Если кость влезает свободно, она глотает ее, зная, что такая кость переварится и выйдет. Если же кость не влезает, бросает ее: не переварю, мол, не стоит за нее и приниматься.

— Если птица одарена таким умом, что заранее обдумывает дело, почему же ты, человек, да еще воспитанный при дворе, поступаешь так дурно, зачем не заставишь умолкнуть свой язык и не удержишь его от злого слова?

Нелегко добыть хорошего товарища, его не найти случайно на дороге, дешево никому не купить.

Товарищ — это крепость с неиссякающим родником, высокая стена, несокрушимая твердыня.

Товарищ — это прекрасная утеха, умножение радости, украшение пиров.

Товарищ — это светоч сердца, зеница ока, мощь длани, надежная опора.

Товарищ — гроза для врагов, надежда друзей, предмет гордости перед чужими, услужливый друг для близких.

Товариш — собеседник для одинокого, человек, полезный в многолюдном сборище, забавник в тесном кругу.

Товариш — помощник в беде, врачеватель в болезни, он тот, кто жертвует собою в минуту смертельной опасности.

Что может быть на свете лучше товарища? Зачем же ты ненавидишь товарищей, зачем враждуешь и споришь?

Я видел много хороших людей, которые расходились с родителями и братьями и шли рука об руку с товарищами. В товарище нет вражды, в нем одна только любовь.

Рукха рассказал ему притчу:

120

САЛАМАНДРА

В Индии водится существо, которое называют саламандрой. Она рождается и живет в огне, где бы он ни горел — в бане ли, в печи ли для обжигания извести или кирпича. Жар огня питает ее; когда же огонь гаснет, она умирает от непривычного холода.

Царь той страны носит одежду из кожи саламандры, потому что она дает прохладу.

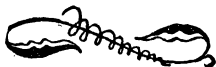
Саламандра так создана, что умирает, если лишить ее огня, а другие твари сгорают, если их коснется огонь.

Подобно тому как различны по своим свойствам птицы, так же различны и люди.

У тебя такая природа, что ты любишь всех людей, а я всех ненавижу. Не то чтоб я их ненавидел, но меня ненавидят за то, что я предан царю, никого, кроме него, не хочу знать и никому не потворствую. Пока жив царь, я ни в ком не нуждаюсь, у вас же у всех есть еще другие привязанности, другие склонности.

А иначе перед кем и в чем я провинился, почему вы попусту враждуете со мной?

Рассказал Рукха притчу:

ТРИ ТОВАРИЩА

Жили три товарища, один был человек, достойный всякого уважения, преданный своему господину, не причинявший никому зла, честный и правдивый, двое же других были лживы и вероломны. Эти двое пытались склонить его к измене, он же говорил им:

— Нет, о братья, это нехорошо! Нарушающий верность своему господину ненавистен и богу и людям. Воздержитесь же от злодеяния!

Они стали ему врагами и постарались оклеветать его перед господином. Но господин не внял их наветам; тогда они ночью накинули веревку на шею своему товарищу и задушили его.

— Вы хотите так же поступить со мною,— разве я не вижу? Ты прославляешь передо мною товарища; я тоже хочу иметь товарища, но согласного со мною, желающего мне добра, не причиняющего мне вреда, смело взывающего к царю о милости, а не разорителя, соперника и врага, ищущего моей гибели. Да пошлет вам бог таких товарищей, какими вы стали для меня, и такую дружбу, какую вы мне готовите.

Рассказал визирь притчу:

БЕДНЯК И ГОРШОК С МАСЛОМ

Шел бедняк по дороге и нашел горшок с маслом. Взял он горшок, продел палку сквозь ушко, вскинул палку на плечо и пошел дальше, говоря в сердце своем:

«Вот господь соблаговолил даровать мне богатство. Пойду в город, продам масло за полмарчи, куплю двенадцать петушков, принесу домой, выкормлю, выхолошу, разжиреют они у меня, и продам по абазу каждого каплуна. На эти деньги куплю поросят, выращу, откормлю, выхолошу и продам каждого борова за два марчи. На эти деньги куплю молоденьких бычков — вырастут, будут у меня быки, стану пахать, сеять, сделаюсь зажиточным человеком».

В мечтах своих он уже наложил арбу дров и вез их в город продавать. Повстречался ему на пути мост, он и подумал: «На мост бык сам ни за что не пойдет, подгоню-ка я его», — крикнул: «Арио!» — размах-

нулся палкой и хлопнул горшком о мост; горшок разбился, масло вытекло. И развеялось вмиг его воображаемое богатство.

— И ты также много чего задумываешь и мысленно богатеешь, но сейчас ты надумал нечто такое, что с помощью божьей не только не осуществится, но погубит тебя самого.

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

123

ДВА ДЕРВИША

Пришли в Испагань два дервиша. Один из них предстал перед шахом. И шах спросил его:

— Ты обошел множество стран, что попало тебе самое что ни на есть необыкновенное?

Дервиш ответил:

— Много я видел чудес, но прошлую ночью случилось нечто столь чудесное и удивительное, чего я нигде еще не видел. В полночь прилетела огромная птица, схватила целый караван-сарай и унесла его вместе с людьми, верблюдами, домами и оградой.

Шах рассердился и прогнал его:

— Как можно рассказывать такие небылицы, будто птица подняла и унесла целый караван-сарай и все, что в нем и вокруг него было?

Уличенный во лжи дервиш пришел к товарищу и рассказал ему обо всем. Товарищ разбил его и сказал так:

— Я надеялся, что ты вернешься с прибытком, а тебя за вранье прогнали с пустыми руками. Как мог ты сболтнуть, будто птица унесла караван-сарай? Сказал бы, что она похитила верблюда или лошадь.

При этом он подумал: «Пойду-ка я и оберну ложь моего товарища правдой».

Предстал он перед шахом, шах спросил его:

— Ты обошел множество стран, что попало тебе самое что ни на есть необыкновенное?

Дервиш доложил ему:

— Много видел я на свете чудес, но такого чудесного и удивительного, что представилось мне здесь позапрошлой ночью, не видел нигде. Едва запели петухи, как с неба посыпались верблюжья голова, ноги, обрубки коня, обломки кирпича и черепицы. Я не мог уснуть до зари.

Измумлился шах и сказал:

— Вчерашний дервиш сказал, оказывается, правду, напрасно я его прогнал.

Он поверил дервишу и щедро его одарил.

— Вы втроем сговорились: чуть солжет один из вас, другой тотчас скажет царю такое слово, что царь верит, а я посрамлен.

Рассказал Леон притчу:

124

КРЕСТЬЯНИН И ТРИ ЗМЕИ

Пошел человек жать свое поле. Видит — играют две змеи. Одна из них сбила другую на землю, очертила вокруг нее круг и уползла.

Подползла еще одна змея, увидела, что та лежит, очерченная кругом, и, чтобы не нарушить заклатья, подобралась, прыгнула, упала внутрь круга, убила ту змею, снова выпрыгнула и уползла.

Возвратилась прежняя змея, увидела, что ее подруга лежит мертвая, забралась в вязанку сена, которое человек накопил для своей лошади, и притаилась в ней.

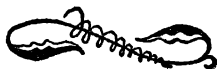
Человек, кончив работу, взвалил на плечи сено и отнес его домой. Ночью змея выползла, отравила всю посуду и снова спряталась в сено.

На следующий день человек рассказал своей жене происшествие со змеями. Когда змея убедилась в том, что человек не повинен в смерти ее подруги, она выползла снова, опрокинула отравленную посуду вверх дном и ускользнула в дверь.

Муж и жена догадались, что змея попала в дом вместе с сеном, а потом, убедившись в невинности человека, дала понять, что отравила посуду, и ушла.

— О брат Рукха, ты очень хороший человек и должен поступать так же: даже змея не хочет вредить невинному, вспомни же, что ты Адамова рода. Мы ни в чем не повинны перед тобою, не отравляй же нас своим ядом, бог ведь не покинет невинного и не поступит с ним так, как хочется тебе.

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

212

ТРИ БРАТА

Жили три брата, двое из них были люди злые и жадные, а третий — справедливый и богобоязненный. Братья разделились. Злые зажили вместе, доброго они поселили отдельно.

Вышел как-то добрый из дому и набрел на горшок, доверху наполненный плури. Горшок был такой тяжелый, что он не мог его унести. Вернулся он кочью домой и рассказал жене:

— Я нашел в одном месте много плури, возьму завтра осла и привезу горшок.

А братья, оказывается, подглядывали за ним с кровли. Они по жадности своей отправились за золотом в ту же ночь, боясь, как бы брат не опередил их утром. Зажгли факел, нашли горшок, но им показалось, будто в нем полным-полно змей и скорпионов. Братья сказали:

— Брат нас провел! Он нарочно говорил все это, рассчитывая, что мы услышим, пойдем посмотреть и нас ужалят змеи и скорпионы, иначе зачем бы ему рассказывать об этой находке как раз тогда, когда мы подслушивали!

Братья плотно закрыли горшок, подняли и потащили вдвоем, говоря так:

— Брат хотел нашей смерти, а теперь мы уничтожим его вместе со всем семейством.

Принесли горшок и кинули его с кровли в дом брата, думая, что горшок разобьется, змеи и скорпионы расплзутся по всему дому, всех пережальют и те погибнут.

Проснулся тот человек утром, видит: лежат у него дома найденные вчера плури. Братья хотели погубить его, а бог доставил ему плури домой, так что человеку даже не пришлось потрудиться.

— Вы задумали подобное же во вред мне, но бог не поступит со мной по вашей воле, знайте это!

Рассказал Джумбер притчу:

ВЕДЬМА И ЕЕ МУЖ

Жил в Испании один злосчастный человек. Была у него жена — такая лицемерная, такая ведьма, что не найти на свете подобной. Но мужу она отводила глаза: читала постоянно коран, молилась не меньше пяти раз в день, не умывала рук из кувшина, из которого кто-нибудь отпил, притворяясь очень благочестивой.

Тот человек сказал:

— Раз у меня такая богомольная жена, надо бы и мне побывать в Каабе, тогда мы оба непременно попадем в рай.

Выступил однажды караван и направился в Багдад, и тот человек присоединился к нему. Караван расположился на ночь неподалеку от города, и человек сказал себе так: «Караван остановился так близко, вернусь-ка я на ночь домой, а утром снова его нагоню».

Жена, предполагая, что муж уже далеко, созвала любовников и села с ними пировать и пить вино. Подошел ночью муж к дверям своего дома, а там бьют в бубен, пляшут и поют. Он повернул обратно и ушел так бесшумно, что никто из них не слышал ни как он пришел, ни как ушел. Человек же этот догнал караван и отправился с ним дальше.

Прибыли в Багдад. Он стал там водоносом. Дни и ночи носил воду и так зарабатывал деньги на пропитание. Как раз в это время в Багдаде пошло такое воровство, что не осталось ни одного дома, которого не обобрали бы воры. Весь город был разорен, и жители стали роптать. Разгневался калиф, велел схватить стражу, охраняющую базары, и сказал:

— Если вы не разыщете мне воров, клянусь головой, прикажу распороть всем вам животы!

Те люди ушли и ради собственного спасения схватили испанца. Он спросил их:

— За что вы меня схватили? В чем я провинился?

Они ответили ему:

— Кто-то расхитил все сокровища этого города, мы должны тебя убить, ты и есть тот вор.

Испанец стал их умолять:

— Дайте неделю срока и тогда убейте меня, если не найду вора.

Те потребовали поручителя. Но кто же мог за него поручиться? Он призвал в поручители бога и ушел. Побродил он два или три дня, и повстречался ему верховный судья, его называют там садром. Садр следовал в сопровождении двадцати человек, они шли впереди и подметали перед ним улицу. Испанец спросил:

— Кто этот человек и почему метут перед ним улицу?

Ему сказали:

— Он верховный судья нашей страны, человек, столь достойный и святой, что весь народ держится его молитвами. и по слову его бывает и дождь и урожай.

Водонос сказал про себя: «Вот он — вор, разоривший город», и замешался в толпу людей, окружавших садра.

Садр посетил халифа, вышел от него и воротился к себе домой. Водонос незаметно пробрался вслед за ним и спрятался в потайном месте.

Когда наступила ночь, садр отпустил своих приближенных, а те, что остались при нем, подняли ковер с пола и открыли вход в подземелье. Под полом оказалось помещение со сводами, вроде склепа, там были сложены все похищенные в городе сокровища. Вывели оттуда двенадцать воров, подали в золотых кувшинах вино и сели пить. Садр сказал им:

— Братья, за какой дичью охотитесь вы этой ночью?

Те ответили:

— Уцелели еще три сокровищницы: одна — халифа, другая — визиря, третья — назира, но мы доберемся и до них. Сегодня ночью наведаемся к назиру.

И воры принялись за дело.

Испаганец ускользнул незаметно из дому и рассказал обо всем базарной страже. Однако те не поверили ему.

Тогда он сказал:

— Идите за мною и увидите все собственными глазами.

На следующий день садр снова вышел из дому, навестил халифа и возвратился домой. Два человека прокрались следом за ним, укрылись в том же потайном месте и стали подсматривать через отверстие в стене; в ту ночь воры взломали сокровищницу визиря.

Пошли стражи к халифу и, взяв с него клятву, что он не велит их казнить, доложили обо всем.

Халиф разгневался, они же ему сказали:

— Если вы соблаговолите переодеться, то увидите все сами блаженными своими очами.

Халиф переоделся и пошел со стражей. Они укрылись в том же месте, и все, с чем они докладывали халифу, оказалось правдой. В ту ночь воры разграбили сокровищницу самого халифа. Халиф воротился во дворец.

Наутро пожаловал к нему садр. Халиф сказал ему:

— Ты навешаешь меня, каждодневно себя утруждая. Почему никогда не позовешь к себе?

Садр поблагодарил халифа и позвал его к себе. Халиф пожаловал, подали ему обед. Халиф спросил к обеду вина. Садр, казалось, очень удивился и сказал:

— Как мог ты даже упомянуть о вине в моем доме?

Тогда халиф завел речь о ворах:

— Повсюду пошло такое воровство, что мне делать?

Садр отвечал:

— Все оттого, что ты слаб!

Халиф приказал ему поднять с пола ковер, нашли ход в подземелье и вывели оттуда людей. Садр был посрамлен. Выволокли его из дома и поступили так, как он того заслуживал.

Потом спросили того испанца:

— Как ты открыл вора? Почему ты его заподозрил?

Тот рассказал им, какая у него была жена:

— Я заподозрил садра потому, что он был такой же лицемер, как она,— по этому-то признаку я и открыл вора.

— Ты такой же лицемер, как жена того человека, ты выставляешь свою добродетель перед царем напоказ, но раскроются и твои дела, если не сейчас, так впоследствии.

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

УЧЕНЫЙ ВРАЧ

Был некий хороший врач. Когда он приходил к больному, родные показывали ему в склянке мочу больного. Посмотрев мочу, он тотчас же распознавал болезнь, давал лекарства и исцелял.

Рассказали этому врачу об одном больном. Он послал склянку и велел принести мочу. У больного были в то время два товарища, пришедшие навестить его,— оба прорицатели. Они подмешали свою мочу к моче больного, слили все вместе в склянку и послали врачу. Врач посмотрел, засмеялся и сказал:

— Они хотели посрамить меня, но больной выздоровеет через две недели, жена одного из здоровых беременна и родит мальчика, другой же здоровый заболеет через три дня и умрет до конца этой недели.

Получили они этот ответ, и все случилось так, как предсказал врач.

— И вы все, подобно им, мочитесь в одну склянку. Не думайте, что я столь глуп и не разберу. Но все, что вы творите, станет известно народу.

Рассказал визирь притчу:

СТРОПТИВАЯ ЖЕНА И ЕЕ МУЖ

Жил на свете один незадачливый, но очень хороший, честный человек, и была у него строптивая жена. Когда приходило время поесть, человек этот садился обычно на берегу реки, часть съедал сам, а часть кидал в реку.

Прошло некоторое время. Однажды из реки вышел человек и сказал ему:

— Немало уже времени питаюсь я твоей пищей. Так вот теперь я оближу тебе рот, и ты станешь понимать язык всякой твари, так я отплачу тебе; но если ты хоть кому-нибудь скажешь, неизбежно в тот же миг умрешь.— Облизал ему рот, погрузился в реку и исчез.

Тот человек, возвратясь на окраину деревни, прилег у саманника. А на саманник села ворона со своим птенцом. Вороненок сказал матери:

— Этот человек мертвый, полечу-ка я и выключу ему глаза.

Ворона ответила:

— Нет, дитя мое, не надо. Адамовы дети коварны, как бы этот человек не поймал тебя.

Вороненок сказал:

— Я подберусь и клюну в ногу, если зашевелится, улечу, а нет — клюну в грудь, а потом выключу глаза.

Человек все это слышал. Вороненок подлетел, клюнул в ногу — он не шевельнулся, но, как только сел ему на грудь, человек схватил его рукой.

Вороненок крикнул матери:

— Помоги!

Мать ответила:

— Что мне делать? Я запретила, ты не послушался; я бы живо тебя спасла, если бы этот человек понимал мою речь, а теперь как я помогу?

Человек крикнул вороне:

— Чего тебе нужно? Я понимаю твою речь.

Ворона обрадовалась, повела его за собою, показала зарытый кем-то бесценный клад и таким образом спасла своего птенца. Человек пошел с кладом домой.

Однажды ему захотелось пойти куда-то на богомолье. Жена стала приставать, чтобы он взял ее с собою. Видя, что ее никак не отговорить, муж оседлал для нее жеребую кобылу, у которой был еще один жеребенок. Женщина тоже была беременна. Села она на кобылу, посадила за спину ребенка, перекинула через седло суму с припасами на дорогу и поехала. Как начали подыматься в гору, жеребенок притомился, отстал и крикнул матери:

— Подожди меня!

Кобыла ответила:

— У меня один в животе, трое сидят на спине, да еще кладь с ними, а я все-таки иду, почему же ты отстаешь, что с тобой случилось?

Человек, услышав это, рассмеялся во весь голос.

Жена спросила его:

— Почему ты смеешься? Скажи!

Муж ответил:

— Этого я не могу тебе сказать.

Жена привязалась к мужу. Муж поклялся, что умрет, если скажет. Однако жена все приставала и до того извела мужа, что он сказал:

— Нет мне от тебя покоя! Давай сначала доберемся до места и помолимся, а как возвратимся домой, приготовь саван и все, что нужно для поминок, и тогда я тебе расскажу.

Жена обрадовалась, погнала коня, помолилась наскоро, воротилась домой, сшила саван, приготовила все, что нужно было для поминок, и опять пристала к мужу.

Была у того человека собачонка, заскулила она, выбежала, плача, во двор. Повстречался ей петух у порога и спросил:

— Отчего ты плачешь?

Собачонка ответила:

— Жена моего хозяина хочет его убить, оттого и плачу.

Петух сказал:

— Поди приведи твоего хозяина.

Пока тот человек вышел во двор, петух созвал со всей деревни кур, стал посреди них и спросил человека:

— Почему ты задумал убить себя?

Человек ответил:

— Что ж мне делать, не дает мне жена покоя!

Петух крикнул что-то курам и забегал вокруг них. Куры, чуть дыша, приникли к земле.

Петух сказал человеку:

— У меня шестьдесят жен, и ни одна из них не посмеет без моего разрешения подобрать хотя бы зернышко, а тебе приходится помирать от одной-единственной жены?

Человек спросил:

— Что же мне делать?

Петух сказал:

— Вырежь кизилую палку и, когда жена привяжется: «Скажи да скажи», — возьми палку, избежь ее до полусмерти — она и перестанет спрашивать.

Человек послушался петуха, и, когда женщина снова привязалась к нему, он исколотил ее до потери сознания. Так спасся он от смерти.

— Так и ты, пока не вырежут на тебя палку — не удержишь на привязи свой скверный язык.

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

129

ЛИСА И КОЗЕЛ

Побратались лиса и козел и засеяли сообща поле. Хлеб взошел и прекрасно уродился. Они его сжали, вымолотили и отвеяли. Ссыпали в одном месте зерно, в другом полу. Лиса сказала козлу:

— Зерно мне, полу тебе.

Козел ответил:

— Нет, это несправедливо, разделим пополам и зерно и полу.

Лиса сказала:

— Тогда я приведу моего дядю, пускай он поделит.

Пока лиса ходила за дядей, козел пошел на пастбище, где паслись овцы, привел двух овчарок и спрятал их в полу.

Вернулась лиса и привела с собой волка, да такого, что у козла в глазах потемнело. Волк сказал козлу:

— Почему ты обижаешь мою племянницу?

Козел отвечал ему:

— Если ты пришел свидетельствовать в пользу лисы, то тут похоронены мой отец и дядя, стань на их могилу, обняй ее, тогда ты в самом деле будешь законным свидетелем.

Захотелось волку сожрать козла, подошел он и наткнулся прямо на собак. Овчарки выскочили и разделились с лисой и ее свидетелем так, что те и думать забыли о всяком урожае, не только нынешнем, но и прошлогоднем.

— Вы хлопчете вдвоем и втроем, как будто вы и в самом деле дядя и племянники; будь у меня хоть один такой союзник, я бы вырезал для вас не кизилую, а калиновую палку, но что я могу поделать один?

Рассказал Леон притчу:

130

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СУДЬБА

Жил в одной деревне необыкновенно трудолюбивый человек и не знал счета своему добру. Однажды утром послал он глашатая кликнуть клич:

— Пусть придет ко мне тот, кто согласен пойти к моей судьбе и передать ей весть обо мне, я заплачу ему сто плури.

Никто не явился. В полдень снова выкликали то же самое, обещая на этот раз только двадцать плури. И снова никто не явился. Вечером он обещал уже только один плури. Тогда пришел к нему бедняк и сказал:

— Я пойду.

Бедняк этот не умел ничего делать — ни торговать, ни работать. Умел он только хорошо играть на ордзали, вечно играл и пел.

Послал тот человек музыканта и наказал ему:

— На том месте стоит множество шатров, а людей в них не сосчитать. Есть там большой шатер, в нем ты увидишь человека, он похож на меня и трудится до того, что пот с него льется. Передай ему от меня: «Да благословит тебя бог! Перестань трудиться, у меня всего вдоволь; отдохни, наконец, сам и дай мне отдохнуть».

Он вручил бедняку один плури, и тот пустился в путь. Пришел он, отыскал указанное место, повидал того человека и передал все, что было ему наказано.

Тот человек радостно его выслушал, поблагодарил и оставил у себя ночевать. Наутро бедняк спросил:

— Где же моя судьба — которая она?

Ему сказали:

— Вон тот человек, что сидит под шиповником и играет на ордзали, он и есть твоя судьба.

Бедняк подошел к нему, поздоровался и спросил:

— Ты и есть моя судьба?

Тот ответил:

— Да.

Бедняк спросил:

— Почему ты не позвал меня, когда утром выкликали, что дадут сто плури?

Тот ответил:

— У меня сломалось ордзали, я чинил его.

Бедняк спросил:

— Что ты делал, когда обещали двадцать плури?

Тот отвечал:

— Я натягивал новую струну.

Бедняк спросил:

— Что же ты делал вечером, когда мне давали один плури?

Двойник отвечал:

— Я уже настроил ордзали и помог тебе заработать тот плури.

Бедняк попросил его:

— Дай мне ордзали, хочу поиграть!

Взял, ударил свою судьбу по голове и разбил ордзали на мелкие кусочки.

Судьба сказала ему:

— Зачем гневаешься? Я ведь научил тебя всему, что знал сам, разве мог я сделать больше? И господь не требует невозможного!

— Зачем винишь ты нас в том, что у тебя нет товарища? Наша судьба ненавидит одиночество и любит ближних. Твоя же судьба подобна тебе и дает тебе то, чем сама владеет.

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

ЦАРЬ И САДОВНИК

Был царь, и был у него сад, какой и подобает царю.

Пришел к нему садовник и доложил:

— Соловей свил гнездо на розовом кусте.

Царь сказал:

— Соловью не сойдет это даром!

Протекло время, садовник пришел к царю и доложил:

— Соловьях вывела птенцов, приползла змея, сожрала и птенцов и соловья.

Царь сказал:

— И змее не сойдет это даром!

Снова пришел к царю садовник с докладом:

— Я косил траву и убил змею, разрубил ее косою пополам.

Царь сказал:

— И тебе не сойдет это даром!

Отпустил его царь и пожелал повеселиться и попировать с семьей своей в саду.

А садовник влез на дерево и спрятался. Узнали об этом евнухи, нашли его и привели к царю. Царь приказал его умертвить. Садовник сказал ему:

— Так же, как нам, по слову твоему, ничего не сходило даром, так пускай и тебе не сойдет даром моя смерть.

Засмеялся царь и оставил его в живых.

— Надеюсь, что с помощью божьей и вам не сойдет даром моя гибель, я же хорошо вижу, что мне угрожает.

Рассказал Джумбер притчу:

132

ОТШЕЛЬНИК И ДИТЯ

Жил на свете некий святой отшельник. Захотелось ему побывать в миру. Покинул он пустыню и пришел в город. Посетил он там одного вельможу. Тот прекрасно его принял, угостил как полагается и приютил у себя. У этого вельможи был восьмилетний сын, доставлявший ему великую радость.

Прошло сколько-то времени. У ворот послышался плач, пронесли покойника.

Отец сказал:

— Поди, сынок, несут покойника, посмотри, обрел ли он блаженство или осужден на вечные муки?

Мальчик вышел, возвратился и радостно сказал отцу:

— Он обрел блаженство.

Некоторое время спустя пронесли мимо еще одного покойника.

Отец снова послал сына. Ребенок возвратился и с грустью сказал:

— А этот осужден на вечные муки.

Тогда сказал отшельник:

— Сорок лет живу в пустыне, ангел приносит мне пищу и все-таки

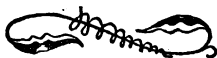
я не могу отличить, кому суждено вечное блаженство и кто обречен на вечные муки. Как же может знать это ребенок?

Мальчик ответил:

— Я узнаю об этом, слушая, что толкует народ, идущий за покойником. Прошлый раз говорили так: «Он был достойный, хороший человек, никого не обижал и угождал богу», — вот я и знаю, что он обрел вечное блаженство, это видно по делам его. А на этого покойника все жаловались: «Злой, говорят, был человек, лживый, жестокосердный и несправедливый, бога не боялся, людей не стыдился», — и я знаю, что он осужден. Человек познается по его делам.

Вот и обнаруживается твоя злоба и в словах и на деле. Ты совершил много зла, и мы знаем об этом.

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

133

КОШКА, ВЫКОРМИВШАЯ ЛЬВА

Бродила как-то кошка и набрела на мертвую львицу, у которой остался львенок. Взяла она сиротку львенка и выкормила. Львенок вырос, стал крупным и сильным зверем, начал сам охотиться и пожирать добычу.

Однажды не нашел он никакой дичи и решил сожрать ту самую кошку, которая его вырастила. Кошка догадалась и взобралась на дерево. Львенок улегся внизу под деревом и сказал ей:

— О моя кормилица, ты мне милее родной матери, почему же ты передала мне все свои повадки, но не научила лазать по деревьям?

Кошка ответила:

— А это я приберегла для себя — пригодится, думаю, в нужде для такого случая, как этот!

— Все знания, какие только у меня были, я передал тебе, не сохранив для себя ничего. Теперь я в твоих руках, и ты можешь причинить мне много зла.

Рассказал визирь притчу:

223

ПЛАЧУЩИЙ И СМЕЮЩИЙСЯ

Жили в одном городе два человека. Один из них всегда плакал, другой то и дело смеялся, так что никто никогда не видел его печальным.

Плачущего спросили:

— Почему ты все плачешь, о чем бы ни шла речь — о хорошем или дурном, о смешном или печальном?

Он отвечал так:

— Что же мне делать? Жизнь коротка; люди, позабыв о вечной каре, предаются заботам сего преходящего мира. Я плачу о том, что они сами готовят себе ад.

Тогда спросили смеющегося:

— Почему ты всегда смеешься?

Он ответил так:

— Жизнь коротка; люди творят одно только зло и не творят добра. Я проповедовал всем и наставлял их, но мне не удалось никого убедить, тогда я дал волю смеху. Какая польза мне или другим, если и я загублю свой век под бременем забот и тревог?!

— Подобно ему, и я заботился о тебе, тревожился, горевал, поучал, но мне не удалось вразумить тебя, и вот теперь я тоже дал волю смеху.

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

ЛИСА И ГОНЧИЕ

Две гончие отправились на охоту. Видят, лисица поймала в поле мышь и играет ею: то отпустит, то снова схватит, то подбросит. Собаки подкрались незаметно к лисице и поймали ее.

Лиса сказала:

— Знаю, пришел час моей смерти, бог отдал меня вам на растерзание; некуда мне от вас уйти, вы же видите — кругом поле! Исполните одну только просьбу: ведь и вам ведомо, как наш род враждует с мышами, отпустите меня, дайте поймать хоть одну мышь; поиграю с нею, а там делайте со мною, что хотите.

Гончие дались в обман и отпустили лису. Она поймала мышь и стала

играть. То подбросит вверх, то подхватит, забавляется и так и этак. Однако поблизости, оказывается, была лисья нора, и лиса быстренько нырнула в нее. Собаки уселись у входа и стали ее уговаривать:

— Выйди же, о лиса, поиграй с мышью, ты их так любишь, а там полезай обратно в нору!

Лиса отвечала:

— Мне тяжело и от прежней возни с мышами, стоит ли еще нынче вылезать из норы и играть с ними!

— Мне тяжело и от прежних твоих разговоров и от того, что я тебя слушался. Если бы ты оставил меня в покое, я бы и сейчас не стал с тобой разговаривать.

Рассказал Леон притчу:

136

КАДИЙ, КОТОРОГО ПРИЗНАЛИ ОСЛОМ

Был у одного бедняка осел, который совсем отошал. Осел убежал от своего хозяина и пошел в горы откормиться. Разжирел там и возвратился к хозяину. Бедняк очень обрадовался и сказал жене:

— Навьючь осла зерном и сходи на мельницу.

Жена сказала:

— Если у нашего осла хватило ума, отошав, уйти в горы, разжиреть и возвратиться домой, так неужели же он не может отвезти зерно на мельницу, смолоть его и привезти обратно?

Муж послушался, стукнул осла палкой и прогнал со двора. Пропал осел. Уж не увел ли его кто, как знать?

Прошла неделя, осел все не возвращался. Пошел хозяин осла к мельнику и сказал ему:

— Я послал к тебе осла с зерном для помола, куда он пропал?

Мельник спросил:

— С кем ты его послал?

Хозяин осла отвечал:

— Осел у меня такой умный, что не нуждается в погонщике.

Мельник был человек лукавый и понял, что хозяин осла глуп. Чуть повыше мельницы жил другой мельник, безбородый, безусый и превеликий плут. К этому-то мельнику и направил он хозяина осла, сказав:

— Здесь очередь до него не дошла, и я послал его к соседу.

Он не сомневался, что тот безбородый плут придумает в ответ какую-нибудь необыкновенную ложь. Хозяин осла пришел к безбородому мельнику и все ему рассказал.

Тот ответил ему так:

— Да, он приходил сюда и все смолол, я в жизни не видел такого умного осла. Но в это время проезжал мимо какой-то человек на черном муле в золоченой сбруе. Твой осел выменял муку на этого мула, сел на него и отправился в Занги. Там, оказывается, умер кадий, и на его место назначили твоего осла; поищи-ка его в Занги.

Человек поверил мельнику и пошел в Занги. Там он увидел кадия — тот восседал на черном муле, сбруя на муле была позолоченная. Вспомнилась бедняку примета, указанная безбородым мельником: черный мул. Он спросил кадия:

— Ты что, не узнаешь меня?

Кадий ни словом не отозвался — как мог он узнать?

Тогда тот человек сказал:

— Ты же мой осел, чего так возгордился?

Как услышали эти слова, избili бедняка, расшибли ему голову и прогнали.

Кадий пошел к судье, но в это самое время явился с жалобой и тот бедняк:

— Да он же — мой осел. Он выменял мою муку на мула, сбежал от меня и стал здесь кадием.

Кадий сказал:

— Что он болтает? Кто из вас не знает меня? Все мои предки тут родились. Почему вы не прогоните этого человека?

Бедняк сказал:

— Осмотрите кадия, о судьи! У моего осла тавро на обеих ляжках, если и у него окажутся знаки, значит, он мой осел и отдайте его мне; если же их нет, то да буду я посрамлен.

Кадий страдал подарой и, оказывается, поставил себе на ляжки пластырь. Сняли с него исподнее, увидели знаки.

Кадий был изобличен и, согласно приговору, признан ослом.

И отдали его тому человеку.

Тогда кадий стал просить его:

— Ты и сам понимаешь, что только по глупости мог завладеть мною, у тебя нет на меня никакого права. Я отдам тебе мула со всей сбруей, — он стоит подороже, чем твой осел, не позорь меня больше.

И дал ему мула с раззолоченной сбруей в виде отступного. Но бедняк не согласился и стал спорить:

— Ты отдал за мула мою муку, ты же мой осел!

Опечалился кадий: никак ему не развязаться с этим человеком. Так

как у него не было другого выхода, уплатил он за себя сто плури выкупа. Сел бедняк на мула, сверкавшего раззолоченной сбруей, и уехал.

Радостный, возвратился бедняк домой, рассказал об всем жене:

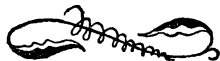
— Муку я обменял на мула, но осел не захотел идти со мною и откупился. Он дал мне сто плури и остался в городе кадием.

Жена сказала:

— Осел наш такой умный и справедливый, что они, конечно, не расстались бы с ним!

— Всякий знает, что ты, подобно тому глупцу, попусту привязываешься, нам не о чем с тобой спорить; и мы тоже готовы дать тебе отступное, только, умоляем, оставь нас в покое!

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

137

ОСЕЛ, СОРОКА И ВОЛК

Жил человек, и был у него осел с ободранной до крови спиной. Он отвел его на луг и привязал, а сам расположился неподалеку и стал за ним приглядывать.

Прилетела сорока, уселась ослу на спину и принялась клевать загноившееся место.

Осел рванулся, но не мог оборвать привязи и стал лягаться.

Всякий раз, когда он лягался, хозяин покатывался со смеху. Поглядел на это из лесу волк и сказал:

— Увидел бы меня кто-нибудь рядом с этим ослом, вся деревня погналась бы за мною — и люди и псы, а тут сорока чуть не заклевала осла, а хозяин радуется.

— Подобно этому, стоит мне произнести хоть слово, и все сообща набрасываются на меня. Они сговорились между собою, и сразу видно, какие козни у них на уме.

Рассказал Джумбер притчу:

ДВА ОХОТНИКА И МЕДВЕДИЦА

Два товарища отправились на охоту. Прошла мимо них медведица, по соснам было видно, что она еще кормит детенышей. Охотники пошли искать берлогу и, увидев ее, сказали:

— Там должны быть медвежата, заберем их с собою.

Один из охотников влез в берлогу, другой остался у входа. Видит — медведица возвращается. Перепугался охотник и забрался на дерево. Медведица сунулась в берлогу. Охотник сказал себе:

— Если она заберется туда, непременно задержит моего товарища!

Медведица успела пролезть только до половины, охотник спустился с дерева, крепко ухватил ее за хвост и уперся обеими ногами в края берлоги.

Медведица заревела, начала рыть лапами землю, да так, что в берлоге пыль поднялась столбом.

Охотник, что сидел в берлоге, крикнул товарищу:

— Перестань пылить, дышать нечем!

Тот ответил:

— А какая поднялась бы пыль, если бы я не держал медведицу за хвост! Вот бы тебе посмотреть!

— А если бы я не держал их за хвост и выпустил на тебя, о, как бы они с тобою расправились!

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

КАЗАН-ШАХ И ЕГО ЖЕНА

Жил великий Казан-шах, и была у него прекрасная жена. Родила она сына; и, когда ребенок подрос, родители часто с ним забавлялись. Как-то шах попросил жену подать ему сына, и, когда она его подняла, случился с нею грешок... от натуги.

Шах очень обиделся, прогнал ее вместе с сыном, не дав ей даже провозятых, а себе взял другую жену.

Прежняя шахова жена припрятала свои драгоценности, оделась в лохмотья и приютилась у одного мельника.

У мельника был мальчик, ровесник ее сыну, они вместе росли и играли. Мельников сын строил, по обыкновению своих дедов, маленькие мельницы, мастерил желоба и колеса, а сын шаха сколачивал троны; усядется на трон и скажет своему товаришу:

— Стань передо мною на колени и докладывай, кто тебя обидел.

Так росли они с первых дней своего детства. Шахскому сыну исполнилось семнадцать лет.

Рядом с той мельницей был прекрасный фруктовый сад. Спасалар Казан-шаха объезжал страну, чтобы провести перепись. Он прибыл в те места и расположился в саду. Увидел спасалар юношу, тот ему понравился. Стал расспрашивать, кто он, и ему доложили, что юноша — сын одной бедной женщины. Спасалар взял к себе женщину вместе с ее сыном. Юноша так ему полюбился, что он предпочитал его собственному сыну и всячески отличал его.

Однажды юноша спросил свою мать:

— Кто я? Чей сын?

Мать отвечала:

— Ты сын шаха. Вот что случилось со мною, и за это он нас с тобою прогнал.

Сын сказал:

— Если ты ни в чем другом не повинна, это легко поправить.

Мать поклялась, что за ней нет другой вины.

Взял он у матери все ее драгоценности, обменял их на золото, призвал золотых дел мастеров и приказал изготовить золотые зерна, наподобие пшеничных; пошел на базар, дал эти зерна в залог мяснику, торговцу винами и пекарю и пообещал: «Через три дня принесу вам деньги». Набрал у них всякой еды и вина и угостил спасалара.

Прошло положенное время, а он все еще не выкупил своего золота. Явились к нему торговцы, принесли зерна и потребовали денег, но он и слышать об этом не хотел.

— Откуда у меня деньги? Мы у себя в стране сеем эти зерна, потом жнем и продаем. Ничего у меня другого нет.

Торговцы пошли и пожаловались Казан-шаху. Позвали юношу, допросили его, но тот твердил все то же.

Казан-шах приказал принести все зерна, сложил их кучкой перед собой и спросил юношу:

— А у нас такая пшеница могла бы уродиться?

Тот отвечал:

— Она может уродиться повсюду.

Шах тотчас же приказал вскопать землю в своем саду, но, когда собрались сеять, юноша сказал:

— Так не годится! Найдите сначала человека, с которым никогда не случался грешок, иначе не уродится.

Стали искать:

— С кем не случался этот грех?

Не нашли такого. Юноша сказал шаху:

— Но вы-то, наверное, не соображали ни разу в жизни совершить его?

Шах ответил:

— Вот только что случился этот грех и со мною.

Юноша сказал:

— В этом нет ничего непристойного; спросите у домашних своих — пусть ваша супруга снизойдет и посетит.

Казан-шах пошел к своим домашним, но и среди них не оказалось подходящего человека. Он возвратился и сказал юноше:

— Что же делать? Не нашелся такой человек!

Тогда юноша сказал ему:

— Так в чем же провинилась моя мать? За что ты прогнал ее и меня, если нигде не найти такого человека?

Как узнал шах, что этот юноша — его сын, обнял его, принял и признал мать юноши своею супругою, а юношу — царевичем.

— Если и на мне нет иного греха, кроме того, что я красноречив и могу ответить тебе, почему же ты за это натравливаешь на меня этих людей и позволяешь терзать меня? Скажи: «Есть ли где человек бессловесный и безответный?»

Рассказал визирь притчу:

ЦАРСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Жил некий царь. Когда пришел его смертный час, он призвал сына и сказал ему:

— Я не оставляю тебе других заветов, исполни лишь один: не держи в своем царстве людей, у которых не растут ни борода, ни усы.

Царь умер; его сын утвердился на престоле. Он до того ненавидел безбородых, что при нем никто не смел даже помянуть имени такого человека.

Однажды какой-то безбородый поднес ему цветы. Царь разгневался, послал паличников, и те избили его так, что он свалился без чувств. Царь сжалился над ним и сказал:

— Не убивайте его — жалко; положите где-нибудь и, если не умрет, прогоните прочь.

Управляющий царской кухней взял его к себе, но, оказывается, безбородый проделал все это из хитрости и тотчас же выздоровел. И стал он готовить такие яства, что царь ничего другого и есть не хотел.

Управляющий кухней полюбил безбородого и покровительствовал ему. Безбородый стал играть со своими товарищами в шахматы, и не нашлось никого, кто бы мог его одолеть.

Прослышал об этом визирь — он очень любил шахматы и хорошо к тому же играл. Визирь призвал безбородого к себе, посадил за игру, но безбородый обыграл и его.

Все так хвалили безбородого, что молва о нем дошла до царя. Царь повелел привести его и предложил визирю сыграть с ним. Безбородый снова выиграл у визиря, и царь очень его полюбил.

Прошло некоторое время, царь сместил того визиря и поставил визирем безбородого. И стал он царю таким слугою, что царь без него не решал ни одного дела.

Напал на царя враг. Царь не мог больше сопротивляться. Навьючили на двух коней столько жемчуга и драгоценных камней, сколько они могли поднять, царь сел на одного, посадил на другого безбородого слугу, и они покинули родину.

Прибыли в другое царство. Безбородый визирь посоветовал царю:

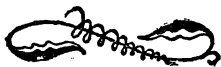
— Ты еще молод, а я старик. Если ты будешь выдавать себя здесь за господина, а меня за слугу, как бы это не показалось непристойным, — чего доброго, нам не станут оказывать почестей. Послушайся меня: говори, что ты мой слуга, а я выдам себя за твоего господина.

Царь ответил:

— Да будет так! С каждым, кто не исполняет отцовского завета, может случиться и похуже!

— Знаю, что ты безбородый, подобно тому безбородому. Ты ловко владеешь речью и скажешь иной раз так, что можешь убедить человека. И поступить ты хочешь подобно тому безбородому, если улучишь подходящий час.

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

ГРАНАТОВЫЙ СОК

Жил некий садовник, человек богобоязненный и праведный. Кто бы к нему ни пришел — всех он угощал плодами. Потом он выжимал сок из одного граната и, как бы чаша ни была велика, наполнял ее до краев соком этого граната и давал пить.

Однажды его посетил царь, только был он не в царской одежде. Садовник не узнал его, подал плоды и выжал для него гранат.

Удивился царь тому, что из одного граната получается столько соку, и сказал:

— Если от одного граната столько соку, почему мои слуги подают мне так мало? Потребую-ка я их к ответу.

На следующий день царь снова посетил садовника и попросил выжать ему гранат. Соку получилось мало. Царь спросил:

— Вчера в гранате было много соку, что же случилось сегодня?

Садовник отвечал:

— Братец, до сих пор и наш царь был человеком щедрым, с открытой душой, теперь же в его сердце вкралась, оказывается, забота, оттого и соку стало меньше.

Царь понял, что хотел сказать садовник, и ушел.

— Оказывается, благодаря вашим ядовитым языкам и сердце милостивейшего моего государя отвратилось от меня, потому-то вы и разговариваете со мною подобным образом, иначе бы не посмели.

Рассказал Леон притчу:

МЯСНИК И ПОКУПАТЕЛЬ

Пришел к мяснику некий человек и сказал:

— Брат, у меня нет с собою денег, дай мне половину бараньей туши, деньги отдам завтра.

Мясник ответил:

— Не подобает тебе нести окровавленную тушу. Ступай домой, пришли раба, пускай он придет хоть с одним волоском с твоей головы, в виде приметы, и я пошлю тебе тушу.

Тот человек пошел домой и послал к мяснику раба с волоском, что должно было означать: «Вот тебе волосок, ты же пришел мне мяса».

Мясник сказал рабу:

— Молодчик, твой хозяин сам был здесь, и не с одним только волоском, а с бородой и усами, и все-таки я не дал ему ни кусочка, с какой же стати я пошлю ему столько мяса за один волосок?

— Ты болтаешь такой же вздор. Разве царь был благорасположен к тебе, когда царевич и визирь были хороши с тобою, чтобы сейчас он стал к тебе недоброжелательным только потому, что они с тобою враждуют?!

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

143

ЧЕЛОВЕК, ВЗЯВШИЙ В ПЛЕН КАДЖЕЙ

Возле одной деревни был глубокий овраг со скалистыми обрывистыми берегами. Горы подступали к нему вплотную. Через овраг был перекинут мост, по которому проходили жители тех мест.

Каджи завладели этим мостом, скатывали на проходящих каменные глыбы или внезапно появлялись перед ними, и те от страха сходили с ума.

И народ и царь той страны были охвачены тревогой, но ничего не могли придумать. Пришел к царю некий человек и доложил ему:

— Прикажи, сослужу тебе службу.

Царь поблагодарил, и тот человек ушел. Взял он с собою два ордзали, две подстилки из войлока, кувшин вина, кувшин со снотворным лекарством, две чаши и веревку из свиной щетины.

Пришел он со всем этим к мосту, разостлал на мосту кошму, положил на нее ордзали, поставил кувшин со снотворным питьем и одну чашу. Другую кошму он разостлал на другом конце моста, кинул на нее веревку, сел и, поставив рядом с собою кувшин с вином, стал играть на ордзали и петь. Он пил вино и пел песню об одиночестве.

Увидели это каджи — было их двое, — пришли, уселись на кошму, стали тоже пить и играть на ордзали. Подействовало на них снотворное питье, и они заснули. Тот человек встал, завернул обоих в кошму, крепко связал веревкой из свиной щетины и доставил царю. Каджи проснулись, царь спросил их:

— Вы и есть каджи?

Они ответили:

— Нет, не мы, а вон тот ваш человек — он и каджи, и черт, и дьявол.

— Так и вы творите всякое зло и отвращаете от меня цареву сердце, а то ведь царь всегда был ко мне безмерно милостив.

Рассказал Джумбер притчу:

144

РАЗБОГАТЕВШИЙ БЕДНЯК

Некий бедняк разбогател и стал сватать сыну дочь богача. Богач подумал: «Отказать — он станет мне врагом, отдать дочь — тоже не годится. Надо под каким-нибудь предлогом отделаться от него». И сказал ему так:

— Я отдам дочь за твоего сына, если он сделается нищим и будет целый год ходить по дворам, прося милостыню.

Выслушал это сын разбогатевшего бедняка и стал ходить по дворам и просить милостыню. Прошел год, отец снова пошел сватать дочь богача. Богач сказал:

— Если он перестанет ходить по миру и просить милостыню, отдам за него дочь, не могу же я выдать ее за бродягу и нищего.

Когда тот бродяга и нищий узнал об этом, он и слышать не захотел:

— Я за год едва выучился нищенствовать, как же мне теперь бросить это дело?

Он не перестал нищенствовать, а богач не отдал за него дочь.

— Так и ты привык к злоязычию и ссорам и никак не отвыкнешь от этого, поскольку не легко отказаться от приобретенной годами привычки. Ты ведь все дни своей жизни только и занимался этим делом.

Рукха в ответ рассказал ему притчу:

234

УПРАВИТЕЛЬ, КАКОГО НЕ СЫЩЕШЬ И С ОГНЕМ

Был управитель, очень хороший человек, но люди, над которыми он был поставлен, стали ему врагами и оклеветали его перед царем.

Царь сместил его и назначил управителем другого человека.

Новый управитель был человек злой и учинял насилия над подчиненными ему людьми. Те люди впали в уныние и сказали:

— Не можем же мы умолять царя, чтобы он снова сменил управителя, что же нам теперь делать?

Собрались все, и мужчины и женщины, прилепили ко всем десяти пальцам свечи, зажгли их и стали ходить по улицам.

Царь спросил:

— Чего они там бродят?

Ему доложили:

— Они ищут того управителя, которого сами же недавно прогнали, и не могут его найти.

— Что ж, вы доконали меня, и, знаю, со мною поступят согласно вашей воле. Но увидите, вам еще придется разыскивать меня с огнем.

Царь, слушая их, то смеялся, то радовался, то сердился, однако из любви к ним скрывал свой гнев. Но в конце концов нельзя было не заметить, что он недоволен Рукхой.

Рассказал царь притчу:

СОБАКИ И ВОЛК

В одном месте валялась падаль. Семь или восемь собак, окружив, пожирали ее, рычали, огрызались и кусали друг дружку. Увидев, что к ним подбирается волк, они перестали рычать, огрызаться и кусаться, разом кинулись на волка и прогнали его; потом прибежали обратно и снова начали грызться из-за той же падали. И так всякий раз — увидят хищника, кинутся на него дружно, а потом грызутся.

— Так вот и вы, не знаете ни дня, ни ночи! Подумали бы лучше, не нужно ли чего разведать о врагах или позаботиться о моих делах, а потом уж беседуйте и спорьте.

Рассказал визирь притчу:

КУПЕЦ ИЗ БРУССЫ И ГОЛУБКА

Жил в Бруссе именитый купец, человек богатый, богобоязненный, удачливый. В стену дома, в котором он жил, был вделан шест. Прилетала голубка, вила на нем гнездо и выводила птенцов.

Увидел однажды купец, что подходит большой караван, послал навстречу человека, велел привести и устроить поблизости на ночлег. Начальник каравана был молодой человек, родом из Индии, сын богатого купца. Отец его, оказалось, отправил с ним сто верблюдов с гвоздикой и корицей и наказал: «Продай все только одному человеку и возьми с него только одинаковыми деньгами — или плури, или марчили, или аслани». Индийский гость поведал это купцу и сказал:

— Я не могу нарушить отцовского приказа, но у кого же найдется столько денег, чтобы уплатить мне всю цену одинаковой монетой?

Брусский купец сказал ему:

— Я куплю. Какой монетой хочешь получить?

Индийский купец, желая его испытать, сказал.

— Хочу получить одни аслани.

Брусский купец приказал слугам отсчитать ему всю стоимость одними аслани и увязать серебро.

Тогда индиец сказал:

— Нет, не хочу аслани, хочу одни марчили.

Слуги высыпали аслани и стали увязывать марчили. Тогда индиец потребовал плури. Он испытывал купца, желая узнать, как велико его богатство.

Брусский купец строил в ту пору баню. У него уже была заготовлена известь, и, когда прибыл индиец, купец тотчас же приказал истолочь те сто вьюков корицы и гвоздики и смешать их с известью. Достроив баню, он позвал индийца искупаться в ней, щедро одарил его и отпустил. Индийский купец уехал, крайне пораженный его богатством.

Прошло время, голубка изменила своему обыкновению: не стала вить гнездо на том шесте и не прилетала больше к этому дому. Купец сказал:

— Нынче я понял, что счастье от меня отвернулось и мне суждено терять мое богатство.

Он бросил торговать, запечатал сокровищницы, оделся в нищенскую одежду, не захотел даже сесть на коня и ушел пешком. Много скитался, устал и прилег в одном месте отдохнуть. Проходило мимо деревенское стадо; осел перешагнул через купца и помочился на него. Купец даже не отстранился. Он сказал:

— Знаю, счастье вернулось ко мне, снесу и это унижение. Иначе осел нашел бы другое место и не помочился бы надо мной!

Он поднялся и пошел дальше. Долго странствовал, пришел в Индию и стал там нищенствовать. Шел он однажды по базару, сидевший там индеец узнал его, дал ему два плури милостыни и сказал своему рабу:

— Отведи его в мой дом.

Когда стемнело, пришел он к купцу и спросил:

— Что с тобою приключилось? Какие беды постигли тебя?

Купец все ему поведал. Узнав, как все было, молодой индеец пошел к своему отцу и рассказал. Тот очень обрадовался, взял купца к себе и держал в великом почете. И жил у него купец из Бруссy. После стольких испытаний и мучений бог смилостивился над ним и снова послал ему счастье.

В стену дома, в котором он жил, был также вделан шест. Прилетела голубка и снесла яйцо. Купец убедился, что счастье уже не покинет его, простился с хозяином, отправился домой и снова занялся торговлей.

— Великий государь, вам, мудрому и непобедимому, известно, какой я друг и товарищ Рукхе. Но я знаю также и то, что от него отвратилось счастье. Я его вразумляю, наставляю, он же меня не слушается; иначе какая у меня причина быть врагом или другом одного из них и предпочитать одного другому?

Рассказал царь притчу:

ЦАРЬ И ЕГО НАСЛЕДНИК

Был царь, справедливый, милостивый и такой богатый, что сам он не знал цены своим сокровищам. Царь постарел. У него был хороший сын; этому сыну отдал он свое царство и сказал:

— О сын мой, царствуй вместо меня, но, пока я жив, не прикасайся

к моим сокровищам. Когда же умру, раздай их нищим за упокой моей души.

Сын послушался отца. Он проявил такую справедливость и доброту, что все поневоле забыли его отца — так хорошо начал он править. Днем никуда не ездил, лишь ночью садился на коня и отправлялся, куда надо, причем факелы приказывал нести за собою, а не впереди. Все удивлялись, но никто не посмел спросить, почему он так поступает.

Спросил однажды отец о сыне:

— Хорошо ли он правит?

Доложили ему обо всем — и как превосходно он правит и как ездит по ночам. Царь велел позвать его и сказал:

— О сын мой, я слышу великие тебе похвалы, но если ты любишь ездить по ночам, то не лучше ли, чтобы факелы несли не позади, а впереди тебя?

Сын почтительно ответил:

— До нынешнего дня я не дерзал сказать вам, но я поступал так ради того, чтобы и вы свои сокровища приказали нести впереди себя и роздали нищим еще при жизни — так лучше, потому что посмертная щедрость подобна факелу, который несут позади.

Царю понравился его ответ, он роздал все, поблагодарил сына и сказал:

— Лучше совершить все посильное добро при жизни и не медлить с благодеяниями.

— Седрак, разве я не знаю этого, но Рукха полагает, что ему лучше поступать пока вот этак, добрыми же делами займется, мол, позже. Однако он не думает о том, что жизнь коротка и смерть застигнет его врасплох. Так и останется он при своих злых делах — человеком, не совершившим добра, и нечего ему будет взять с собою, кроме своих злодеяний.

Рассказал визирь притчу:

ЯСТРЕБ И УТКА

Ястреб поймал утку и нес ее, еще живую, в когтях.

Пролетала мимо куропатка, которую вспугнул охотник.

Ястреб погнался за куропаткой: поймаю, мол, и ее, — но утка вырва-

лась из его когтей и улетела, а куропатку он не догнал. И остался он ни с чем.

— Если теперь наш Рукха откажется от зла и обратится к добрым делам, он и за одним не угонится и другое упустит. Случится с ним то же, что с тем ястребом, и будет он достоин сожаления.

Рассказал царь притчу:

150

УТКА И ЛЯГУШКА

Осталась после дождей небольшая лужа на горе. Прилетела туда утка, села, да так в ней и зажила.

Побратались утка с лягушкой, вместе проводили время и приятно, по мере возможности, беседовали. Когда солнце стало припекать и усилился летний зной, воды в луже поубавилось. Утка сказала лягушке:

— Давай переселимся куда-нибудь.

Лягушка ответила:

— Ты привыкла вечно таскаться по свету, а я не могу покинуть свое родовое имение.

Утка улетела и поселилась в местах, где было много воды, лягушка осталась на родине. Спустя некоторое время утка сказала:

— Полечу-ка я навестить названную мою сестру, как-то она там поживает?

Прилетела — лужа, оказывается, высохла, а лягушка околела.

Утка сказала:

— Нет, сестра, уж лучше скитаться, как я скитаюсь, чем любить такое родовое имение!

— Поскольку Рукха закоснел в злодеяниях, не берите с него пример и творите добро. Его ждет такая же судьба, какая постигла лягушку.

Рассказал визирь притчу:

ВРАЧ И ДВОЕ БОЛЬНЫХ ВЕЛЬМОЖ

Был царь, прославленный, милосердный и могущественный. Был у него врач, исцелявший все недуги.

Двое вельмож заболели жестокой болезнью: один страдал таким запором, что у него желудок не действовал пятнадцать дней, у другого был такой понос, что он ходил сорок раз на дно. Врач извелся, придумывая, как их вылечить, но ничего не помогало.

Царь часто справлялся у врача о здоровье вельмож. Однажды врач припал к его коленям и сказал ему:

— Если ты изволишь на меня гневаться, вели разорить меня и казнить, но, если тебе угодно оказать милость, освободи меня от лечения этих вельмож. От утра до ночи я озабочен мыслью, чтобы один из них ходил реже; и от ночи до утра не сплю из-за другого, дожидаясь, когда же он сходит. О богатстве я молю царя, о жизни — бога. На этом кончаю я свою мольбу; удостоюсь ли я исполнения хотя бы одного из моих желаний?

— О царь, вземли и ты моей мольбе и избавь меня от их речей и от общения с ними.

Рассказал царь притчу:

ЛЮБЯЩИЕ СУПРУГИ

Жили в городе Константинополе муж и жена, очень любившие друг друга. Сидел как-то муж на базаре, продавал разную мелочь. Какая-то женщина кинула на него пристальный взгляд, затем долго вертелась около него, но человек этот не обратил никакого внимания на ее любовные знаки. Тогда женщина наполнила водою чашу, прикрыла ее листом чинары и поставила перед ним. Человек этот удивился, но не догадался, в чем дело.

Вскоре он занемог и сказал жене:

— Вот как поступила со мною одна женщина, и с тех пор я болен и никак не поправлюсь!

Жена сказала:

— Любовью к тебе загорелась та женщина, оттого ты и занемог. Чего же ты убиваешься, поди к ней.

Муж ответил:

— Не знаю, где она.

Жена сказала:

— Поищи в доме, перед которым растет чинара, а перед чинарой — водоем, и найдешь.

Муж отправился на поиски и нашел то место, но дверь была заперта и никто не отворил. Возвратился он домой.

Жена сказала:

— Она не желает, чтобы ты вошел к ней через эту дверь, поищи другую.

Пошел он, проник в дом через другую дверь, встретила его та женщина, и предались они беседе и веселью.

Пришла базарная стража и заперла их в том доме. Они предлагали страже щедрую мзду, но им не удалось откупиться. Тот человек дал кому-то из них один плури и послал его к жене сказать: «Вот что случилось с нами!»

Стража отвела их в темницу, чтобы наутро доставить к кадию и казнить.

Жена того человека написала кадию письмо:

«О ты, праведный судья! Слышанное ли дело, чтобы в такое время, когда ты у нас судьей, хватали мужа и жену за то, что они вместе, и кидали их в тюрьму. Когда и при ком бывало такое?»

А сама завернувшись в покрывало, пришла туда, где томились ее муж и та распутная женщина, и попросила тюремщика:

— Этот человек — мой должник,пусти меня к нему.

Как только ее пустили, она накинула покрывало на ту распутницу, велела ей уйти и села рядом с мужем.

Кадий, получив ее письмо, жестоко разгневался и послал своих людей в тюрьму. Они привели и поставили перед судьей и тех, кто был схвачен, и тех, кто их схватил.

Те, кто схватил, поклялись:

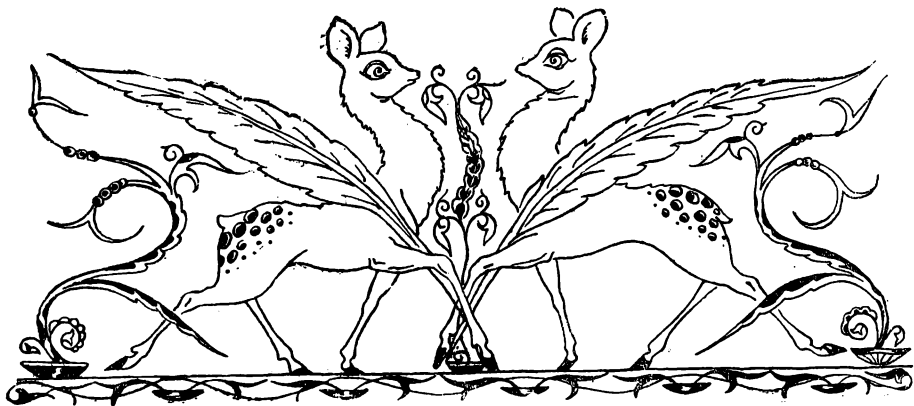
— Они прелюбодействовали, мы захватили их на месте преступления.

Жена сказала судье так:

— Мой отец тот-то и тот-то, спросите его: жена я этому человеку или нет? Если вы обвиняете меня в прелюбодеянии, то уличить можете, только застав с чужим человеком, а от собственного мужа как могу уклониться?

— О Седрак, меня тоже очень тревожит ваша неприязнь друг к другу, и, думаю, никому из нас не избежать из-за нее беды: ни тебе, ни мне, ни другим. Послушайтесь меня, перестаньте укорять друг друга и кончайте на этом беседу.

ПОЯСНЕНИЯ К СЛОВАМ

А баз — серебряная монета.

Алеппо, Халаби — древний торговый город в Сирии.

Анакопия — название древнего города на Черноморском побережье (в Абхазии).

Аслани — голландская золотая монета, имевшая большое распространение на Востоке. Как видно из контекста, существовали также аслани серебряной чеканки.

На монете было изображение льва, по-тюркски — «аслан», откуда ее общепринятое на Востоке название.

Аспанури — золотая монета.

Багдад — столица Ирака, центр халифата в средние века.

Басра — город в южном Ираке.

Бечи — город Вена (венгерское название австрийской столицы).

Бисти — мелкая монета.

Болниси — название местности в юго-восточной Грузии, ныне районный центр.

Бугдан — Молдавия.

Брусса — город в Турции (в Малой Азии). В грузинском тексте «Бурса».

Гилян — область Ирана на берегу Каспийского моря.

Грандук — великий герцог.

Дервиш — странствующий монах.

Дидора — вымышленное название страны.

Дук — герцог.

Евлат, Акаба — город и порт в Трансиордании.

Испагань — город в центральном Иране, древняя столица и торговый центр.

Кааба — мусульманское святилище в городе Мекке.

Каджи — сказочное существо, злой дух.

Кадий — судья.

Кашмир — горная страна в верховьях Инда.

Кесарь — император, цезарь.

Кирманеули — мелкая серебряная монета.

Кларджети — название юго-западной области древней Грузии (с XVI века отошла к Турции).

Кобулет — название местности на берегу Черного моря, около Батуми.

Лавдикия, Лаодикия — город во Фригии (Малая Азия).

Лечаки — легкая ткань, часть женского головного убора.
Литра — мера сыпучих тел, равняется двенадцати унциям.
Магистрос — высокий придворный титул в Византии.
Марчили — серебряная монета.
Молла, мулла — мусульманский служитель культа, мусульманский священник.
Назир — управляющий, смотритель, надзиратель.
Нарды — игра.
Ордали — музыкальный двухструнный инструмент.
Паличник — человек, вооруженный палицей. Паличники несли полицейскую службу.
Плури — динар, золотая монета.
Рамазан — девятый месяц мусульманского (лунного) календаря.
Систан, Сейстан — название области в восточном Иране (ныне находится в пределах Афганистана), родина персидских мифических богатырей (Зал, Рустем).
Спасалар — военачальник.
Тумани — червонец.
Туниджар — Тунис.
Хорасан — северо-восточная провинция Ирана.
Чанги — музыкальный инструмент, употребляется часто в значении «лиры» (символ поэзии).
Чин-Мачин — Китай.
Чоха — черкеска.
Шами — Сирия; здесь, по-видимому, название главного города Сирии — Дамаска.
Шаури — мелкая серебряная монета.
Шираз — город в южном Иране.
Ширван — область между Кавказским хребтом, нижним течением Куры и Каспийским морем (Азербайджанская ССР).
Эдесса — нынешняя Урфа, город в Месопотамии.

СОДЕРЖАНИЕ

Сулхан-Саба Орбелиани <i>Геоργия Леонидзе</i>	5
---	---

МУДРОСТЬ ВЫМЫСЛА

1. Царь хорасанский	74
2. Жадный бедняк	77
3. Скупой богач	78
4. Человек с решетом	80
5. Недогадливый пловец	80
6. Злосчастный богач	81
7. Евнух из Халаба	83
8. Визирь индийского царя	84
9. Набожный злодей	86
10. Старик и отрок	87
11. Самое сладкое и самое горькое	88
12. Дук и дворянин из Бечи	88
13. Царь и живописец	90
14. Вороватый портной	91
15. Два муллы	92
16. Лис-исповедник	93
17. Вестники новолуния	95
18. Воля господня	96
19. Строители деревни	96
20. Несправедливый Ширван-шах	99
21. Раненный языком	100
22. Царь и злорад	101
23. Халиф и араб	103
24. Поиски человека, не знавшего горя	104
25. Царь аравийский	105
26. Сын кобулетского царя	106
27. Оскопленный	106

28. Сын грандука	107
29. Спаспет кесаря	107
30. Каменотес	108
31. Богач перс	109
32. Сын валашского царя	110
33. Бугданский вельможа	111
34. Безбородый и кадий	113
35. Сила единения	116
36. Волк в кузницах	117
37. Сын вора	118
38. Зловредный покойник	118
39. Жемчужница и рак	119
40. Продавец фруктов и пастух	119
41. Скупец и золото	121
42. Богач и наследник-пропойца	122
43. Царь и трое сыновей	124
44. Два брата	125
45. Царь, брошенный в яму	126
46. Верблюд и осел	127
47. Царь и смерть	128
48. Власть вина	129
49. Злая невестка и ее деверь	129
50. Враль и невежда	132
51. Три товарища	133
52. Зрячий и слепой	134
53. Осел, тигр, лиса и волк	136
54. Индийский царь и цирюльник	137
55. Пахарь, ткач и портной	138
56. Волк, коза и сено	140
57. Мелас, Метур и Марасан	140
58. Дележ коз	142
59. Царь, почитавший себя богом, и его визирь	142
60. Черепаха и скорпион	143
61. Мудрец и богач	144
62. Хозяин и его подручный	146
63. Лудильщик и осел	146
64. Еврей и христианин	148
65. Дарбандские косари	149
66. Мулла и кабан	149
67. Два богача	150
68. Лиса и журавль	152
69. Кадий и мул	152
70. Кузнец и черт	154
71. Перс и индеец	155
72. Анстинный суд	156
73. Философы	158
74. Медведь и охотник	158
75. Сирота и его мать	159
76. Царь и кузнец	160
77. Неловкий цирюльник	161
78. Итальянские живописцы	162
79. Завистливая невестка	164
80. Хлеб с хлебом	165
81. Огонь «сел да пересел»	165

82. Врач, который куском меди починил череп . . .	166
83. Врач, который исцелил кровопусканием . . .	166
84. Врач, который вставил человеку ослиную голень .	167
85. Мудрый врач . . .	167
86. Царь басров и врач . . .	168
87. Врач, который исцелил скрытую в теле опухоль .	169
88. Сын Кирман-шаха . . .	169
89. Врач, который излечил от летаргического сна . .	170
90. Человек, которого исцелила злоба . . .	171
91. Врач, который исцелил от грибка . . .	172
92. Человек с камнем . . .	173
93. Угощение двумя хлебами . . .	173
94. Джизи-Гурген . . .	174
95. Сокол и журавль . . .	177
96. Слепой гепард . . .	177
97. Оса и овод . . .	178
98. Фазан с плетью . . .	178
99. Сквороды вместо голов . . .	179
100. Житель полунощной страны и каджи . . .	179
101. Дервиш Абдул-Азим . . .	181
102. Ворона-всчунья . . .	183
103. Заживо погребенный и великаны . . .	184
104. Индийские акробаты . . .	188
105. Туниджарские волшебники . . .	190
106. Врач-чародей . . .	190
107. Бедняк и горшок с золотом . . .	194
108. Два врага . . .	195
109. Бездельник . . .	196
110. Человек и змея . . .	196
111. Добрая змея . . .	198
112. Бедняк и богач . . .	198
113. Халиф и араб . . .	199
114. Путник и разбойники . . .	200
115. Богатый купец и содержатель караван-сарая .	201
116. Три слепца . . .	203
117. Магистрос кесаря . . .	205
118. Царь анакопийский . . .	207
119. Татвали . . .	208
120. Саламандра . . .	209
121. Три товарища . . .	210
122. Бедняк и горшок с маслом . . .	210
123. Два дервиша . . .	211
124. Крестьянин и три змен . . .	212
125. Три брата . . .	213
126. Ведьма и ее муж . . .	214
127. Ученый врач . . .	216
128. Строптивая жена и ее муж . . .	217
129. Лиса и козел . . .	219
130. Человек и его судьба . . .	220
131. Царь и садовник . . .	221
132. Отшельник и дитя . . .	222
133. Кошка, выкормившая льва . . .	223
134. Плачущий и смеющийся . . .	224
135. Лиса и гонимые . . .	224

136. Кадий, которого признали ослом	225
137. Осел, сорока и волк	227
138. Два охотника и медведица	228
139. Казан-шах и его жена	228
140. Царское завешание	230
141. Гранатовый сок	232
142. Мясник и покупатель	232
143. Человек, взявший в плен каджей	233
144. Разбогатевший бедняк	234
145. Управитель, какого не сыщешь и с огнем	235
146. Собаки и волк	235
147. Купец из Бруссы и голубка	236
148. Царь и его наследник	237
149. Ястреб и утка	238
150. Утка и лягушка	239
151. Врач и двое больных вельмож	240
152. Любящие супруги	240
Пояснения к словам	243

Сулхан-Саба Орбелиани
„МУДРОСТЬ ВЫМЫСЛА“

Редактор **Б. В. Абуладзе**

Технический редактор **Е. И. Шилина.**

Корректор **Н. Я. Корнеева.**

Сдано в набор 10/X 1958 г. Подп. в печать 8/IV 1959 г. Формат бум. 70×92¹/₁₆. Печ. л. 16,375 (условных 19,16). Уч.-изд. л. 15,34 + 7 вкл. УЭ 02219. Тир. 300 000 (1—150 000). Зак. тип. 1851.

Цена 10 р.

Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока». Тбилиси, проспект Руставели, 42.

Набрано и отматрицировано в типографии «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Отпечатано с матриц в типографии № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Управления полиграфической промышленности Ленинградского Совета народного хозяйства, Ленинград, Гатчинская, 26.
Заказ 1382.

